Дм. С. Мережковскій

БЫЛО И БУДЕТЪ

Дм. С. Мережковскій

БЫЛО И БУДЕТЪ

Дневникъ

1910—1914

Петроградъ
1915

Пров. 1958
Шр.
РУ
6107
Дне

Петроградъ, Тип. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Кавалергардская 40.

На пути въ Эммаусъ

Сегодня люди говорятъ: Христосъ воскресъ. Но что при этомъ думаютъ и чувствуютъ? Можетъ быть, похожее на то, что чувствовали ученики Господни, когда шли въ Эммаусъ, разговаривая съ неузнаннымъ Спутникомъ о распятомъ, погребенномъ и не воскресшемъ Господѣ:

— А мы надѣялись было.

Сегодня Христосъ воскресъ, а завтра сытый отниметъ хлѣбъ у голоднаго, такъ же, какъ отнималъ вчера. Сегодня Христосъ воскресъ, а завтра выйдутъ проститутки на улицу, такъ же, какъ выходили вчера...

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Христосъ воскресъ, но все осталось попрежнему. Міръ какъ лежалъ во злѣ, такъ и лежитъ. «А мы надѣялись было».

«Если Христосъ не воскресъ, то тщетна вѣра ваша». Не тщетна ли, если даже воскресъ?

Почему мы перестали вѣрить? Потому ли, что доказана невозможность физическая того, во что мы вѣрили? Но физическая невозможность относится не къ

вѣрѣ, а къ знанію, къ порядку явленій, порядку здѣшнему; вѣра же—прорывъ, прозрѣніе (интуиція) въ иной порядокъ, «касаніе мірамъ инымъ». Нельзя доказать, что невозможное здѣсь невозможно и тамъ. Нѣтъ, не потому мы не вѣримъ, что доказана невозможность физическая, а потому, что открылась, или, кажется намъ, что открылась ненужность метафизическая того, во что мы вѣрили. Не какъ можно, а зачѣмъ нужно вѣрить,—вопросъ для вѣры убійственный. И въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ нужно вѣрить въ воскресеніе Христа?

Воскресеніе—побѣда жизни надъ смертью. Но въ смыслѣ родовомъ, безличномъ, такая побѣда всегда и вездѣ, на нашихъ глазахъ, совершается. Вся органическая жизнь есть не что иное, какъ вѣчная побѣда жизни надъ смертью, умираніе и воскресаніе. Каждая умирающая клѣтка нашего тѣла воскресаетъ въ новой клѣткѣ рождающейся; каждое растеніе—въ сѣмени; каждое животное—въ зародышѣ. Смерть особей, безсмертіе рода—таковъ законъ естественный. Для природы нѣтъ смерти, потому что нѣтъ личности; только въ человѣкѣ вмѣстѣ съ сознаніемъ личности возникаетъ и сознаніе смерти. Вопросъ о смерти—вопросъ о личности.

Что такое личность? Если только явленіе,—вопросъ рѣшенъ: смерть, конецъ явленія—конецъ личности. Вскочилъ пузырь на водѣ и лопнулъ; раздался звукъ и замеръ; вспыхнулъ огонь и потухъ. Было—какъ бы не было. Ничего не уничтожила смерть, только обнаружила дѣйствительное ничтожество того, что казалось, являлось чѣмъ-то. Нѣтъ воскресенія, потому что и воскресать нечему.

Но если личность—больше, чѣмъ явленіе,

если касается она мірамъ инымъ, хотя бы одною точкою, то смертью не рѣшается, а только ставится вопросъ о личности.

Христіанство есть откровеніе Христа, Абсолютной Личности. Вотъ почему оно и ставитъ вопросъ о смерти, какъ вопросъ о личности; вотъ почему основной догматъ христіанства—побѣда надъ смертью Абсолютной Личности—воскресеніе Христа.

Противоположный христіанству, древне-буддійскій и современно-европейскій отвѣтъ даетъ Шопенгауэръ, кажется, съ наибольшею ясностью не только философскаго, но и религіознаго (или анти-религіознаго) сознанія.

Principium individuationis—начало различенія, раздѣленія на личности—находится только въ мірѣ явленій, въ пространствѣ и времени. «То, что за явленіями, сущность міра—воля—едина и свободна отъ всякаго множества; она внѣ пространства и времени, внѣ principii individuationis. Индивидуумъ, лицо—уже не воля сама въ себѣ, а проявленіе воли и, какъ таковое, уже опредѣленно и вошло въ форму явленія». («Міръ, какъ воля и представленіе», II, 23). «Индивидуумъ—только явленіе; онъ исходитъ изъ ничего и возвращается въ ничто». Уничтоженіемъ индивидуумовъ «сама природа совершенно наивно высказываетъ великую истину, что только идеи (роды), а не индивидуумы (личности) имѣютъ дѣйствительную реальность, т.-е. суть полная объективація воли» (IV, 54). Единая воля дробится на множество личностей въ principio individuationis, пространствѣ и времени, какъ единый лучъ на множество искръ въ граняхъ стекла.

Haec omnes creaturae in totum ego sum, et praeter me aliud ens non est (всѣ эти твари суть Я, и, кромѣ Меня,

нѣтъ ничего сущаго),—говорятъ Упанишады Ведъ. Это значитъ: все—во мнѣ; я—ничто; все—ничто.

Міръ явленій—«обманчивое покрывало Майи, спускающееся на глаза смертныхъ». А раздѣленіе на личности, principium individuationis—ткацкій станъ, на которомъ ткется это покрывало.

Христосъ—высочайшая, но не Абсолютная Личность. Исшелъ изъ ничего и вернулся въ ничто. Умеръ и не воскресъ.

Такъ, вынувъ Христа изъ христіанства, Шопенгауэръ сливаетъ его съ буддизмомъ; смыслъ обѣихъ религій для него тождественъ: «отрицаніе воли къ жизни». Это же послѣдній смыслъ и всего мірового процесса: темная воля къ жизни, просвѣщенная познаніемъ, стремится къ самоуничтоженію, избавленію отъ муки жизни. «Нѣтъ воли—нѣтъ представленія, нѣтъ міра... Остается одно ничто. Мы прямо исповѣдуемъ: что̀ остается за совершенной отмѣной воли для всѣхъ тѣхъ, которые еще исполнены воли, есть, конечно, ничто; но и наоборотъ, для тѣхъ, у кого воля обратилась вспять и отрицаетъ себя, весь этотъ нашъ столь реальный міръ со всѣми его солнцами и млечными путями—ничто»,—этими страшными словами заключаетъ Шопенгауэръ свою страшную книгу.

Такъ вотъ для чего ему нужно было отрицаніе Абсолютной Личности, Христа воскресшаго,—для утвержденія воли къ небытію.

Къ тому же, къ чему пришла современная метафизика, приходитъ и современная эмпирика. Проф. Мечниковъ въ своемъ ученіи о біологическомъ циклѣ рѣшаетъ вопросъ о смерти хотя въ иной плоскости, но почти въ томъ же смыслѣ, какъ Шопенгауэръ.

Смерть страшна и болѣзненна, потому что въ теперешнемъ состояніи человѣческаго организма люди умираютъ преждевременно; когда же они будутъ доживать до глубочайшей старости, завершая «біологическій циклъ», естественный кругъ животной жизни, то смерть перестанетъ быть страшною. Какъ при наступленіи ночи является желаніе сна, такъ при наступленіи старости—желаніе смерти: старому, какъ усталому, «умереть—уснуть». Всѣ религіи, ученія о безсмертіи личности, основаны на страхѣ смерти; съ его исчезновеніемъ исчезнутъ и всѣ религіи.

При такомъ рѣшеніи вопроса о смерти, не приходитъ въ голову мысль о томъ, что страхъ смерти, животный, безличный, безсознательный, и страхъ человѣческій, личный, сознательный—не одно и то же; что страхъ смерти не обостряется, а притупляется болью, какъ пьяною горечью оцета. Чѣмъ меньше боль, тѣмъ больше страхъ, тѣмъ яснѣе сознаніе, неотразимѣе вопросъ: что же будетъ съ тѣмъ, что было личностью? Живой песъ лучше ли мертваго льва? Тутъ для природы, для біологіи нѣтъ вопроса, но для психологіи, для человѣка—есть. И отказаться отъ этого вопроса нельзя, не переставъ быть человѣкомъ. Безболѣзненная смерть, конецъ «біологическаго цикла»,—можетъ быть, и «мирная», но не «непостыдная кончина живота». Чѣмъ безболѣзненнѣе, тѣмъ постыднѣе.

Вотъ мертвая Корделія въ объятіяхъ Лира. Какое ему дѣло до «біологическаго цикла», до безболѣзненной смерти будущихъ людей? Она с е й ч а с ъ мертва, и с е й ч а с ъ не ей, а ему больно. Собака жива, кошка жива, послѣдняя тварь жива, а она мертва. Онъ любилъ ее живую, любитъ и мертвую. Но мертвая—ничто. Какъ

же любить ничто? Смыслъ жизни—любовь, и этотъ смыслъ—безсмыслица?

Воля жизни совершаетъ «біологическій циклъ»; когда же циклъ законченъ, дѣло жизни сдѣлано,—обманчивое покрывало Майи падаетъ, и открывается истинный смыслъ или безсмыслица жизни—воля къ смерти, воля къ небытію.

Какъ ни различны Шопенгауэръ и Мечниковъ,—въ этомъ они согласны. Но что для одного—трагедія, то для другого—идиллія; одинъ—пессимистъ, другой—оптимистъ; одному тяжко и страшно, другому легко и весело. Можетъ быть, впрочемъ, эта веселость страшнѣе самаго страшнаго?

Шопенгауэръ и Мечниковъ высказали то, что носится въ воздухѣ современной европейской культуры, какъ на пустынныхъ вершинахъ метафизики, такъ и въ многолюдныхъ долинахъ эмпирики: современный христіанскій Западъ сходится съ древнимъ буддійскимъ Востокомъ въ отрицаніи воли къ жизни, въ утвержденіи воли къ небытію.

Провалъ воли къ жизни—провалъ личности. Не стало личности—не стало смерти. Безличность—безсмертность.

Вотъ почему воскресеніе для насъ—самая ненужная изъ ненужностей, самая нелѣпая изъ нелѣпостей. Умирать нечему—воскресать нечему.

Да, смерть исчезла. Мы живемъ, думаемъ, чувствуемъ, дѣйствуемъ такъ, *какъ будто* нѣтъ смерти. Наша первая заповѣдь—забвеніе смерти. Напоминать о смерти неприлично въ высшей степени. Когда въ Парижѣ совершаются гражданскія похороны то къ дому покойника подъѣзжаетъ изящная карета съ продолго-

ватымъ задомъ—чернымъ, длиннымъ и узкимъ лакированнымъ ящикомъ. Въ ящикъ опускаютъ покойника, и онъ скользитъ въ него такъ тихо и быстро, такъ незамѣтно, прилично, что сразу не поймешь, въ чемъ дѣло. Египетскія пирамиды и этотъ лакированный ящикъ—воплощенныя мысли о смерти.

Смерти не знаютъ боги и звѣри. Какое же наше незнаніе—божеское или звѣрское?

Противъ воли къ небытію возразить нечего, можно только спросить: зачѣмъ же терпѣть существованіе, по словамъ Шопенгауэра, «частью ничтожное, а частью ужасное»? Не лучше ли покончить сразу, какъ учатъ индійскіе поклонники богини Кали, спасающіе міръ отъ воли къ жизни убійствомъ и самоубійствомъ?

А, можетъ-быть, къ этому мы и идемъ? Духъ убійства уже надъ Европою носится. Вооруженные народы готовы, какъ пьяные ножовщики или хищные звѣри, другъ на друга кинуться, чтобы начать такую бойню, какой еще міръ не видалъ.

Духъ убійства надъ Европой носится, а надъ Россіей—духъ самоубійства. Пуля, петля и ядъ сдѣлались у насъ «явленьемъ бытовымъ», общественнымъ, едва ли не главною частью нашей конституціи. По слову Тертулліана о мученикахъ, мы летимъ на смерть, какъ пчелы на медъ. Если такъ дѣло дальше пойдетъ, то скоро утолится вполнѣ наша воля къ небытію.

Кто лучше, убійцы или самоубійцы? Во всякомъ случаѣ, ни для тѣхъ, ни для другихъ не нужно воскресеніе.

Такъ почему же въ эту Свѣтлую ночь, когда поютъ: Христосъ воскресъ,—горитъ наше сердце, какъ-будто все еще съ нами неузнанный Спутникъ, какъ тогда, на

пути въ Эммаусъ. «Не горѣло ли въ насъ сердце наше, когда Онъ говорилъ намъ на дорогѣ?»

— Отчего вы такъ печальны?

— Развѣ Ты не знаешь?

— О чемъ?

— Что̀ было съ Іисусомъ Назарянином̀ъ; какъ предали и распяли Его. А мы надѣялись-было...

— О, несмысленные и медлительные сердцемъ, чтобы вѣровать!..

Вѣровать не можемъ, такъ будемъ знать: если Христосъ не воскресъ, не совершилась надъ смертью побѣда Абсолютной Личности, то послѣдній смыслъ жизни—безсмыслица, воля къ небытію, и духъ убійства, самоубійства неотразимъ.

Хотимъ ли мы этого? Прежде, чѣмъ рѣшить, подумаемъ и вглядимся въ лицо неузнаннаго Спутника. Не узнаемъ ли Его? Не скажемъ ли:

— Христосъ воскресъ, воистину воскресъ.

Смерть Толстого

Смерть его—не конецъ, а свершеніе, исполненіе жизни. Чаша наполнялась, наполнилась и перелилась черезъ край земного бытія въ вѣчность.

Плачемъ, но не знаемъ, отъ скорби или отъ радости. Скорбь каждаго изъ насъ—скорбь всего человѣчества, скорбь всей земли. Ибо Духъ Земли воплотился въ немъ, и когда онъ ушелъ, земля опустѣла. Отнынѣ шаръ земной несется пустыннѣе въ пустыняхъ міра.

Кто онъ? Художникъ, учитель, пророкъ? Нѣтъ, больше. Лицо его—лицо человѣчества. Если бы обитатели иныхъ міровъ спросили нашъ міръ: кто ты?—человѣчество могло бы отвѣтить, указавъ на Толстого.

Въ эту минуту мы испытываемъ то, чего никогда никто изъ людей не испытывалъ. Сколько умирало великихъ сыновъ человѣческихъ. Но никогда еще взоры всего человѣчества не устремлялись такъ на одного человѣка; никогда человѣчество не чувствовало такъ, что умеръ сынъ его возлюбленный, сынъ человѣческій.

Тотъ, умершій на Голгоѳѣ, Единородный Сынъ Божій, хотѣлъ, чтобы всѣ мы стали сынами Божьими: Я говорю: вы боги, и сыны Всевышняго всѣ вы.

Мы теперь знаемъ, что Толстой—одинъ изъ нихъ. Мы также знаемъ, что все его величіе передъ величіемъ Единаго Сына Человѣческаго—ничтожно. Вѣруемъ, что малѣйшій въ Царствѣ Божьемъ наречется, можетъ быть, бо́льшимъ, чѣмъ онъ. Но пусть не говорятъ намъ, что самъ онъ этого не зналъ, не хотѣлъ знать, не вѣрилъ во Христа Бога, умеръ отверженнымъ, отлученнымъ, нераскаяннымъ. Не словами, а всей своей жизнью и смертью онъ Христа исповѣдалъ. Развѣ можно такъ любить человѣка, какъ онъ Его любилъ; развѣ можно такъ идти за человѣкомъ, какъ онъ шелъ за Нимъ; развѣ можно такъ умереть за человѣка, какъ онъ умеръ за Него?

Что́ бы намъ ни говорили, мы знаемъ, что Сынъ Божій не отвергнетъ сына человѣческаго—Себя Самого въ человѣчествѣ; а что въ эту минуту все человѣчество—въ немъ,—понимаютъ и тѣ, кто думаетъ, что онъ Христомъ отверженъ.

Вы, считающіе себя единственными учениками, намѣстниками Христовыми, получившими отъ Него власть разрѣшать и связывать,—опомнитесь, подумайте, что́ вы дѣлаете.

Развѣ мы не знаемъ, что усопшій великій братъ нашъ—такой же грѣшный человѣкъ передъ Богомъ, какъ всѣ мы, и, можетъ быть, не меньше, чѣмъ послѣдній изъ насъ, нуждается въ молитвахъ нашихъ и милосердіи Божьемъ. И пусть грѣхъ его въ томъ, что не сумѣлъ или не успѣлъ онъ исповѣдать Христа Богочеловѣка, не успѣлъ, хоть мертвѣющей рукой, дать знакъ, по которому бы люди поняли, что возлюбленный сынъ человѣческій вѣруетъ въ Сына Божьяго. Пусть это больно, страшно. Можетъ быть, намъ еще больнѣе, страшнѣе, чѣмъ вамъ. Но поймите же, что отлучить

его отъ Христа—значитъ отлучить все человѣчество; проклясть его—значитъ проклясть весь міръ.

Если можете,—молитесь вмѣстѣ съ нами и вѣрьте, что Господь не отвергнетъ нашей молитвы.

А если не можете, то, по крайней мѣрѣ, не лгите. Проклиная, проклинайте до конца. Хоть въ эту страшную минуту, надъ раскрывшейся могилой, не лгите, не увѣряйте насъ, что онъ умеръ, покаявшись, какъ вамъ того хотѣлось бы,—проклявъ себя, отрекшись отъ всей правды своей, той не сказанной, не исповѣданной, неисповѣдимой любви ко Христу Богу, съ которой онъ жилъ и умеръ. Что бы вы ни говорили,—все равно, никто не повѣритъ вамъ.

А если не можете молиться съ нами, то отойдите, не мѣшайте намъ. Мы одни за него помолимся. Но знайте, что въ эту минуту все человѣчество преклоняетъ колѣна надъ прахомъ возлюбленнаго сына своего и молится едиными устами, единымъ сердцемъ, единымъ воплемъ. И если церковь безмолвствуетъ, то вопіетъ все христіанское человѣчество. И дойдетъ до Бога, дойдетъ этотъ вопль.

Зеленая палочка

Онъ завѣщалъ похоронить себя на Яснополянскомъ курганѣ, гдѣ игралъ въ дѣтствѣ. Тамъ основалъ онъ съ братьями «орденъ для спасенія міра»; въ курганѣ зарылъ какую-то зеленую палочку, вѣря, что, когда ее отроютъ,—наступитъ на землѣ царство Божіе.

Если это—легенда, то глубочайшая сущность его выражается въ ней: дѣтство, какъ царство Божіе. «Если не обратитесь и не станете, какъ дѣти, не можете войти въ царство небесное».

Онъ исполнилъ этотъ завѣтъ: сталъ, какъ дитя, чтобы войти въ царство Божіе. Этимъ началъ и этимъ кончилъ жизнь.

Гёте сказалъ: «Счастливъ, кто сумѣлъ соединить конецъ своей жизни съ началомъ». Толстовское о п р о щ е н і е, котораго мы до сихъ поръ не понимали,—хотя онъ столько говорилъ о немъ, но все какъ-то не умѣлъ сказать,—есть конецъ жизни, соединенный съ началомъ, возвращеніе къ дѣтству, вхожденіе въ царство небесное. Мы это поняли, когда онъ не только сказалъ, но и сдѣлалъ. Поняли, почему всегда ненавидѣлъ онъ сложное, взрослое, искусное, мудреное, только человѣческое, и любилъ простое, дѣтское, мудрое, Божье.

Золотой вѣкъ, дѣтство міра—въ прошломъ? Нѣтъ, въ будущемъ,—утверждаетъ Благая Вѣсть. Когда снова станемъ дѣтьми, повѣримъ въ чудо, то отроемъ зеленую палочку, и наступитъ на землѣ царство Божіе.

За что мы всѣ такъ вдругъ полюбили его или, вѣрнѣе, узнали, что любимъ? За то, что онъ—дитя Божье. Мы всѣ хотимъ быть дѣтьми, тоскуемъ о дѣтствѣ, какъ будто о прошломъ,—а на самомъ дѣлѣ, о будущемъ, золотомъ вѣкѣ. И какъ же намъ не любить того, кто показалъ, что есть еще дѣтство въ мірѣ, а, значитъ, и царство Божіе на землѣ б у д е т ъ?

Да, всю жизнь былъ дитя. Потому-то и былъ такъ счастливъ. Чѣмъ дѣти счастливѣе взрослыхъ? Мы трудимся; дѣти играютъ. Мы споримъ о Богѣ; дѣти молятся. Мы знаемъ; дѣти любятъ.

Онъ всю жизнь, какъ дитя, игралъ, молился и любилъ. Сначала игралъ въ божественную игру искусства; потомъ оставилъ игру, чтобы молиться; наконецъ, оставилъ молитву, оставилъ все, чтобы любить. И умеръ за любовь.—«На свѣтѣ милліоны страдающихъ людей. Зачѣмъ же вы всѣ—около меня одного?»

Помянуть его нельзя никакими словами. Чтобы помянуть это Божье дитя, надо самимъ стать, какъ дѣти. Мы себя не обманываемъ: знаемъ, какъ трудно это, почти невозможно для насъ; знаемъ, какіе всѣ мы взрослые, сложные, скорбные, грѣшные... А все же попробуемъ. Если намъ и не удастся, то самое усиліе зачтется.

Всѣ люди похожи на дѣтей, которыя не умѣютъ ходить; когда падаютъ, то чьи-то руки протягиваются къ нимъ и поддерживаютъ. Если и мы не сумѣемъ, то, можетъ быть, почувствуемъ эти помогающія руки.

Вѣдь, какъ бы мы ни были взрослы, стары, дряхъ-

лы,—все-таки каждый, хоть разъ въ жизни, любилъ, молился, игралъ въ божественную игру искусства. И въ игрѣ, въ молитвѣ, въ любви чувствовалъ свое дѣтское сердце, не только прошлое, но и будущее. У каждаго изъ насъ была, а, можетъ быть, и есть еще своя зарытая зеленая палочка, своя дѣтская вѣра въ чудо. Не будемъ же стыдиться этой вѣры.

Вѣрящее, дѣтское разлито сейчасъ въ самомъ воздухѣ Россіи. Вотъ откуда придетъ къ намъ помощь, если мы попробуемъ высказать то, что всѣ безмолвно чувствуемъ.

Что такое происходитъ? «Гражданскія похороны» великаго человѣка? О, насколько больше! Вотъ, можетъ быть, единственныя похороны, о которыхъ Живой во-вѣки не сказалъ бы: оставьте мертвыхъ погребать своихъ мертвецовъ. Тутъ не мертвые хоронятъ мертваго, а живые живого несутъ въ вѣчную жизнь—на тотъ веселый, весенній, дѣтскій, яснополянскій холмъ, гдѣ зарыта зеленая палочка.

Когда ночныя темныя толпы, блуждающія, какъ овцы безъ пастыря, несли этотъ гробъ и, не умѣя молиться, только плакали,—это было начало какой-то новой молитвы. У людей еще нѣтъ имени Божьяго, но они уже тоскуютъ, воздыхаютъ о немъ, и это воздыханіе, почти безмолвное, можетъ быть, сильнѣйшая изъ всѣхъ молитвъ.

Это—великое знаменье. Страшно то, что церковь ушла отъ міра, а міръ ушелъ отъ Христа. Но мы теперь видимъ, что Христосъ отъ міра не ушелъ. Вѣдь мы всѣ, весь міръ—съ Толстымъ, а что онъ—со Христомъ, мы знаемъ; если же онъ, то черезъ него и мы всѣ, весь міръ—со Христомъ. Вотъ почему такая радость въ нашей скорби; въ смерти его—наше воскресеніе. Сейчасъ

этого почти никто не знаетъ; но придетъ время—узнаютъ.

И когда наши дѣти—недаромъ пока только дѣти (толстовское—дѣтское)—ходятъ по улицамъ нашихъ городовъ и повторяютъ послѣдній вопль умершаго за любовь: «не могу молчать! Да не будетъ смертной казни!» Это тоже—начало какой-то новой молитвы. «Кощунство; старая, безбожная политика», — говорятъ взрослые. Но тѣ, кто такъ говорятъ, сами кощунствуютъ. Надо имѣть слѣпое сердце, чтобы не видѣть, что тутъ есть что-то, кромѣ старой, безбожной политики. Вѣдь въ немъ самомъ, въ Толстомъ, было мятежно-любящее, бунтующее и,—да простятъ мнѣ это не толстовское, не дѣтское слово,—р е в о л ю ц і о н н о е,—революціонное и религіозное вмѣстѣ, во имя Божье освобождающее.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Двѣ Россіи

«Св. Левъ, моли Бога о насъ!»—Въ одномъ письмѣ отъ 1858 года гр. Александра Андреевна Толстая предсказывала полушутя, полусерьезно, что обратится когда-нибудь съ этими словами къ племяннику своему Л. Н. Толстому.

По мѣрѣ того, какъ образъ его отходитъ въ вѣчность, предсказаніе исполняется. . . . . Тутъ раздѣленіе, какъ бы бездонная трещина, между двумя Россіями. На поверхности кажется, что трещина проходитъ только въ политикѣ; но вотъ, по Л. Толстому видно, какъ то, что кажется въ Россіи политикой, есть въ глубинѣ религія, какъ связана политика съ религіей. Всѣмъ своимъ сознаніемъ онъ отрицалъ, всѣмъ своимъ бытіемъ утверждалъ эту связь. Что же сильнѣе, отрицаніе или утвержденіе? Каковъ общественный смыслъ этого религіознаго явленія? Совершаются ли, совершатся ли судьбы Россіи съ нимъ или противъ него? Вотъ вопросы, на которые 50-лѣтняя переписка его съ гр. Александрой Андреевной отвѣчаетъ съ большею ясностью, чѣмъ все, что мы до сихъ поръ знали о немъ.

Дѣйствительная или кажущаяся безобщественность, «аполитичность» Толстого происходитъ изъ первозданъ-

наго свойства его, изъ той «дикости», которую онъ самъ въ себѣ чувствовалъ, и которая, можетъ быть, и есть главный источникъ его геніальнаго творчества.

«Въ васъ есть общая намъ толстовская дикость. Недаромъ Ѳедоръ Ивановичъ татуировался»,—пишетъ онъ гр. Александрѣ Андреевнѣ. Ѳедоръ Ивановичъ Толстой—знаменитый «американецъ», «алеутъ» Грибоѣдова, московскій баринъ, исполнившій на дѣлѣ совѣтъ Ж.-Ж. Руссо, опростившійся до дикости. То, что у предка было дурачествомъ, у потомка сдѣлалось мудростью. Эта толстовская «дикая» мудрость есть отрицаніе или, по крайней мѣрѣ, обезцѣненіе всего условнаго, искусственнаго, изобрѣтеннаго, механическаго, созданнаго руками человѣка, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, культурнаго, и утвержденіе всего простого, живого, естественнаго, органическаго, богозданнаго, нерукотворнаго, стихійнаго.

Вотъ камень на камнѣ лежитъ первобытно, естественно, дико,—это хорошо; но вотъ камень на камень положенъ,—это уже не такъ хорошо; а вотъ камень съ камнемъ скрѣпленъ желѣзомъ или цементомъ,—это уже совсѣмъ плохо: тутъ что-то строится,—все равно, что,—дворецъ, казарма, тюрьма, таможня, больница, бойня, церковь, публичный домъ, академія; все, что строится,—зло, или, по крайней мѣрѣ, благо сомнительное; несомнѣнное—лишь то, что растетъ. Первая толстовская «дикая» мысль при видѣ какого бы то ни было строенія—сломать, разрушить, такъ, чтобы не осталось камня на камнѣ, и опять все было бы естественно, дико, просто, чисто. Природа—чистота; культура—нечисть. Или, говоря языкомъ новѣйшей философіи Бергсона: утвержденіе «инстинкта», и, если не отрицаніе, то обезцѣненіе «интеллекта».

Хорошо это или дурно? Можетъ быть, хорошо; можетъ быть, дурно, смотря по тому, куда приведетъ, чѣмъ кончится. У Толстого это хорошо кончилось. Ему надо было отрицать то, что онъ отрицалъ, для того чтобы утвердить то, что онъ утверждалъ; а онъ утверждалъ великія цѣнности религіозныя.

Религія еще не культура, но нѣтъ культуры безъ религіи, какъ нѣтъ залежей теплоты солнечной—каменноугольной руды — безъ солнца. Черта сознательной «дикости» почти всегда отдѣляетъ одну культуру отъ другой. Эта бездонная вулканическая трещина—начало землетрясенія. Такъ, Руссо—предтеча революціи. Можетъ быть, и Толстой—тоже предтеча?

«Онъ похожъ на слона, котораго пустили въ цвѣтникъ, и который на каждомъ шагу топчетъ прекраснѣйшіе цвѣты, самъ того не замѣчая», — приводитъ Александра Андреевна отзывъ Тургенева о Толстомъ.

Ко всему искусственному — неуязвимость, непроницаемость, толстокожесть, какъ у слона въ ступнѣ; ко всему естественному — чувствительность неимовѣрная, почти болѣзненная, тонкокожесть, какъ у того же слона въ хоботѣ.

Не только цвѣты въ цвѣтникѣ, но и хлѣбъ въ полѣ топчетъ слонъ. Презрѣніе Толстого къ «политикѣ», къ общественности—такое топтаніе хлѣба насущнаго.

«Почему вы говорите, что я поссорился съ Катковымъ?—пишетъ онъ въ 1865 году, когда сотрудничаетъ въ Русскомъ Вѣстникѣ.—Я и не думалъ... Мнѣ совершенно все равно, кто бы ни душилъ поляковъ или ни взялъ Шлезвигъ-Голштейнъ... И мясники бьютъ быковъ, которыхъ мы ѣдимъ, и я не обязанъ обвинять ихъ или сочувствовать».

Это дико уже не мудрою дикостью; безстыдно,

безсовѣстно: напоминаетъ каннибальскую татуировку «американца» Толстого, который скинулъ фракъ и ходитъ нагишомъ.

Тогда онъ говорилъ шутя о политикѣ, а потомъ уже серьезно, но съ неменьшею дикостью. Если бы когда-нибудь осуществился христіанскій анархизмъ Толстого, этотъ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы»,—не поздоровилось бы костямъ человѣческимъ. Зачѣмъ растить хлѣбъ, когда можно превратить камни въ хлѣбы? «Стоитъ людямъ сговориться»—и всѣ будутъ сыты. Это, въ сущности, та же прогулка слона по хлѣбному полю.

Нужно было раскаленное желѣзо русской политики, чтобы прожечь слоновью кожу.

Однажды, лѣтомъ 1862 г., прискакали въ Ясную Поляну три тройки съ жандармами, и начался обыскъ. «Что они искали, до сихъ поръ неизвѣстно, — сообщаетъ Левъ Николаевичъ Александрѣ Андреевнѣ.—Какой-то грязный полковникъ перечиталъ всѣ мои письма и дневники, которые я только передъ смертью думалъ поручить тому другу, который будетъ мнѣ тогда ближе всѣхъ; перечиталъ двѣ переписки, за тайну которыхъ я отдалъ бы все на свѣтѣ, и уѣхалъ, объявивъ, что онъ подозрительнаго ничего не нашелъ. Счастье мое, что меня тутъ не было,—я бы его убилъ».

Онъ хочетъ писать государю и бѣжать изъ Россіи, «гдѣ нельзя знать минутой впередъ, что меня и сестру, и жену, и мать не скуютъ и не высѣкутъ».

Вотъ когда онъ понялъ, что значитъ «политика»; вотъ когда отъ раскаленнаго желѣза толстая слоновья кожа задымилась, закоробилась. «Я убилъ бы его!»—это не въ шутку сказано. Хотя бы только въ мысляхъ, на одно мгновеніе, онъ былъ убійцей. Потомъ, когда

училъ «непротивленію злу», жаль, что не вспомнилъ этого мгновенія.

Не вспомнилъ, забылъ, какъ-будто ничего и не было. Обожженное мѣсто зажило.

«Я спокоенъ и счастливъ... Внѣшняя жизнь моя все та же, т.-е. лучше не могу желать... Les peuples heureux n'ont pas d'histoire... Немножко есть умныхъ и большихъ радостей и толстый фонъ—глупыхъ». Толстый фонъ—толстая кожа слона. Опять презираетъ политику. «Я живу хорошо... Три года не читалъ, и теперь не читаю ни одной газеты». Впрочемъ, и тогда, въ самую минуту боли, презираетъ или дѣлаетъ видъ, что презираетъ политику. «Если вы меня помните съ моей политической стороны, то вы знаете, что всегда я былъ совершенно равнодушенъ къ либераламъ, которыхъ презираю отъ души».

И вдругъ опять обжогъ.

«Я подъ слѣдствіемъ, подъ арестомъ,—пишетъ онъ въ 1872 г., ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того обыска.—Страшно подумать, страшно вспомнить о всѣхъ мерзостяхъ, которыя мнѣ дѣлали, дѣлаютъ и будутъ дѣлать... Я умру отъ злости... Я убѣдился, что они ненавидятъ меня... Я рѣшился переѣхать въ Англію навсегда или до того времени, пока свобода и достоинство каждаго человѣка не будутъ у насъ обезпечены».

Опять подъ слоновьей ступней не цвѣты, а желѣзо каленое.

Иногда кажется, что онъ вообще понималъ, но не хотѣлъ понять, закрывалъ глаза, чтобы не видѣть. Геній есть в н и м а н і е—вниманіе къ одному единственному и невниманіе ко всему остальному. Ему н а д о было ко всему ослѣпнуть, чтобъ увидѣть одно.

«Заговорили объ Евангеліи,—разсказываетъ Александра Андреевна въ своихъ «Воспоминаніяхъ».—Тургеневъ отнесся къ нему съ какимъ-то непріятнымъ пренебреженіемъ, какъ къ книгѣ, ему мало извѣстной.

— «Быть не можетъ, чтобы вы никогда не читали Евангелія?—спросила я.

— «О, нѣтъ, читалъ, и даже скажу, что свв. Лука и Матѳей довольно интересны; что же касается до св. Іоанна, то о немъ и говорить не стоитъ».

«Дикій» Толстой—слонъ, топчущій цвѣты. Но вотъ и Тургеневъ, культурнѣйшій изъ культурныхъ людей, тоже, хотя и въ иномъ цвѣтникѣ, топчетъ цвѣты. Это уже—не дикость, а одичаніе—одичаніе въ самой культурѣ. Мы думали, что культура есть творчество цѣнностей; но вотъ оказывается, что она можетъ быть и разрушеніемъ цѣнностей, и притомъ такихъ, къ которымъ сама она относится, какъ каменноугольныя копи—залежи теплоты солнечной—къ солнцу. Плевать на Венеру Милосскую—дикость, а плевать на Евангеліе—культура высшая? Если это такъ, то Толстой, отрекаясь отъ нея, пожалуй, зналъ, что̀ дѣлаетъ: отъ одичанія спасался дикостью. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ; не плачутъ о культурѣ, снявши голову ея—религію.

Тургеневъ надъ Евангеліемъ—пѣтухъ надъ жемчужнымъ зерномъ; Толстой—купецъ, продавшій все свое имѣніе, чтобы купить одну жемчужину. Отрекся отъ культуры, отъ Христа отрекшійся, чтобы со Христомъ остаться.

Отрицаніе культуры старой—утвержденіе новой, а между ними—черта дикости, вулканическая трещина, начало землетрясенія, которое измѣнитъ лицо земли.

Землетрясеніе онъ звалъ, и, по сравненію съ этою

бурею подземною, всѣ наши земныя бури казались ему ничтожными.

Въ Западной Европѣ освобожденіе религіозное, реформація, предшествовало освобожденію политическому; въ Россіи оба эти освобожденія совершаются вмѣстѣ. Россія рождаетъ д в о й н ю, — вотъ почему роды такъ трудны и медленны.

Общественныя судьбы Россіи совершаются такъ, какъ будто Л. Толстого вовсе не было. Но если суждено совершиться русской реформаціи, то Россія вспомнитъ, что онъ б ы л ъ. Въ его судьбѣ—судьба Россіи.

Иногда надъ самой серединой смерча сіяетъ, въ прорывѣ тучъ, ясное небо: аполитичность, безобщественность Толстого—такое ясное небо надъ смерчемъ. Его религія—неподвижная точка политики, но вокругъ нея движется, крутится смерчъ.

Въ глубочайшую связь новой религіозной личности съ новой религіозной общественностью даетъ заглянуть 50-лѣтняя переписка его съ Александрой Андреевной Толстой.

По внѣшности, это—обыкновенная свѣтская женщина, со всѣми слабостями и предразсудками свѣтскихъ людей. Несмотря на большой природный умъ, она кажется иногда почти неумной. суетной и мелочной.

«Графиня Софья Андреевна съ трудомъ переносила общество Сютаева и ему подобныхъ проходимцевъ изъ самыхъ низшихъ сферъ,—разсказываетъ она въ своихъ «Воспоминаніяхъ».—Достаточно было быть оборванцемъ или отщепенцемъ, чтобы возбудить интересъ въ Л. Н.; зато эполеты, аксельбанты, генераль-

скій чинъ и всякій выдающійся постъ внушали ему непреодолимое отвращеніе».

Но это только внѣшность. По мѣрѣ того, какъ вглядываешься, свѣтская шелуха спадаетъ, и ядро обнажается—глубокая душа человѣческая. Рядомъ съ Толстымъ это — не маленькій человѣкъ рядомъ съ великимъ, а равный съ равнымъ. Иногда, какъ будто вспомнивъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, она принижается, но тотчасъ же опять подымаетъ голову, и они опять равны.

Кто-то сказалъ: всѣ люди необыкновенны. Если это такъ, то разница между великими и малыми только въ томъ, что у тѣхъ величіе явное, у этихъ—тайное; а въ послѣднемъ счетѣ всѣ человѣческія души равны, потому что всѣ безконечны.

«Мы стоимъ на противоположныхъ полюсахъ; это мнѣ очень тяжело, но сердце рвется къ вамъ болѣе, чѣмъ когда-либо»,—пишетъ она. Два полюса—двѣ Россіи. Эта полувѣковая переписка—полувѣковой споръ двухъ Россій, прошлой и будущей.

Несмотря на расхожденія вѣчныя, вѣчно сходятся, тянутся другъ къ другу, какъ полюсъ къ полюсу.

«Убѣжденная православная съ молодыхъ лѣтъ до глубокой старости, Александра Андреевна силилась передѣлать его на свой ладъ, ужасалась его взглядамъ, въ минуты отчаянія уничтожала его письма, готова была топтать его сочиненія, но любила его», — говоритъ издатель писемъ. Да, любила и ненавидѣла вмѣстѣ. А онъ ее только любилъ. «Мнѣ съ вами веселѣй идти, какъ легче идти черезъ перекладину, когда знаешь, что есть рука, за которую можно ухватиться... Одного я бы желалъ—болѣе чувствовать, что моя протянутая рука вамъ такъ же нужна, какъ мнѣ—ваша».

Надъ какою пропастью ихъ руки протянуты, оба знаютъ, и все-таки не раздѣляютъ ихъ.

Она старается быть сдержанной, но то и дѣло «взлетаетъ на воздухъ, какъ ящикъ съ порохомъ».

«Онъ издѣвался надъ всѣмъ, что намъ дорого и свято. Мнѣ казалось, что я слышу бредъ сумасшедшаго... Наконецъ, когда онъ взглянулъ на меня вопросительно, я сказала ему:

— «Мнѣ нечего вамъ отвѣтить; скажу только одно, что, пока вы говорили, я видѣла васъ во власти к о г о-т о, кто и теперь еще стоитъ за вашимъ стуломъ.

«Онъ живо обернулся.

— «Кто это?—почти вскрикнулъ онъ.

— «Самъ Люциферъ, воплощеніе гордости,—отвѣчала я.

«Онъ вскочилъ со своего мѣста, пораженный».

Изгонять изъ него бѣса готовъ былъ и Достоевскій, заклинатель «бѣсовъ». Она показала ему однажды письма Л. Н. «Вижу еще теперь передъ собой Достоевскаго, какъ онъ хватался за голову и отчаяннымъ голосомъ повторялъ: «Не то! Не то!»

Безконечное отталкиваніе — и притяженіе безконечное.

«Не станемъ разъединяться ничѣмъ,—пишетъ она послѣ отчаянной ссоры.—Вы мнѣ такъ близки, такъ близки, что и сказать не могу... Я на вашъ счетъ спокойна. Начатое Божіе дѣло въ вашей душѣ непремѣнно довершится. Теперь поднято только одно покрывало; затѣмъ будутъ подниматься, одно за другимъ, новыя... и такъ до конца жизни—отъ силы къ силѣ и отъ свѣта къ свѣту».

Могу себѣ представить, какой истинной, а не сло-

весной только любовью горѣло его сердце въ то незабвенное, страшное время!» — вспоминаетъ она 1891 годъ, когда Л. Н. помогалъ голодающимъ съ опасностью для собственной жизни: спутникъ его Раевскій заразился тифомъ и умеръ на рукахъ его. Сколько бы тогда ни увѣряли ее, что это «не то, не то»,—она знала, что это т о с а м о е.

Однажды, послѣ долгой разлуки, пріѣхала въ Ясную Поляну, чтобы повидать Л. Н. «Семья была въ сборѣ, исключая хозяина, который еще не возвращался съ полевой работы. Наконецъ, вотъ и онъ, въ бѣлой чистой холщевой рубахѣ, перетянутой ремнемъ, и съ длинной полусѣдой бородой. Завидѣвши его, я всплеснула руками:

— «Господи! Отецъ Серафимъ!»

. . . . . .

И вдругъ опять: «Не то! Не то!» Опять «взлетаетъ на воздухъ, какъ мѣшокъ съ порохомъ».

«Не самъ ли злой духъ, древній змій положилъ въ сердце его отрицаніе?.. Онъ дошелъ до величайшаго, страшнѣйшаго отрицанія въ мірѣ, до отрицанія божественности Христа».

«Страшно было видѣть, какъ вы дерзновенной рукой вычеркивали изъ Евангелія все то, что не сходилось съ н а с т о я щ и м ъ складомъ вашего ума... Чудилось мнѣ тутъ что-то недоброе... Мнѣ кажется, вы вдаетесь въ то уже извѣстное ученіе, которое отрицаетъ Бога-человѣка и признаетъ человѣка-Бога».

Это—извѣстное ученіе Ивана Карамазова. Письмо—отъ 1880 года, когда происходило сближеніе ея съ Достоевскимъ, и когда онъ писалъ «Карамазовыхъ». Не онъ ли и шепталъ ей эту мысль о «человѣкобогѣ», «антихристѣ»? То, что тогда сказано шопотомъ, по-

томъ возвѣщено съ кровель: Толстой—«слуга антихристовъ». Во время голода 1891 года, «нашлись люди, которые выдавали его за антихриста»,—сообщаетъ Александра Андреевна съ негодованіемъ, забывая, что и сама она была не очень далека отъ этихъ людей. Можетъ быть, и Достоевскій согласился бы, что это люди не глупые.

Такъ, годы за годами, спорятъ они, оскорбляютъ другъ друга, ранятъ, мучаютъ. Разойтись бы, оставить другъ друга въ покоѣ; но вотъ и разойтись не могутъ: чѣмъ-то связаны, для чего-то нужны другъ другу. Для чего онъ ей нуженъ, легко понять: для обращенія, для спасенія души погибающей; но для чего она ему,—понять труднѣе. Ясно одно, что онъ ее любитъ больше, чѣмъ она его.

«Зачѣмъ разногласіе? Не въ одного Бога вѣруемъ, но подъ однимъ Богомъ ходимъ... Идите по вашему пути. Всѣ идущіе къ одной цѣли сойдутся въ ней».

Онъ ее вмѣстилъ, принялъ, полюбилъ до конца; она его не вмѣщаетъ, такъ же какъ вся Россія прошлая. Кто больше любитъ, тотъ побѣждаетъ: онъ любитъ больше,—онъ побѣдилъ, и въ этой побѣдѣ —побѣда Россіи будущей надъ прошлою.

Слова раздѣляютъ ихъ, молчанья соединяютъ. Думаютъ разное,—можетъ быть, и вѣрятъ въ разное,—любятъ одно. Онъ всегда это знаетъ, она только мгновеніями. «Самъ того не сознавая, онъ глубоко любитъ Спасителя и, конечно, чувствуетъ въ немъ не обыкновеннаго человѣка»,—рѣшаетъ она въ одно изъ такихъ мгновеній.

Но если чувствуетъ, то почему же не скажетъ? Потому что «сказать свою вѣру нельзя»,—отвѣчаетъ онъ такъ ясно, какъ только можно отвѣтить словами.

Въ вѣрѣ сказать—значитъ сдѣлать, и лучше ужъ

совсѣмъ не говорить, чѣмъ говорить, не дѣлая. . . . .

. . . . . .

. . . . . Вся Россія прошлая сказала и не сдѣлала: можетъ быть, Россія будущая, не говоря, сдѣлаетъ?

Тутъ стыдливѣйшая тайна, глубочайшая антиномичность, противорѣчивость религіознаго опыта. Одинъ сказалъ: пойду,—и не пошелъ; другой сказалъ: не пойду,—и пошелъ. Кажущееся отрицаніе—дѣйствительное утвержденіе; кажущееся утвержденіе—дѣйствительное отрицаніе. Тутъ крайности сходятся: ледяное жжетъ, какъ огненное,—ледяное нѣтъ, какъ огненное да. Тутъ новое ко Христу подхожденіе, какъ бы обратное, какъ можетъ быть вообще Второе Пришествіе обратно Первому: тогда все шло отъ Него, теперь все къ Нему идетъ.

«Удивительная вещь! Несмотря на все ваше желаніе быть доброй, и особенно, ко мнѣ,—противъ вашей воли прорывается непрестанная ненависть... Я, по своей дурной, ложной, дьявольской вѣрѣ, ничего, кромѣ добраго и любовнаго, къ вамъ не чувствую, а вы, по своей хорошей вѣрѣ, не можете воздержаться отъ того, чтобы не сказать самаго больного и оскорбительнаго, что только можно сказать человѣку, именно то, что то, что есть его святыня, есть адская гордость. Я вашу вѣру люблю и уважаю... Но, ради всего святого для васъ, поймите, что и для другихъ есть святое».

Теперь, послѣ смерти его, слово это какъ-будто изъ вѣчности сказано не только ей отъ него, но и всей Россіи прошлой отъ всей Россіи будущей.

А вотъ и другое слово, тоже изъ вѣчности,—тому, кто первый отлучилъ его отъ Христа, Достоевскому:

«Насчетъ того, вѣрю ли я въ человѣка-Бога или въ

Бога-человѣка, я ничего не умѣю вамъ сказать, и если бы и умѣлъ, не сказалъ. Объ этомъ скажутъ сожженные на кострахъ и сжигавшіе. «Не мы ли призывали тебя, называли Господомъ?»—«Не знаю васъ, идите прочь, творящіе беззаконіе!»

И, наконецъ, послѣднее слово, все рѣшающее:

«Ваше исповѣданіе вѣры есть исповѣданіе вѣры нашей церкви... Я не только не отрицаю этого ученія, но если бы мнѣ сказали: что я хочу, чтобы дѣти мои были невѣрующими, какимъ я былъ, или вѣрили тому, чему учитъ церковь,—я бы, не задумываясь, выбралъ вѣру по церкви. Я знаю, весь народъ вѣритъ не только тому, чему учитъ церковь, но примѣшиваетъ еще бездну суевѣрій, и я себя (убѣжденный, что вѣрю истинно) не раздѣляю отъ бабы, вѣрящей пятницѣ, и утверждаю, что мы съ этой бабой совершенно равно (ни больше, ни меньше) знаемъ истину... Бабу, вѣрующую въ пятницу, я понимаю и признаю въ ней истинную вѣру, потому что знаю, что несообразность понятія пятницы, какъ Бога, для нея существуетъ, и она смотритъ во всѣ свои глаза и больше видѣть не можетъ. Она смотритъ туда, куда надо, ищетъ Бога, и Богъ найдетъ ее. И между нею и мною нѣтъ передъ Богомъ никакой разницы, потому что мое понятіе о Богѣ, которое кажется мнѣ такимъ высокимъ, въ сравненіи съ истиннымъ Богомъ, такъ же мелко и уродливо, какъ и понятіе бабы о пятницѣ... И какъ я чувствую себя въ полномъ согласіи съ искренно вѣрующими изъ народа, такъ точно я чувствую себя въ согласіи съ вѣрою по церкви. Сказать свою вѣру нельзя... Какъ только сказалъ, то вышло кощунство»...

Потому и вышло кощунство, что сказали, но не сдѣлали. Догматъ—не слово, а дѣло; если же только

слово, то ужъ не догматъ, а кощунство и ложь. Бываютъ времена, когда единственно возможное утвержденіе истины есть отрицаніе лжи. Вся Россія будущая—въ этомъ отрицаніи. Вотъ почему ея ледяное нѣтъ есть огненное да. Легко сказать съ творящими беззаконіе: «Господи! Господи!»—но сказать не съ ними трудно, почти невозможно сейчасъ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

Исповѣданія догмата о Богочеловѣчествѣ нѣтъ въ словахъ Толстого, но оно есть въ дѣлахъ его, въ жизни и смерти—особенно, въ смерти.

«Я думаю больше всего о смерти, и все съ бо́льшимъ удовольствіемъ... Это вотъ какое чувство: бывало, въ первой молодости, думаешь: я верхомъ ѣздить, плавать, воевать не хуже другого, а, можетъ быть, и лучше другого могу. Теперь я начинаю чувствовать, что не только плавать и гимнастику дѣлать, но и самую трудную штуку въ жизни—нырнуть туда—сумѣю не хуже другого, можетъ быть, и лучше... И это доставляетъ мнѣ особаго рода строгое и тихое наслажденіе. Я на все въ мірѣ смотрю съ этой точки зрѣнія. И такъ все на свѣтѣ затихло, всѣ такіе спокойные, добрые и смирные... Вчера я былъ на охотѣ и, измученный восьмичасовой ходьбой по болоту, пришелъ на квартиру къ дьякону. Хозяинъ, 70-лѣтній старикъ, разсказывалъ мнѣ, какъ убрались съ поля, какъ овса много, какъ медиста пчела; а самъ старый, слабый, съ пучкомъ вылѣзшимъ сѣдымъ на затылкѣ и съ старческимъ горбомъ подъ нанковой рясой.

— Вамъ сколько лѣтъ?

— Да 72-й.

— Что жъ, еще годковъ 15 проживете?

— Да, батюшка до 90 годовъ жилъ.

— А умирать не хочется?

— Грѣховъ много, да и отъ суеты мірской не скоро отлѣпишься.

Мы помолчали. И какая суета держитъ его?—думалъ я. На крылечкѣ—мы сидѣли передъ крыльцомъ—стояла на лавочкѣ дѣвочка двухъ лѣтъ. Дьяконъ подошелъ къ ней. Весь сморщился отъ нѣжной улыбки и сталъ ей шептать что-то.

— Поцѣлуй дѣдуську.

Вотъ эта-то настоящая суета мірская, и отъ нея надо отлѣпиться. И отлѣпиться такъ, чтобы не насильно разорвать эти связи, а живой бабочкой вылетѣть изъ своей куколки».

Да, все затихло: тихость закатныхъ лучей, золото древнихъ иконъ, которымъ свѣтятся лики святыхъ. . .

. . . . . .

Не говоря: Господи! Господи! — онъ исполнилъ волю Господню. Нырнулъ туда не хуже, а лучше другихъ; вылетѣлъ изъ куколки живою бабочкой. Не слово, а дѣло, жизнь и смерть его—явленіе святости.

Для будущей Россіи—святъ, для прошлой—«анаѳема». Это и значитъ: двѣ Россіи . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Гёте

Онъ вошелъ въ пріемную, холодную, свѣтлую комнату, съ холодною парадною мебелью, съ холодными бѣлыми гипсами, снимками съ древнихъ мраморовъ. И отъ него самого вѣяло холодомъ: великій человѣкъ и господинъ тайный совѣтникъ маленькаго нѣмецкаго дворика, напыщеннаго и напудреннаго во вкусѣ Людовика XV.

— Ваше превосходительство высказываете великія мысли, и я счастливъ, что слышу ихъ,—говоритъ ему собесѣдникъ, докторъ Эккерманнъ, изгибаясь почтительно, не то какъ лакей своего барина, не то какъ жрецъ своего бога.

Богъ—въ длинноломъ сѣромъ сюртукѣ и бѣломъ галстукѣ, съ красной орденской ленточкой въ петлицѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками, старикъ лѣтъ 80-ти. Высокъ и строенъ; такъ величавъ, что похожъ на собственный памятникъ. Рѣдкіе сѣдые волосы надъ оголеннымъ черепомъ; смуглое, свѣжее лицо все въ глубокихъ складкахъ-морщинахъ, и каждая складка полна мысли и мужества. Углы старчески-тонкаго, сжатаго и слегка ввалившагося рта опущены не то съ олимпійской усмѣшкою, не то съ брезг-

ливою горечью. Старъ? Да, очень старъ. Но вотъ эти глаза, черные, ясные, зоркіе,—глаза человѣка, который видитъ «на аршинъ подъ землею». «Орлинныя очи». Невѣроятно, до странности, до жуткости молодые,—въ старомъ-старомъ, древнемъ лицѣ глаза, 18-лѣтняго юноши. «Я ощущалъ передъ ними страхъ»,—признается Тэккерей, посѣтившій его въ Веймарѣ, въ 1831 г. Они напомнили ему глаза Мельмота-Путешественника, которымъ когда-то пугали дѣтей; Мельмотъ, подобно Фаусту, заключилъ договоръ съ «нѣкоторымъ лицомъ», и до глубокой старости глаза его сохраняли властительный блескъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ нестарѣющихъ глазахъ—что-то «демоническое», какъ любилъ выражаться ихъ обладатель: демоническое—для язычниковъ значитъ «божеское» (отъ древне-греческаго слова daimon—богъ), а для христіанъ—«бѣсовское», но, во всякомъ случаѣ, сверхчеловѣческое.

Да, сверхчеловѣческое—въ этой вѣчной юности. «Ему скоро будетъ восемьдесятъ,—записываетъ Эккерманнъ въ 1825 г.,—но ни въ чемъ онъ не чувствуетъ себя готовымъ и законченнымъ; онъ стремится все впередъ и впередъ; онъ кажется человѣкомъ вѣчной, неразрушимой юности».

Однажды, весеннимъ утромъ, въ саду забавлялся стрѣльбой изъ лука. «Я подалъ ему лукъ. Онъ приладилъ стрѣлу, прицѣлился вверхъ и спустилъ тетиву. Онъ былъ точно Аполлонъ, состарившійся тѣломъ, но одушевленный безсмертной юностью. Не умѣю сказать, до чего мнѣ было весело, глядя на него. Мнѣ вспомнились стихи:

Или старость меня покидаетъ?
Или дѣтство вернулось опять?

На 72-мъ году отроду, лѣтомъ, на Маріенбадскихъ водахъ влюбился въ 19-лѣтнюю дѣвушку и страдалъ, вздыхалъ, бѣгалъ за нею, какъ мальчикъ. Красавица не пожелала быть Гретхенъ, и, разставшись съ нею, онъ заболѣлъ отъ горя. Тогда написалъ свою безумно-страстную «Маріенбадскую элегію». Переписалъ ее тщательно латинскимъ шрифтомъ на веленевой бумагѣ и прикрѣпилъ шелковымъ шнуркомъ къ красному сафьянному переплету съ истинно-нѣмецкой аккуратностью. Намъ смѣшно, но ему не до смѣха.

— «Ахъ, я научился страдать и терпѣть!—вздыхаетъ онъ не хуже юнаго Вертера, сидя ноябрьскою ночью въ своей крошечной веймарской спаленкѣ, больной, въ бѣломъ фланелевомъ шлафрокѣ, съ ногами, закутанными въ шерстяное одѣяло.—Я не лягу въ постель, просижу всю ночь въ креслѣ: все равно, настоящаго сна не будетъ»...

Но вотъ—разговоръ съ Гумбольдтомъ или другимъ ученымъ о спиральномъ ростѣ растеній, о законахъ атмосфериче скаго давленія, о ново-открытыхъ веществахъ—іодѣ и хлорѣ; велитъ принести іоду и превращаетъ его въ пары на пламени свѣчки; при этомъ, восхищаясь фіолетовымъ цвѣтомъ паровъ, видитъ въ немъ «пріятное подтвержденіе одного изъ законовъ своего ученія о цвѣтахъ»; смотритъ на волшебное пламя такими же влюбленными глазами, какъ въ е я глаза: и тамъ, и здѣсь—одна душа—Д у ш а М і р а; тамъ измѣнила, здѣсь не измѣнитъ;—и вотъ уже опять здоровъ, опять юнъ.

Знаетъ, что въ семьдесятъ лѣтъ влюбляться глупо. «Но надо часто дѣлать глупости, чтобы только продлить жизнь». Думаетъ, что люди живутъ, пока с м ѣ ю т ъ жить; живутъ и умираютъ по собственной волѣ.

У него самого воля къ жизни, смѣлость жизни безконечная.

Какъ-будто выпилъ, подобно Фаусту, элексира вѣчной юности. Не умственное, не нравственное убѣжденіе, а физическое чувство безсмертія.

И другимъ, глядя на него, а можетъ быть, и ему самому приходитъ въ голову странная мисль: умретъ ли онъ когда-нибудь? Ну, какъ такому умирать?

Когда же все-таки умеръ,—Эккерманнъ вошелъ въ комнату его: «Обнаженное тѣло было обернуто бѣлой простыней. Фридрихъ (старый слуга) отвернулъ простыню, и я подивился божественному великолѣпію этихъ членовъ. Грудь необычайно сильная, широкая и выпуклая; руки и ноги полныя и нѣжныя; слѣдки ногъ изящны и правильны. Передо мною лежалъ совершенный человѣкъ въ совершенной красотѣ, и восторгъ, который я почувствовалъ, заставилъ меня позабыть на мигъ, что безсмертный духъ уже оставилъ эту оболочку».

Какъ-будто и въ смерти безсмертенъ.

«Обновляется, подобно орлу, юность твоя». Эту вѣчную юность онъ черпаетъ изъ ея первоисточника—изъ природы обновляющей. Припалъ къ ней, какъ ребенокъ къ груди матери. Вотъ для кого мать-сыра-земля, въ самомъ дѣлѣ—Мать.

«Я сравниваю землю,—говоритъ онъ, по поводу своихъ барометрическихъ наблюденій надъ земной атмосферой,—съ огромнымъ живымъ существомъ, которое постоянно вдыхаетъ и выдыхаетъ». Съ нею дышитъ и онъ, дитя ея, однимъ дыханіемъ.

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ.

Это не сравненіе, а дѣйствительность. Опять-таки

не умственно, не нравственно, а плотски, кровно, физически онъ связанъ съ природой—съ Душою Міра.

«Онъ сегодня совсѣмъ бодръ,—записываетъ Эккерманнъ послѣ той болѣзни отъ маріенбадской несчастной любви.—Сегодня самый короткій день въ году, и надежда на то, что теперь съ каждой недѣлей дни станутъ быстро удлиняться, повидимому, благотворно на него дѣйствуетъ.

— «Сегодня мы празднуемъ рожденіе новаго солнца!—воскликнулъ онъ радостно, когда я вошелъ.

«Я узналъ, что всякій годъ онъ чувствуетъ слабость и уныніе за нѣсколько недѣль передъ самымъ короткимъ днемъ».

Дитя земли, подобно ей, унываетъ, умираетъ, когда солнце уходитъ, и опять оживаетъ, когда оно приближается. Рождество Христово—только въ умѣ его; но рожденіе солнца—въ тѣлѣ, въ крови. Вотъ откуда вѣчная юность: земля для него все такъ же молода, какъ въ первый день творенія, и онъ смотритъ на нее, какъ первый человѣкъ въ раю.

Въ этомъ онъ—единственный, по крайней мѣрѣ, на нашей старой землѣ, въ нашей старой Европѣ. Впрочемъ, былъ еще другой подобный, но не въ созерцаніи, а въ дѣйствіи.

Въ 1808 году въ Эрфуртѣ произошло свиданіе Гёте съ Наполеономъ.

«Меня позвали въ кабинетъ императора. Онъ сидѣлъ за круглымъ столомъ и завтракалъ; направо, нѣсколько поодаль стола, стоялъ Талейранъ; налѣво, ближе къ нему, Дарю, съ которымъ онъ говорилъ о военныхъ контрибуціяхъ. Императоръ сдѣлалъ знакъ, чтобы я подошелъ. Я сталъ передъ нимъ въ должномъ

разстояніи. Онъ внимательно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— «Господинъ Гёте, вы—человѣкъ. (Monsieur Goethe, vous êtes un homme).

«Онъ спросилъ:

— «Сколько вамъ лѣтъ?

— «Шестьдесятъ.

— «Вы прекрасно сохранились... Вы писали трагедіи?..»

И далѣе—о трагедіяхъ, о Вертерѣ, которымъ Наполеонъ зачитывался въ юности,—общія мѣста, величавыя глупости, которыя показываютъ, что и людямъ божественно-умнымъ не слѣдуетъ совать носа туда, куда ихъ не спрашиваютъ.

Но вѣщее слово сказано: с е, ч е л о в ѣ к ъ.

И Гёте говоритъ о Наполеонѣ почти то же самое: «Наполеонъ былъ молодецъ (ein Kerl); онъ находился въ состояніи непрерывнаго просвѣтлѣнія». — «Онъ сокращеніе міра».—Онъ существо демоническое» (опять въ особенномъ, гётевскомъ, древнемъ смыслѣ, отъ daimon—богъ),—демоническое въ такой высокой степени, что съ нимъ нельзя сравнить никого».

Узнали другъ друга, увидѣли: рыбакъ рыбака видитъ издалека. Встрѣча ихъ не случайна; они должны были встрѣтиться—великое созерцаніе съ великимъ дѣйствіемъ. Близнецы неразлучные, дѣти одной земли-матери: она породила ихъ вмѣстѣ однимъ усиліемъ родовъ, великимъ землетрясеніемъ—Великой Революціей.

Но для насъ, маленькихъ,—не слишкомъ ли велики? «На такихъ людяхъ не тѣло, а бронза». Бронзовымъ или каменнымъ холодомъ вѣетъ отъ нихъ. Когда такой человѣкъ входитъ въ домъ, ступени лѣстницъ

трещатъ, половицы скрипятъ и шатаются подъ ступней нечеловѣческой, какъ-будто вошелъ Каменный Гость.

О, тяжело
Пожатье каменной его десницы!

Намъ страшно съ нимъ, какъ Фаусту съ Духомъ Земли:

Weh! Ich ertrag' dich nicht!
Горе! Я не могу тебя вынести!

Вынести нельзя того, какъ этотъ нестрадающій относится къ страданіямъ, этотъ безсмертный—къ смерти.

«Сегодня, по дорогѣ къ Гёте, я узналъ о смерти великой герцогини-матери, — сообщаетъ Эккерманнъ.— Первою моею мыслью было, какъ это подѣйствуетъ на Гёте въ его преклонныхъ годахъ. Онъ уже болѣе пятидесяти лѣтъ былъ близокъ къ герцогинѣ, пользовался ея особой милостью: смерть ея должна глубоко взволновать его. Съ такими мыслями я вошелъ къ нему, въ комнату; я былъ немало изумленъ, увидавъ, что онъ вполнѣ бодръ и здоровъ; сидитъ за столомъ съ невѣсткой и внуками и ѣстъ супъ, какъ-будто ничего не случилось. Мы беззаботно разговаривали о разныхъ постороннихъ вещахъ. Вдругъ начался перезвонъ колоколовъ; г-жа фонъ-Гёте взглянула на меня, и мы заговорили громче, боясь, что заупокойный звонъ встревожитъ и потрясетъ его; мы думали, что онъ чувствуетъ такъ же, какъ мы. Но онъ чувствовалъ н е т а к ъ, к а к ъ м ы. Онъ сидѣлъ передъ нами, какъ высшее существо, которому недоступны земныя страданія».

Что это, побѣда надъ чувствомъ или просто безчувственность? Божественный мраморъ или обыкновенный кремень?

Прежде, чѣмъ рѣшать, вглядимся, вслушаемся.

Wer nie sein Brot mit Tränen ass...

«Кто никогда не ѣлъ своего хлѣба со слезами, кто не просиживалъ скорбныхъ ночей, плача на своей постели,—тотъ васъ не знаетъ, Силы Небесныя!»

Эта пѣсенка стараго арфиста неужели—пѣсенка самого Гёте?

Когда онъ писалъ о самоубійствѣ Вертера, то никогда не ложился спать, не положивъ рядомъ кинжала: рѣшилъ покончить съ собой и только выжидалъ минуты.

«Нѣмецкій писатель—нѣмецкій мученикъ»,—говорилъ онъ въ глубокой старости, оглядываясь назадъ на прожитую жизнь. Гёте мученикъ, Гёте несчастный,—какъ это странно звучитъ. Но странный звукъ вѣренъ. «Меня всегда считали за особеннаго счастливца; я не стану жаловаться и бранить мою жизнь. Но, въ сущности, она была только трудъ и работа; за свои 75 лѣтъ врядъли я провелъ четыре недѣли въ свое удовольствіе. Моя жизнь была вѣчнымъ скатываніемъ камня, который надо было снова подымать». Въ этой-то Сизифовой работѣ надъ камнемъ жизни, онъ самъ окаменѣлъ, окаменилъ себя, чтобы вынести невыносимое.

Weh! Ich ertrag' dich nicht!
Горе! Я не могу тебя вынести!

не говорилъ ли себѣ самому, какъ Духу Земли?

Когда узналъ о внезапной смерти сына, глаза его наполнились слезами, но онъ не заплакалъ, а только произнесъ:

— Non ignoravi me mortalem genuisse. (Я зналъ, что рожденъ смертнымъ).

«Онъ былъ спокоенъ и ясенъ духомъ,—записываетъ Эккерманнъ черезъ мѣсяцъ.—Мы говорили о многомъ; о сынѣ онъ не вспомнилъ ни словомъ».

А черезъ три дня послѣ этой записи, Гёте вдругъ заболѣлъ кровотеченіемъ, потерялъ шесть фунтовъ крови, «что, при его 80-лѣтнемъ возрастѣ, весьма серьезно».

Боялись, что не выживетъ; но «его удивительное сложеніе и на этотъ разъ одержало побѣду». Онъ началъ быстро поправляться и, лежа въ постели, уже работалъ надъ второю частью «Фауста».

«Моя единственная забота—поддержать физическое равновѣсіе; остальное пойдетъ само собою... Тому, кто твердо начерталъ путь для воли, нечего много безпокоиться. Впередъ... впередъ по могиламъ!»

Если это безчувственность, то такая какъ у солдата, который въ пылу сраженія не чувствуетъ раны.

Подъ мертвымъ камнемъ живое сердце страдаетъ, истекаетъ кровью, такъ же какъ наше, только умѣетъ не по-нашему терпѣть и молчать.

Въ его писаніяхъ живое сердце каменѣетъ, мертвѣетъ къ старости; въ его бесѣдахъ обратный путь—къ живому отъ мертваго. Вотъ почему для познанія Гёте разговоры съ Эккерманномъ—книга единственная. Въ нихъ то, чего нѣтъ въ его писаніяхъ: слова, которыя могутъ быть сказаны, но не написаны.

Эккерманъ человѣкъ маленькій. Разсказъ его о жизни и творчествѣ Гёте—разсказъ божьей коровки объ орлиномъ полетѣ; разговоръ великаго съ маленькимъ; но въ томъ-то и величіе солнца, что оно отражается и въ малѣйшей каплѣ воды.

Если бы невѣрующій спросилъ меня, какую книгу прочесть, чтобы найти смыслъ жизни,—я указалъ бы

ему на разговоры Гёте. Это самая цѣлебная изъ книгъ. Лучшее лѣкарство для самоубійцъ: можетъ-быть, многіе отложили бы пулю и ядъ, если бы прочли ее какъ слѣдуетъ.

«Истину можно сравнить съ алмазомъ, отъ котораго лучи расходятся не въ одну, а во многія стороны», говоритъ Гёте. Ни у кого лучи истины не расходились, не множились такъ, какъ у него. Отсюда—неизслѣдимость его, непознаваемость, какъ самой природы. Когда мы думаемъ знать о немъ что-нибудь, мы ничего не знаемъ; когда думаемъ сказать о немъ что-нибудь, мы ничего не говоримъ. «О Шекспирѣ нельзя говорить: все будетъ мало», замѣтилъ онъ однажды. Кажется иногда, что по той же причинѣ нельзя говорить и о самомъ Гёте.

Критическіе лоты, сколько бы ни опускались въ это море, не доходятъ до дна. Что если нѣтъ вовсе дна? Ни низа, ни верха, ни глубины, ни высоты. Бездонность, безбрежность, какъ въ томъ страшномъ царствѣ Матерей, куда Мефистофель приглашаетъ Фауста:

Versinke denn! Ich könnt auch sagen steige!
S'ist einerlei.
Опустись же! Я могъ бы сказать: подымись!
Это все равно.

По природѣ своей онъ человѣкъ дѣйственный. Но для дѣйствія нужна точка опоры, а какая же опора въ безбрежности, бездонности? Чтобы сдѣлать что-нибудь, надо хотѣть чего-нибудь. Чего же онъ хочетъ?—Всего. Не слишкомъ ли это много для силъ человѣческихъ? Созерцаніе должно ограничиться, съузиться, заостриться въ остріе воли, чтобы перейти въ дѣйствіе. «Величай-

шее искусство,—говоритъ самъ Гёте,—умѣть ограничить и уединить себя». Этого-то искусства у него не было. «Я много потерялъ времени на вещи, которыя не относятся къ моему прямому дѣлу».—«Я все больше понимаю, что значитъ быть дѣйствительно великимъ въ одномъ дѣлѣ».

Бывали минуты, когда ему казалось ничтожнымъ все, что онъ сдѣлалъ. Вся его жизнь—не дѣйствіе, а только стремленіе, подготовленіе къ дѣйствію. Началъ и не кончалъ; дѣлалъ, но не сдѣлалъ. Въ этомъ главная мука его, неимовѣрная усталость, вѣчное вскатываніе Сизифова камня.

Въ безбрежности, бездонности—одна только мель, гдѣ опущенный лотъ почти сразу касается дна. Эта мель—общественность.

Онъ вышелъ изъ революціи, такъ же какъ Наполеонъ. Она породила обоихъ, и оба отъ нея отрекаются. Тутъ вѣчный споръ «отцовъ и дѣтей». На небѣ Кроносъ пожираетъ дѣтей своихъ; на землѣ дѣти пожираютъ отцовъ.

«Люди будутъ непрестанно колебаться то въ ту, то въ другую сторону, и потому одна часть будетъ страдать, а другая—благоденствовать, и не будетъ конца борьбѣ... Самое разумное—держаться того дѣла, для котораго рожденъ... Либералы могутъ говорить... Но роялистамъ, у которыхъ власть въ рукахъ, рѣчь не къ лицу. Имъ слѣдуетъ двигать войска, рубить головы и вѣшать... Я всегда былъ роялистомъ».

Гёте, благословляющій смертную казнь —такое плачевное зрѣлище, что хочется пройти мимо, закрывъ глаза.

«Къ чему намъ излишекъ свободы, когда мы не можемъ имъ воспользоваться?—недоумѣваетъ онъ.—Мѣ-

щанинъ столь же свободенъ, какъ дворянинъ, пока держится въ извѣстныхъ, предназначенныхъ ему Богомъ предѣлахъ».

Нѣтъ, на этомъ насъ не поймаешь: освященіе рабства именемъ Божьимъ—самое древнее и гнусное изъ всѣхъ кощунствъ.

Благословляетъ и смертную казнь слова. «Необходимость возбуждаетъ умъ; вотъ почему мнѣ нравится ограниченіе свободы печати». Цензура возбуждаетъ умъ, какъ розга—кровообращеніе. Пусть же тотъ, кто думаетъ такъ, самъ ляжетъ подъ розгу.

Да, все это мелко, и если бы рѣчь шла не о Гёте, то надо бы сказать: пошло. Тутъ въ его ясновидѣніи какая-то слѣпая точка. Кажется, онъ это и самъ чувствуетъ.

«Говорятъ, что я государевъ холопъ... что я не другъ народа. Конечно, я не другъ революціонной черни, которая выходитъ на разбой, убійство и поджоги... Я ненавижу всякій насильственный переворотъ... Все насильственное, всякіе скачки мнѣ противны, потому-что они противны природѣ».

Нѣтъ, не противны. Постепенности, непрерывности недостаточно для того, чтобы объяснить законъ эволюціи; нужно допустить и другой, смежный законъ—п р е р ы в н о с т и, в н е з а п н о с т и, к а т а с т р о ф и ч н о с т и,—то «непредвидимое» (imprévisible Бергсона), что въ стихіи общественной называется «революціей».

Въ революціи Гёте не узналъ «демоническаго», что было ему такъ понятно и родственно въ другихъ областяхъ; не узналъ Духа Земли во времени, котораго такъ хорошо зналъ въ вѣчности.

Но обнажать это слабое мѣсто его слишкомъ легко.

«Шекспиръ подаетъ намъ золотыя яблоки въ серебряныхъ чашахъ, а неумѣлые критики валятъ въ нихъ картофель». Утверждать, какъ это дѣлаютъ неумѣлые критики самого Гёте, что послѣдняя сущность его—«реакція», не значитъ ли въ серебряныя чаши, вмѣсто золотыхъ яблокъ, валить картофель?

«Извѣстія о начавшейся іюльской революціи дошли сегодня до Веймара и взволновали всѣхъ,—записываетъ Эккерманнъ.—Я зашелъ къ Гёте.

— «Ну,—встрѣтилъ онъ меня,—что вы думаете объ этомъ великомъ событіи? Вулканъ началъ изверженіе; все въ пламени, и это уже не бесѣда при закрытыхъ дверяхъ!

— «Ужасное событіе!—отвѣчалъ я.—Но чего же было и ожидать при такомъ министерствѣ, какъ не того, что все кончится изгнаніемъ королевской семьи?..

— «Мы, любезнѣйшій, кажется, не понимаемъ другъ друга,—возразилъ Гёте.—Я вовсе не о нихъ говорю; меня занимаетъ совсѣмъ другое. Я говорю о публичномъ обсужденіи въ академіи столь важнаго для науки спора между Кювье и Жоффруа де-Сентъ-Илеромъ...».

Можетъ-быть, онъ правъ: знаменитый споръ о происхожденіи видовъ — бо́льшее событіе, бо́льшая революція, чѣмъ та, на парижскихъ площадяхъ и улицахъ. Онъ видитъ одну и не видитъ другой; но одна съ другой связана; одна безъ другой невозможна. Іюльскій переворотъ—слѣдствіе Великой Революціи, а безъ этой—не было бы воздуха, въ которомъ только и могло зажечься пламя спора въ стѣнахъ академіи. «Все въ пламени», радуется Гёте. Но пламя это зажглось на площадяхъ и улицахъ.

Ученіе о міровой эволюціи онъ угадалъ одинъ изъ первыхъ, и торжество его считалъ главнымъ дѣломъ своей жизни.

«Растеніе развивается отъ узла къ узлу, заканчивается цвѣткомъ и сѣменемъ. Не иное и въ мірѣ животномъ: гусеница, солитеръ растутъ отъ узла къ узлу и, наконецъ, образуютъ голову; у высшихъ животныхъ и человѣка, позвонки все прибавляются, прибавляются и заканчиваются головою». Развитію организмовъ соотвѣтствуетъ развитіе обществъ. Пчелиный улей производитъ матку—голову свою; общество людей—героя.

Въ этомъ очеркѣ міра, можетъ быть, больше величія, чѣмъ во всемъ художественномъ творчествѣ Гёте. Но чтобы *такъ* увидѣть міръ, надо быть *такимъ* художникомъ. Тутъ истина и красота—одно.

«Отнынѣ, при испытаніи природы, будутъ взирать на великіе законы творенія, въ таинственную мастерскую Бога... и чувствовать дыханіе Божіе, которое указываетъ движеніе каждой частицѣ матеріи»,—опредѣляетъ онъ смыслъ ученія объ эволціи.

Познавать природу значитъ «чувствовать въ ней дыханіе Божіе»; всякое научное открытіе есть и откровеніе религіозное—вотъ сущность Гёте. Разладъ, который проходитъ незаживающей раной по самому сердцу современнаго человѣчества—разладъ вѣры и знанія—онъ преодолѣлъ, онъ—первый и единственный.

Кто вѣритъ, тотъ еще не знаетъ; кто знаетъ, тотъ уже не вѣритъ. «Наукой доказано, что вѣрить нельзя», —вотъ общее мѣсто научной пошлости, того *полузнанія*, которое хуже всякаго невѣжества. Гёте есть воплощенное отрицаніе этой пошлости. Онъ знаетъ и вѣритъ; чѣмъ больше знаетъ, тѣмъ больше вѣритъ.

«Малое знаніе удаляетъ отъ Бога, великое—приближаетъ къ Нему»,—эти слова Ньютона Гёте оправдалъ на себѣ, какъ никто. «Знаніе и вѣра существуютъ не для того, чтобы уничтожать другъ друга, а чтобы восполнять», сказалъ онъ, и не только сказалъ, но и сдѣлалъ. Его соединяющее,—какъ онъ любилъ выражаться, «синтетическое» знаніе есть новое, небывалое въ религіозномъ опытѣ человѣчества приближеніе къ Богу.

Новѣйшая философія «творческой эволюціи» (évolution créatrice Бергсона) слѣдуетъ вплотную за Гёте, когда утверждаетъ, что исключительно-механическое, разсудочное толкованіе міра недостаточно: оно нерелигіозно, потому что ненаучно.

«Разсудокъ не достигаетъ природы,—говоритъ Гёте,—человѣкъ долженъ возвыситься до высочайшаго разума, чтобы прикоснуться къ божеству, которое открывается въ живомъ, а не въ мертвомъ».—«Существуютъ явленія первичныя (Urphänomenen), божественную простоту которыхъ разрушать не слѣдуетъ».—«Я всегда былъ увѣренъ, что міръ не могъ бы существовать, если бы не былъ такъ простъ». Эта одна изъ глубочайшихъ мыслей Гётевой религіи. Простота міра и есть его чудесность, таинственность, божественность. «Всѣ мы бродимъ ощупью среди тайнъ и чудесъ». Явленія природы суть Богоявленія. «Высшее, чего можетъ достигнуть человѣкъ въ познаніи, есть чувство изумленія (Erstaunen)».

Никто не обладалъ въ такой мѣрѣ, какъ онъ, этимъ даромъ изумленія. Оно-то и соединяетъ для него науку съ религіей.

— «Богъ жалѣетъ вопіющихъ къ Нему воронятъ!—восклицаетъ онъ по поводу выкармливанія чужихъ птенцовъ маткою.—Кто знаетъ это и не вѣруетъ въ

Бога, тому не помогутъ ни Моисей, ни пророки. Вотъ что я зову вездѣсущіемъ Божіимъ».

Естественная исторія — продолженіе Священной; книга природы—продолженіе Библіи, и подлинность обѣихъ одинакова.

Матка-малиновка кормитъ дѣтенышей въ клѣткѣ, а когда ее выпускаютъ въ окно, возвращается къ нимъ. Эккерманнъ, наблюдающій за нею, тронутъ этимъ до глубины сердца. Онъ разсказалъ объ этомъ Гёте.

— «Глупый вы человѣкъ,—возразилъ тотъ, улыбаясь многозначительно:—если бы вы вѣрили въ Бога, то не удивлялись бы. Онъ приводитъ въ движеніе міръ; природа въ Немъ, и Онъ въ природѣ... Если бы Богъ не одушевлялъ птицы этимъ всемогущимъ влеченіемъ къ ея дѣтенышамъ, если бы подобное стремленіе не проникало всего живого, то и міръ не могъ бы существовать. Всюду распространена божественная сила, и всюду дѣйствуетъ вѣчная любовь».

Въ проповѣди св. Франциска «сестрамъ-птицамъ» брежжитъ то, что здѣсь, у Гёте, сіяетъ полнымъ свѣтомъ: «Богъ не почилъ отъ дѣлъ Своихъ». Ученіе объ эволюціи есть созерцаніе этого не почившаго, дѣлающаго, творящаго Бога. Тутъ, повторяю, новое, небывалое въ религіозномъ опытѣ человѣчества: чтобы такъ вѣрить, надо такъ знать.

Познаніе души человѣческой приводитъ его къ тому же, къ чему познаніе природы. Можетъ-быть, нигдѣ религіозное чувство его не достигаетъ такой убѣдительной, осязательной подлинности, какъ въ чувствѣ личнаго безсмертія.

Идея безсмертія связана для него все съ тою же идеей творческой эволюціи. «Для меня убѣжденіе въ вѣчной жизни истекаетъ изъ понятія о вѣчной дѣя-

тельности: если я работаю безъ отдыха до конца, то природа о б я з а н а даровать мнѣ иную форму бытія, когда настоящая уже не въ силахъ будетъ удержать мой духъ».

Это только догадка; но если всѣ его догадки о природѣ оказались вѣрными, то почему бы и не эта? Уничтоженіе такого человѣка, какъ онъ, не бо̀льшая ли безсмыслица, чѣмъ та, о которой сказано: credo quia absurdum.

Однажды, во время прогулки въ окрестностяхъ Веймара, глядя на заходящее солнце, задумался онъ и сказалъ словами древняго поэта:

И, заходя, остаешься все тѣмъ же свѣтиломъ!

— «При мысли о смерти,—добавилъ онъ,—я совершенно спокоенъ, потому что твердо убѣжденъ, что нашъ духъ есть существо, природа котораго остается несокрушимою и непрерывно дѣйствуетъ изъ вѣчности въ вѣчность; онъ подобенъ солнцу, которое заходитъ только для нашего земнаго ока, а на самомъ дѣлѣ, никогда не заходитъ».

Въ эту минуту онъ самъ подобенъ заходящему солнцу: знаетъ, такъ же какъ оно, что опять взойдетъ.

Въ разговорѣ съ Фалькомъ въ день похоронъ Виланда онъ выразилъ это чувство безсмертія еще съ бо̀льшею силою.

— «Никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ въ природѣ не можетъ быть и рѣчи объ уничтоженіи такихъ высокихъ душевныхъ силъ; природа никогда не расточаетъ такъ своихъ сокровищъ»...

Изложивъ свое ученіе о душахъ-монадахъ, сходное съ ученіемъ Лейбница, онъ продолжаетъ:

— «Минута смерти есть именно та минута, когда

властвующая монада освобождаетъ своихъ дотолѣ подданныхъ монадъ. Какъ на зарожденіе, такъ и на это представленіе я смотрю, какъ на самостоятельныя дѣйствія этой главной монады, собственная сущность которой намъ вполнѣ неизвѣстна... Объ уничтоженіи нечего и думать; но стоитъ поразмыслить о грозящей намъ опасности быть захваченными и подчиненными монадой, хотя и низшею, но сильною»...

«Въ это время на улицѣ пролаяла собака. Гёте чувствуетъ отъ природы нелюбовь къ собакамъ». (Недаромъ Мефистофель вышелъ изъ чернаго пуделя).

Тогда произошло что-то странное, почти жуткое. Гёте вдругъ остановился, поспѣшно подошелъ къ окну и закричалъ:

— «Ухищряйся, какъ хочешь, ларва, а меня ты не захватишь въ плѣнъ!» (larva значитъ привидѣніе, призракъ, пустая оболочка души).

«Никогда, ни раньше, ни позже, я не видалъ его въ такомъ состояніи», замѣчаетъ Фалькъ.

— «Эта низкая сволочь,—заговорилъ Гёте снова, послѣ молчанія, болѣе спокойнымъ голосомъ,—важничаетъ свыше мѣры. Въ нашемъ планетномъ закоулкѣ мы принуждены жить съ настоящими подонками монадъ, и если на другихъ планетахъ узнаютъ о томъ, что такое общество не принесетъ намъ чести»...

И закончилъ торжественно:

— «Монады принимаютъ участіе въ радостяхъ боговъ, какъ блаженныя, сотворческія силы. Имъ ввѣрено становленіе творенія. Свободныя, идутъ онѣ по всѣмъ путямъ, со всѣхъ вершинъ, изъ всѣхъ глубинъ, отъ всѣхъ созвѣздій —и кто ихъ удержитъ? Я увѣренъ, что я—тотъ самый, кто передъ вами, уже тысячи разъ жилъ и еще буду жить тысячи разъ»...

Образъ Гёте-олимпійца, кричащаго псу съ какой-то нездѣшнею яростью: «Ларва, низкая сволочь!»,—останется навѣки однимъ изъ богоподобныхъ человѣческихъ образовъ. Тутъ, какъ-будто въ темнотѣ, не видя предмета, мы его нащупываемъ: уже не вѣримъ въ безсмертіе, а знаемъ, осязаемъ: вотъ оно.

Какъ относится религія Гёте къ христіанству?

«Для меня Христосъ,—признается онъ въ минуту откровенности,—навсегда останется существомъ въ высшей степени значительнымъ, но загадочнымъ». (Mir bleibt Christus immer ein höchst bedeutendes, aber problematisches Wesen).

Я за тобой не пойду...
Folgen mag ich dir nicht—

обращается онъ ко Христу въ одной изъ своихъ венеціанскихъ эпиграммъ и кощунствуетъ о Воскресеніи съ возмутительной легкостью.

А въ разговорѣ съ Эккерманномъ утверждаетъ: «Сколько бы ни возвышался духъ человѣческій, высота христіанства не будетъ превзойдена».—«Величіе Христа настолько божественно, насколько вообще божественное можетъ проявиться на землѣ».

Но, поклоняясь Христу, онъ проходитъ мимо Него, и, въ концѣ концовъ, Гретхенъ, кажется, права:

Steht aber doch immer schief darum,
Denn du hast kein Christentum.
А все же что-то тутъ неладно
Затѣмъ, что ты не христьянинъ.

Тутъ, впрочемъ, неладно не только у Гёте, но и у всего современнаго человѣчества. Что̀ это, отступленіе?

Можетъ-быть. Но чье—наше отъ Христа, или Христа отъ насъ?

«Отступи отъ меня, чтобы я могъ подкрѣпиться прежде, нежели отойду и не будетъ меня». Кажется, эта молитва исполняется. Онъ отступилъ отъ насъ, чтобы мы могли «покрѣпиться»: такъ мать отступаетъ отъ ребенка, котораго учитъ ходить; ребенокъ пугается, но не успѣетъ упасть, какъ она обниметъ его и поддержитъ опять.

Ясно одно: религія Гёте не совпадаетъ съ христіанствомъ. Въ христіанствѣ не понимаетъ онъ чего-то главнаго,—не того ли прерывнаго, катастрофичнаго, внезапнаго, непредвидимаго, что въ религіи называется «Апокалипсисомъ», а въ общественности —«революціей»?

Но если одна часть его религіознаго опыта меньше, то другая—больше, чѣмъ историческое христіанство. Послѣднее соединеніе вѣры и знанія, откровеніе Духа, «дыханія Божьяго» въ природѣ, которое предчувствуетъ онъ,—выходятъ за предѣлы христіанства. . .

. . . . . .

Объ этомъ говорить трудно; для этого у насъ еще нѣтъ языка, нѣтъ имени. Но если говорить на языкѣ христіанской догматики, тутъ, кажется, условномъ и недостаточномъ, то можно бы сказать, что это религія не Отца и не Сына, а Духа.

Духъ названъ Утѣшителемъ, какъ-будто Сынъ «огорчаетъ», а Духъ «утѣшаетъ». Мы не знаемъ, мы только предчувствуемъ, что, въ противоположность христіанству «огорчающему», религія Духа будетъ «утѣшительной». Кажется, Гёте это предчувствовалъ больше, чѣмъ кто-либо.

Какъ бы, впрочемъ, ни относилась его религія къ христіанству, она, уже сама по себѣ, есть пророчество

о томъ, что въ современномъ человѣчествѣ убыль религіознаго духа временна, и прибыль его неминуема.

И, заходя, остаешься все тѣмъ же свѣтиломъ—

могли бы мы сказать заходящему солнцу религіи. Что оно взойдетъ, онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо.

Для насъ, русскихъ, явленіе Гёте особенно значительно.

Какъ волка не корми, все въ лѣсъ глядитъ; какъ ни сближайся Россія съ Европою,—все тяготѣетъ къ Азіи. На словахъ тяготѣніе къ Западу, на дѣлѣ къ Востоку. Православіе—христіанство «восточное».

Du hast kein Christentum.
Ты не христіанинъ.—

говоритъ, какъ Гретхенъ Фаусту, Святая Русь грѣшному Западу. «Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ», это мы тоже говоримъ — говоримъ, но не дѣлаемъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и усомнимся въ самой сути просвѣщенія вселенскаго, т. е. европейскаго, ибо иного взять негдѣ,—усомнимся, добро оно или зло, отъ Бога или отъ дьявола; нѣтъ-нѣтъ, да и подумаемъ: не опроститься ли, не отправить ли всю европейскую цивилизацію къ чорту и не начать ли сызнова, «по-мужицки, по-дурацки», по-божески? Что это не только нелѣпая, но и нечестивая мысль, мы все еще не поняли, какъ слѣдуетъ.

Вотъ отъ этого-то русскаго яда лучшее противоядіе—Гёте. Лучше, чѣмъ кто-либо, знаетъ онъ, что просвѣщеніе отъ Бога; хотя и «язычникъ», съ бо́льшимъ правомъ, чѣмъ иные христіане, могъ бы сказать: свѣтъ

Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ; лучше, чѣмъ кто-либо, могъ бы напомнить намъ, что и Европа — Святая Земля.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
Въ рабскомъ видѣ Царь Небесный
Исходилъ, благословляя,

—исходилъ не только нашу, но и ту родную, святую землю.

Wer immer strebend sich bemüht,
Den können wir erlösen.
Кто вѣчно трудится, стремясь,
Того спасти мы можемъ,

—поютъ Ангелы, «вознося въ горнія безсмертную часть Фауста».

«Въ этихъ словахъ,—говоритъ Гёте,—ключъ къ спасенію Фауста». Можетъ быть, и къ спасенію всего европейскаго Запада: онъ, вѣдь, тоже «вѣчно трудится, стремясь».

А мы, не трудящіеся, не стремящіеся, чѣмъ спасемся? Праздностью, косностью, сидѣньемъ сложа руки, созерцаніемъ, недѣланіемъ, обломовщиной? Не будемъ себя обманывать: лѣнтяи, бездѣльники не войдутъ въ царствіе Божіе. Бездѣльники—безбожники, сколько бы ни говорили о Богѣ. Вотъ страшный и спасительный урокъ, который даетъ намъ Гёте.

Байронъ

I

«Какой-нибудь безполезный Байронъ со своей краткой и несчастной жизнью»... Это слова Т. Карлейля въ статьѣ о Гёте.

Гёте и Байронъ для него несовмѣстимы: «Закрой Байрона, открой Гёте». Но вотъ самъ Гёте открываетъ Байрона: «Байронъ—личность столь высокая, какой еще не бывало и какая врядъ ли повторится».

Да, Байронъ—небывалое явленіе личности, явленіе героя. «Поклоненіе героямъ»—религія Карлейля. «Безполезный Байронъ», безполезный герой—въ устахъ его кощунство надъ его же собственной святынею.

Когда Байронъ навсегда уѣзжалъ изъ Англіи, собралась толпа зѣвакъ; кто-то сказалъ, что уѣзжаетъ промотавшійся барченокъ; изъ толпы полетѣли камни. Какъ тогда въ живого, такъ потомъ въ мертваго кинулъ и Карлейль свой камень.

Байронъ—одна изъ вершинъ горнаго хребта, поднятаго землетрясеніемъ Великой Революціи. Наполеонъ, Гёте, Байронъ, Лермонтовъ—отъ насъ уже далеко эти вершины; мы вступили въ степь равенства и такъ долго блуждали по ней, что думали,—ей конца не будетъ. Но, блуждая, сдѣлали кругъ и вернулись туда,

откуда ушли. И вотъ опять встаютъ вершины вѣчныя—вѣчные спутники. Мы увидѣли связь пройденныхъ горъ съ тѣми, на которыя намъ еще нужно взойти,—связь Байрона съ Ницше, Достоевскимъ, Ибсеномъ. Теперь эти вершины человѣческой или сверхчеловѣческой личности окружаютъ насъ отовсюду какъ бы единымъ кольцомъ,—и намъ отъ нихъ не уйти никуда.

Правъ Гёте: «Байронъ—не классикъ, не романтикъ, онъ само нынѣшнее время», сама современность. Уже столѣтіе длится современность Байрона.

Вопросъ о немъ—вопросъ о личности, возставшей на общество, объ индивидуализмѣ и соціализмѣ—изъ всѣхъ вопросовъ современнѣйшій. Если наше вѣчное въ Гёте, то настоящее и будущее въ Байронѣ. А нѣтъ иныхъ путей къ вѣчному, какъ черезъ настоящее и будущее.

Для того, чтобы примирить личность и общество, индивидуализмъ и соціализмъ, нужно сначала увидѣть всю противоположность, антиномичность этихъ двухъ правдъ. Она-то и воплотилась въ Байронѣ.

Мы забыли его, какъ забываемъ съѣденный хлѣбъ; но какъ хлѣбъ становится частью нашего тѣла, такъ Байронъ сдѣлался частью нашей души. Понять его—понять себя.

Однажды няня бранила маленькаго мальчика за то, что онъ выпачкалъ передникъ, который только что надѣлъ. Онъ слушалъ ее, молча, но, вдругъ схвативъ передникъ обѣими руками въ ярости, разорвалъ его сверху донизу и сталъ передъ нею, мрачный, рѣшительный, желая показать, что презираетъ гнѣвъ ея.

Такъ началась «война многихъ противъ одного»,

The war of the many with one.

Сначала война съ нянею, потомъ—съ матерью, женою, родиной, церковью, со всѣмъ человѣчествомъ, со всею природою, съ Богомъ и дьяволомъ. Отъ возстанія къ возстанію, отъ бунта къ бунту: такъ отъ камня, упавшаго въ воду, круги все расширяются до безконечности.

«Я люблю борьбу, я ее всегда любилъ, съ дѣтства». (Вальтеръ-Скотту, 1822 г.). «Я буду продолжать мой путь, борясь со всѣми, какъ дикобразъ». (Мёррею, 1819).

Они могутъ мучить меня, но не могутъ покорить
The may torture, but schall not subdue me.

(«Посланіе Августѣ», 1816).

Манфредъ. Я презираю стадо;
Я не хочу быть вожакомъ и въ волчьемъ стадѣ:
Левъ одинокъ—таковъ и я.

Аббатъ. Но почему не жить, не дѣйствовать съ людьми?

Манфредъ. Ихъ жизнь душѣ моей противна...

Не по своей волѣ рѣшаетъ онъ судьбу свою:

Я умереть хочу одинъ, какъ жилъ.
I'll die as I have lived—alone.

Одинъ противъ всѣхъ—въ жизни и въ смерти, во времени и въ вѣчности.

Когда тотъ смѣшной мальчуганъ бунтуетъ, разди-

раетъ запачканный передникъ сверху донизу, онъ еще не имѣетъ понятія о себѣ, о людяхъ, о мірѣ, о Богѣ. Бунтъ начался не въ понятіи, не въ пониманіи, не въ разумѣ и вообще не здѣсь; съ этимъ Байронъ пришелъ оттуда. Онъ изъ той же породы людей, какъ Наполеонъ и Лермонтовъ: кажется, эти люди—не совсѣмъ люди—только пролетаютъ черезъ нашъ земной воздухъ, какъ аэролиты, небесные камни, брошенные откуда-то внизъ или вверхъ (гдѣ «верхъ» и «низъ», мы не знаемъ; тутъ наша земная геометрія кончается). Бываютъ осеннія ночи аэролитовъ, падающихъ звѣздъ. Такая ночь—вѣкъ Наполеона и Байрона.

Изъ-за чего же бунтъ? Не изъ-за чего,—думаетъ Ип. Тэнъ, позитивистъ и ненавистникъ всѣхъ вообще бунтовъ, революцій—потому и ненавистникъ ихъ, что позитивистъ. Для него Байронъ—«бѣшеный быкъ въ лавкѣ зеркальщика»—сила разрушенія безсмысленная. Да, позитивисту съ Байрономъ дѣлать нечего. Но такіе критики напоминаютъ «описателей Везувія, не знающихъ, что Везувій огнедышащая гора».

Онъ самъ, если не сознавалъ ясно, то смутно чувствовалъ, изъ-за чего бунтуетъ.

— «Пусть лучше онъ убьетъ меня, но не оскорбляетъ моей личности!»—возмущался онъ противъ обращенія съ нимъ одного воспитателя въ школѣ Гарроу. «Моей личности»—только «моей» или не только? Весь вопросъ въ этомъ.

Во всякомъ случаѣ, бунтъ—древній. Іаковъ, боровшійся съ Богомъ и «терпѣливый» Іовъ, восклицавшій на гноищѣ своемъ: «О, еслибы человѣкъ могъ состязаться съ Богомъ, какъ сынъ человѣческій съ ближнимъ своимъ!» и скованный Прометей бунтовали тѣмъ же бунтомъ. (Кстати, по собственному признанію Бай-

рона, Эсхиловъ «Прометей», поразившій его еще въ школѣ, всегда до такой степени наполнялъ его душу, что онъ «легко можетъ представить себѣ вліяніе этой трагедіи на все, что онъ когда-либо писалъ»).

Не послѣднее ли «богоборчество», состязаніе Сына Человѣческаго съ Богомъ совершается въ саду Геѳсиманскомъ? «Да идетъ чаша сія мимо Меня. Впрочемъ, не Моя, а Твоя да будетъ воля». Не послѣдняя ли искра этого огня угасаетъ въ капляхъ Кровавaго Пота?

Да, отнынѣ бунтъ становится «демоническимъ». Бунтовщикъ—діаволъ. Покоряться, смиряться значитъ въ христіанствѣ быть съ Богомъ; бунтовать—быть съ діаволомъ. Начало бунта—трансцендентное начало зла.

Когда Гёте понимаетъ «демоническое» въ смыслѣ древнемъ, до-христіанскомъ, какъ «божеское», онъ еще или уже не-христіанинъ. Байронъ больше христіанинъ, даже въ своемъ антихристіанствѣ, чѣмъ Гёте,—когда понимаетъ «демоническое», какъ «діавольское». Это, впрочемъ, опять-таки не столько въ пониманіи, въ сознаніи, даже не въ чувствѣ, сколько въ какомъ-то предзнаніи, предчувствіи, въ какомъ то первозданномъ существѣ его.

Въ дѣтствѣ и въ ранней юности бывали у него припадки «безмолвнаго бѣшенства» (silent rage).

— «Не подходите ко мнѣ! Во мнѣ діаволъ!» (Don't come near me! I have a devil!)—кричалъ онъ тѣмъ, кто изъ любопытства или участія приближался къ нему въ такія минуты.

— «Я склоненъ считать себя порожденіемъ демона» (offspring of a demon),—говаривалъ онъ уже въ зрѣлые годы полунасмѣшливо.—«Такой падшій духъ, какъ я (fallen spirit)...»

Два «демонизма» нужно различать въ Байронѣ: одинъ — глубокій, внутренній; другой — внѣшній, поверхностный. Кажется, онъ самъ ихъ смѣшивалъ и не умѣлъ различать, какъ слѣдуетъ.

Подобно всѣмъ людямъ очень сложнымъ и страдающимъ отъ сложности, онъ скрытенъ не только передъ другими, но и передъ собою, прячетъ лицо свое подъ личинами. Одна изъ нихъ — демонъ, Каинъ, злодѣй, распутникъ, разбойникъ, убійца, кровосмѣситель. Только самые близкіе люди понимаютъ, въ чемъ дѣло. Старый другъ Гобгаузъ называетъ его «шалуномъ», «скверным мальчишкою». А сестра, любящая и знающая брата, какъ никто, говоритъ съ тихой улыбкой:

— «Байронъ никогда не бываетъ такъ доволенъ, какъ если ему удается заставить повѣрить о себѣ чему-нибудь ужасному».

Заставить нетрудно: люди легко вѣрятъ злу. Даже такой проницательный человѣкъ и такъ понимающій Байрона, какъ Гёте, и тотъ почти не сомнѣвается, что въ Италіи, въ одномъ изъ своихъ любовныхъ похожденій, онъ совершилъ убійство.

Байронъ, впрочемъ, дѣйствительно скоръ на руку. «Я всегда былъ вспыльчивъ» (J was always violent). Однажды въ Болоньи (1819) едва не убилъ капитана папской гвардіи за невыгодно купленную лошадь. «Это происходило послѣ обѣда, а пищевареніе у меня трудное, и я не люблю, чтобъ въ это время меня разстраивали».

Добрые люди пугали имъ дѣтей, какъ букою. Разсказывали страшныя сказки о ночныхъ вакханаліяхъ въ родовомъ замкѣ Байроновъ, старомъ Ньюстэдскомъ аббатствѣ, гдѣ этотъ «безбожникъ и раз-

вратникъ», окруженный блудницами, пилъ вино изъ мертваго черепа и церковной утвари—что то въ родѣ «черной мессы».

Послѣ развода его съ женою, распространился нелѣпый слухъ о кровосмѣшеніи Байрона со сводной сестрой его, Августою Ли,—и всѣ повѣрили или почти повѣрили.

По выходѣ въ свѣтъ «Каина», одинъ проповѣдникъ доказывалъ съ церковной каѳедры, что Байронъ—«существо противуестественное, не человѣкъ, а діаволъ, холодный и безчувственный».

Во всемъ этомъ, конечно, много лжи, англійскаго cant'a, ханжества и лицемѣрія, но есть и правда.

Еще въ Гарроуской школѣ, пугало въ Байронѣ умнаго и добраго наставника Джосефа Друри то, что называлъ онъ «избыткомъ жизненныхъ силъ» (animal spirits).

У него тяжелая наслѣдственность. Дѣдъ его по матери—самоубійца; отецъ—почти убійца (его судили за поединокъ, похожій на убійство); мать—почти полоумная. Онъ чувствовалъ въ крови своей это наслѣдіе и не умѣлъ съ нимъ справиться. Таковъ «избытокъ жизненныхъ силъ», что подъ напоромъ ихъ всѣ нравственныя задержки, узы долга рвутся, какъ гнилыя нитки.

Онъ не знаетъ, куда дѣвать силы. Пьетъ цѣлыя ночи напролетъ не только шампанское, но и простую водку, а днемъ боксируетъ съ какимъ-то молодцомъ Джексономъ, и такъ—въ теченіе цѣлаго мѣсяца, «чувствуя себя прекрасно» (1814). Сначала въ Ньюстэдѣ, а потомъ въ палаццо Мочениго, въ Венеціи (1818), окруженъ гаремомъ и ведетъ такую жизнь, что добродѣтельный Шелли ужасается.

Жилъ юноша въ Британіи когда-то,
Который добродѣтель мало чтилъ;
Онъ дни свои влачилъ въ сѣтяхъ разврата...

таково первое знакомство наше съ Ч.-Гарольдомъ-Байрономъ.

Не знаетъ мѣры ни въ чемъ. Однажды объѣлся фаршированной свинины, такъ что едва не умеръ отъ несваренія желудка. Любитъ купаться; переплылъ Геллеспонтъ отъ Сэста до Абидосса, въ память Гэры и Леандра; сдѣлавъ 4 морскихъ мили и пробывъ въ водѣ 1 ч. 10 м., весь окоченѣлъ. Въ другой разъ, въ Віареджіо, плавалъ въ морѣ подъ жгучимъ полуденнымъ солнцемъ такъ долго, что «кожа на всемъ тѣлѣ образовала сплошной пузырь и потомъ слѣзла»; заболѣлъ и уже до конца жизни не могъ оправиться, какъ слѣдуетъ.

Самодовольства, «дьявольской гордыни», которую ему такъ охотно приписываютъ, у него нѣтъ вовсе. Но и простоты, скромности сознательной («смиренный Байронъ» —это звучитъ странно, но былъ и такой) онъ достигъ не сразу и не безъ большихъ усилій, только въ самомъ концѣ жизни.

До смѣшного занятъ своей наружностью. Въ письмахъ изъ Греціи (1809), то и дѣло, вспоминаетъ, какъ Али-Паша сразу угадалъ въ немъ знатный родъ, «по маленькимъ ушамъ, вьющимся волосамъ, бѣлизнѣ и нѣжности рукъ».

Отъ рожденія одна нога у него короче другой, и онъ прихрамываетъ едва замѣтно, но всегда это помнитъ и мучается этимъ. Моритъ себя голодомъ, чтобы не растолстѣть; цѣлыми днями ничего не ѣсть, кромѣ нѣсколькихъ бисквитовъ, пьетъ содовую воду

и жуетъ мастику, чтобы угомонить желудокъ: чѣмъ легче тѣло, тѣмъ хромота незамѣтнѣе.

«Онъ очень тонокъ, такъ тонокъ, что лицо его кажется почти дѣтскимъ, и необыкновенно блѣденъ». (Lady Blessington, 1823). Блѣдность и худоба, особенно, въ юности, дѣлали его «почти прозрачнымъ». Потомъ пополнѣлъ, но это его не испортило. «Я захотѣлъ увидѣть его, и мнѣ показалось, что передо мною Аполлонъ Бельведерскій». (Franc. Guerazzi).

«Споткнувшимся о звѣзду и охромѣвшимъ ангеломъ» кажется другимъ, а себѣ самому — калѣкою, «уродомъ» (The difformed transformed, «Преображенный Уродъ»—это онъ самъ), «хромымъ дьяволомъ».

О тогдашнемъ знаменитомъ щеголѣ, дэнди Бруммелѣ, говоритъ не иначе, какъ съ дрожью зависти. Демонизмъ—дэндизмъ. Демонъ—дэнди высшаго полета, высшаго неземного свѣта, метафизическій прообразъ щеголя Бруммеля, «законодатель изяществъ», arbiter elegantiarum.

И все это—личина. Но личина приростаетъ къ лицу. Другіе обмануты ею, онъ самъ почти обманутъ. Похожъ на того шалуна, который нарядился чортомъ въ свѣже-содранную козлиную шкуру, чтобы пугать людей, а когда шкура прилипла къ тѣлу, хочетъ содрать ее и не можетъ.

Тяжело быть пугаломъ, но ужъ если на то пошло, то чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Настоящій демонъ овладѣваетъ ряженымъ—«демонъ ироніи», «демонъ превратности», который заставляетъ человѣка говорить и дѣлать не то, что онъ хочетъ: хочетъ сказать «да», а говоритъ «нѣтъ»; хочетъ любить, а ненавидитъ; хочетъ плакать, а смѣется.

«У меня какая-то судорожная веселость или смѣхъ безъ веселья, котораго я не могу понять и побѣдить, и который, несмотря ни на что, меня не облегчаетъ, но постороннему человѣку я могу казаться самымъ веселымъ малымъ».

Это сколькая дорожка: только ступи на нее,—какъ съ ледяной горы покатишься. Такъ покатился Байронъ.

II

Это началось рано, едва-ли не съ первыхъ проблесковъ сознанія.

Въ столкновеніяхъ съ матерью, весь «демонизмъ» его съ тѣмъ безстыдствомъ боли, «цинизмомъ страданія», которые свойственны «демону превратности»,—уже на лицо. Если вѣрить всему, что этотъ 15-лѣтній мальчикъ говоритъ и дѣлаетъ съ матерью, все-таки любимой и любящей, несмотря на все страшное несходство или, вѣрнѣе, страшное сходство характеровъ, то, въ самомъ дѣлѣ, можно счесть его за изверга.

Въ письмахъ къ сестрѣ Августѣ, онъ называетъ мать не иначе, какъ «старухою», «вдовою», «Гидрою».—«Лицо мое исказилось, когда я узналъ, что она пріѣхала»... (1806).—«Я начинаю думать, что она сумасшедшая... И такую женщину я долженъ называть матерью!.. Какое счастье, что она т о л ь к о моя мать, а не жена, и что я могу разстаться съ нею, когда хочу!..» (1804).

Одна изъ ссоръ ихъ была такъ ужасна, что оба отправились порознь къ аптекарю, узнать, не бралъ ли другой яду, чтобъ отравиться.

Уже взрослый, купаясь однажды (1810), указалъ на свою хромую ногу пріятелю и заговорилъ о матери.

— «Этимъ я обязанъ ея ложной стыдливости, во время родовъ. А между тѣмъ, какъ помню себя, она не переставала меня попрекать и мучить. За нѣсколько дней до нашей послѣдней разлуки, въ припадкѣ бѣшенства, прокляла меня и пожелала, чтобы душа моя была такъ же искалѣчена, какъ тѣло».

А все-таки они любили другъ друга: если бы меньше любили, то не мучились бы такъ. Только не понимали, что любятъ. Когда она умерла, онъ просидѣлъ всю ночь одинъ у ея изголовья, рыдая: понялъ, наконецъ, что любитъ.

Съ женою повторилось то же, что съ матерью, только еще съ большею мукою.

Никто не вѣрилъ, чтобы Байронъ могъ жениться на комъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе на миссъ Мильбанкъ, этой «математической Медеѣ», «Принцессѣ параллеллограмовъ», какъ онъ самъ называлъ ее впослѣдствіи. Казалось, что и женится, какъ дѣлаетъ все, только изъ духа противорѣчія, духа «превратности» или изъ какой-то безумной шалости: какъ тогда—въ Геллеспонтъ, такъ теперь кидается въ еще болѣе опасное, брачное море.

И всего удивительнѣе, что будь лэди Байронъ немного умнѣе и добрѣе, они были бы счастливы.

— «Уморительная вещь,—говаривалъ старый слуга его, Флетчеръ,—я не зналъ ни одной женщины, которая не умѣла бы водить милорда по струнке, кромѣ милэди».

Разводъ ихъ—исторія темная. Вотъ уже цѣлое столѣтіе объясняютъ ее и все не могутъ объяснить. Кто виноватъ? Оба или никто.

Онъ готовъ принять всю вину на себя: «я ни въ

чемъ не могу ее упрекнуть... я одинъ виноватъ во всемъ». Но въ чемъ же именно?

«Откажитесь отъ водки, отъ стиховъ и отъ всего дур...»—слово не кончено: это изъ ея послѣдняго письма къ нему.

Изъ всѣхъ ея обвиненій единственно понятное—«нелюбезность» Байрона.

Однажды, будто бы, ночью, когда она лежала, больная, онъ швырялъ бутылки въ потолокъ, въ нижнемъ этажѣ, подъ самою спальнею милэди, такъ что она всю ночь не могла сомкнуть глазъ. Но Флетчеръ объяснилъ, что у милорда не было дурного намѣренья: томимый по ночамъ болѣзненною жаждою, онъ имѣлъ обыкновеніе пить содовую воду, не откупоривая бутылокъ, а отбивая каминными щипцами горлышко, отъ чего и происходилъ тотъ шумъ, который такъ обезпокоилъ милэди.

Въ другой разъ они сидѣли ночью вдвоемъ у камелька. Онъ былъ не въ духѣ, а ей, должно быть, хотѣлось приласкаться къ нему.

— Я вамъ мѣшаю?

— Да, чрезвычайно,—отвѣтилъ онъ съ такимъ «демоническимъ» видомъ, что она поблѣднѣла, встала и молча вышла изъ комнаты.

Все это пустяки, но пустяки выростаютъ въ страшилища, когда вспоминается ей какое-нибудь изъ тѣхъ словечекъ, спокойно-неистовыхъ, которыми онъ такъ любитъ щеголять:

— Дорого бы я далъ, чтобы узнать, какія чувства испытываетъ человѣкъ, совершившій убійство.

Онъ, въ самомъ дѣлѣ, напугалъ бѣдняжку досмерти: ей казалось, что онъ сошелъ или сходитъ съ ума. И немудрено, если даже такому хладнокровному

наблюдателю, какъ Стэндаль, казалось то же. Да и самъ Байронъ впослѣдствіи, тщетно стараясь припомнить, чѣмъ напугалъ и оскорбилъ жену, вовсе того не желая,—спрашивалъ себя, былъ ли онъ тогда, дѣйствительно, «въ полномъ разсудкѣ»?

А лэди Байронъ такъ увѣрилась въ его сумасшествіи, что наблюдала, шпіонила, обыскивала вещи его; нашла пузырекъ съ опіумомъ и безнравственную книжку, а изъ медицинскаго журнала вычитала признаки «мозговой водянки». Пригласила врачей по душевнымъ болѣзнямъ, чтобы освидѣтельствовать мужа. Требовала развода и намекала, что «ея рѣшеніе вызвано поступками слишкомъ гнусными, чтобы о нихъ говорить»: произошли, будто бы вещи, которыхъ она еще никому не открыла, но откроетъ, если дѣло дойдетъ до суда, и если это будетъ необходимо, чтобы выиграть тяжбу. Что это? Не «кровосмѣшеніе» ли съ Августою?

Ему грозилъ уголовный судъ или горячешная рубашка.

«Много у меня было враговъ, но ни одного подобнаго тебѣ».

J have had many foes, but none like thee.

Да, съ женою повторилось то же, что съ матерью: любилъ и самъ не зналъ, что любитъ, а когда узналъ, то было поздно.

До конца не хотѣлъ развода. «Я приглашаю лэди Байронъ вернуться ко мнѣ и протестую противъ всѣхъ попытокъ насъ разлучить», писалъ почти наканунѣ развода (Февраль, 1816). А послѣ него, три дня не ѣлъ и такъ былъ боленъ, что едва остался живъ.

Уходишь ты — и жизнь моя уходитъ...
By the forsaken, ewen my soul forsak me now...

«Бэлла, дорогая Бэлла, я васъ люблю... и буду любить до послѣднихъ предѣловъ моего сознанія и жизни» (1816).

Рукопись «Far the welle», «Прощанія» покрыта пятнами слезъ: писалъ и плакалъ.

И черезъ годъ, уже уѣхавъ изъ Англіи, все еще надѣется:

— Я не знаю причины развода... Но я всегда готовъ и буду готовъ на примиреніе, чего бы отъ меня ни потребовали...

И умирая, вспомнилъ о ней:

— Скажите, скажите ей все...

Но «Принцесса параллеллограмовъ, добродѣтельная Клитемнестра» не сжалилась.—«Меня вернутъ къ нему только силою»,—говорила она и радовалась, что «спаслась отъ мужа».

Такъ и не поняла, въ чемъ дѣло. Была не злая и не глупая женщина; но все, что онъ ненавидѣлъ, воплотилось въ ней.

Ты добродѣтель сдѣлала порокомъ...
Какъ ты — со мной, не поступилъ бы я.

И «добродѣтельная» Англія почувствовала въ ней свое воплощеніе, возстала на него, какъ одинъ человѣкъ.

Передъ отъѣздомъ его, лэди Джерси устроила ему прощальный вечеръ. Когда онъ вошелъ, всѣ отшатнулись отъ него. Онъ поблѣднѣлъ, и казалось, что ему будетъ дурно.

Только званіе лорда спасло его отъ тюрьмы.

Бѣжать—«бѣжать, куда глаза глядятъ, изъ этой проклятой страны!» (from this cursed country).

Странѣ я всякой буду радъ, —
Лишь не странѣ родной.

«Я испытываю отвращеніе къ моей родинѣ, но не предпочитаю ей никакой иной страны... Я, какъ тотъ Веселый Мельникъ, никого не любящій и никѣмъ не любимый... Всѣ страны міра для меня равны»... Это говорилъ онъ еще раньше, въ первый отъѣздъ изъ Англіи (1810), и теперь (1816) могъ бы сказать то же.

Опять, какъ тогда—съ женою и съ матерью, «демонъ смѣха» овладѣваетъ имъ. Хочетъ плакать и смѣется. «Я мало жалѣю родины и не хотѣлъ бы ее увидѣть снова для нея самой... а развѣ только для м-ра Вайтса, потому что здѣсь, въ Венеціи, я не могу найти хорошаго зубного врача»...

Но тотчасъ же смѣхъ переходитъ въ судорогу «безмолвнаго бѣщенства».

«Что касается Англіи, то я жалѣю объ одномъ, что нога моя когда-либо ступала на эту землю... Я увѣренъ, что кости мои не нашли бы въ ней покоя, и прахъ мой не смѣшался бы съ ней. Мнѣ кажется, что я сошелъ бы съ ума на одрѣ смерти, при одной мысли, что кто-нибудь изъ друзей моихъ былъ бы такъ низокъ, чтобы вернуть мой остовъ вашей англійской землѣ... Я не хотѣлъ бы кормить даже вашихъ червей».

Страшныя слова, какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, нечеловѣческія.

Плохи англичане, но плохи и люди вообще. «Я презираю васъ, собаки!»—говоритъ онъ англійскимъ писателямъ, и могъ бы сказать всѣмъ своимъ ближнимъ. Онъ это и дѣлаетъ въ знаменитомъ надгробіи ньюфаундлэндскому псу, вѣрному Ботсвейну, «своему единственному другу», рядомъ съ которымъ завѣщалъ себя

похоронить; перечисливъ всѣ его добродѣтели—«красоту безъ тщеславія, силу безъ гордости, храбрость безъ жестокости»,—заключаетъ: «эта хвала—безумная лесть на могилѣ человѣка, но справедливая дань—памяти вѣрнаго пса».

И въ «Тьмѣ» (Darkness), когда на обледенѣлой землѣ голодные люди, какъ хищные звѣри, пожираютъ другъ друга,—

Одинъ лишь песъ остался трупу вѣренъ...
...Все лизалъ
Онъ руку безотвѣтную на ласку.

«Люди хуже собакъ». А онъ самъ кто? «Не человѣкъ, а діаволъ, холодный и безчувственный»?

Объ этомъ знаетъ сестра его, Августа, которая кладетъ руку на голову его съ тихою ласкою.

— «Baby Byron! Дѣточка Байронъ!»

Что за «діаволомъ»—«дѣточка», знаетъ она лучше всѣхъ. Но и другіе знаютъ. Знаетъ молодой другъ его Мэттьюсъ: «я бы охотно пожертвовалъ своею жалкою жизнь, чтобы спасти его», — писалъ Байронъ, услышавъ о смерти Мэттьюса. Знаетъ старый другъ Гобгаузъ, который вспоминаетъ о «нѣжной добротѣ Байрона». Знаетъ врагъ его, Годжсонъ, который, нуждаясь въ деньгахъ, получилъ отъ него, безъ всякой просьбы, 1500 фунт. на свадьбу: «мнѣ сегодня удалось сдѣлать счастливымъ одного человѣка», — записалъ Байронъ въ своемъ дневникѣ. Знаетъ бѣдный типографщикъ въ Венеціи, у котораго сгорѣло все имущество: Байронъ былъ на пожарѣ случайно и, видя, что тушеніе невозможно, велѣлъ передать ему просьбу зайти, далъ записку къ своему банкиру, и бѣднякъ получилъ 360 дукатовъ. Знаютъ другіе бѣдняки безчи-

сленные: «никогда не встрѣчалъ онъ бѣднаго, чтобы не помочь ему» (Том. Муръ); изъ 100 т. фр., которые издерживалъ въ Италіи, 25 т. шло на бѣдныхъ. Знаютъ крестьяне Венеціанской области, которымъ онъ помогалъ во время голода. Знаетъ маленькая Гато, турчанка, которая вмѣстѣ съ матерью попала въ руки греческихъ солдатъ въ Миссолонгахъ; мать отдала ее Байрону и не ошиблась: онъ былъ для нея нѣжнѣе матери. Знаетъ любовница его, 17-лѣтняя гр. Гвиччіоли, которой этотъ «развратникъ» написалъ однажды признаніе любви съ «изступленной стыдливостью», нарочно по-англійски, чтобы она не могла понять, только съ двумя словами на ея родномъ языкѣ: «amor mio». Знаетъ Шелли, который утонулъ почти на глазахъ его: «я хочу испытать силу волнъ, погубившихъ его!» — воскликнулъ Байронъ, бросился въ море и уплылъ туда, гдѣ Шелли погибъ; проплывъ милю, усталъ, вернулся и впослѣдствіи одну изъ причинъ болѣзни, которая свела его въ могилу, видѣлъ въ этой «глупой шалости». Знаетъ великій человѣколюбецъ Мадзини, который всю жизнь благоговѣйно чтилъ память Байрона. Знаетъ Гёте, который, незадолго до смерти его, писалъ въ посланіи ему:

Онъ могъ бы счастливъ быть,
Когда бы зналъ себя, какъ я — его.

Но, кажется, первый узналъ объ этомъ одинъ малышъ въ школѣ Гарроу: когда рослый и сильный товарищъ билъ его линейкой по пальцамъ,—подошелъ къ нимъ другой малышъ, «baby Byron», со слезами на глазахъ, весь красный отъ бѣшенства.

— «Сколько ударовъ вы намѣрены дать?

— «А тебѣ какое дѣло, чертенокъ?

— «Съ позволенія вашей милости я хотѣлъ бы взять себѣ половину».

Уже не половину, а всѣ захотѣлъ взять себѣ этотъ «діаволъ холодный и безчувственный»—за Италію, Испанію, Грецію, за всѣ народы угнетенные, за все человѣчество.

«Отчего вы думаете, что я ненавижу васъ? Не оттого ли, что не я—васъ, а вы меня ненавидите?» Кто кого возненавидѣлъ первый? Кажется, не онъ.

Мою вину, быть можетъ, знаешь,—
Мое безумство можно ль знать?
All my faults perchance thou knowest,
All my madnes none can know.

Своего «безумства»—безумства любви ненавидящей онъ и самъ не зналъ. Не понималъ, что любитъ, ненавидя. Въ жизни такъ и не понялъ, но понялъ въ смерти:

Пусть не могу я быть любимымъ,—
Я все жъ хочу любить!
Iet, thong I cannot be beloved,
Still let me love!

Наканунѣ смерти, въ Миссолонгахъ, уже въ агоніи, въ бреду, вспоминалъ жену, друзей, Англію и все хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, только повторялъ, обращаясь къ Флетчеру:

— «Скажи имъ... скажи имъ все... ты знаешь...».

Голосъ ему измѣнялъ, онъ что-то шепталъ быстро, глухо и невнятно.

— «Слышишь, слышишь, Флетчеръ?..

— «Нѣтъ, милордъ, я ничего не слышу.

— «Боже мой! Боже мой! Кончено...

— «Попробуйте сказать еще разъ.

— «Не могу... поздно... кончено...».

Такъ и умеръ, не сказавъ.

И вся его жизнь, вся его поэзія—тотъ же предсмертный лепетъ, усиліе и невозможность сказать, открыть тайну любви ненавидящей.

III

Байронъ—великій поэтъ, властелинъ слова. Но само слово несоизмѣримо съ тѣмъ, что онъ хочетъ въ немъ выразить; человѣкъ въ словѣ не вмѣщается: онъ больше слова. Нельзя ничего сказать, только сказать—надо сдѣлать и уже потомъ сказать.

Это Байронъ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо. Отъ слова къ дѣлу, отъ созерцанія къ дѣйствію—таково устремленіе всей жизни его и всей поэзіи. Для Флобера: «человѣкъ—ничто, произведеніе—все»; для Байрона: произведеніе—ничто, человѣкъ—все. Лучше совсѣмъ не быть поэтомъ, чѣмъ быть только поэтомъ.

«Что такое поэты? Что они сдѣлали? Чего они стоютъ?» («Дневникъ», 1821). Если надо выбрать и отказаться отъ чего-нибудь,—онъ откажется не отъ жизни, отъ дѣйствія, а отъ созерцанія, отъ поэзіи.

«Я отказался отъ бумагомаранія... покончилъ съ профессіей писателя»,—объявляетъ онъ въ 1811 году, т. е. наканунѣ своихъ величайшихъ созданій.—«Стихи для меня болѣе не существуютъ. Было у меня время стиховъ, но прошло». (1814).

«Я очень серьезно желаю уничтожить всѣ свои сочиненія»,—пишетъ своему издателю, какъ будто предсказывая великихъ русскихъ писателей, тоже не вмѣ-

стившихся въ словѣ и ушедшихъ отъ слова къ дѣйствію.

«Если я проживу лѣтъ 10, то вы увидите, что со мной еще не кончено,—не говорю, въ литературѣ, потому что это не считается: можетъ казаться страннымъ, но я полагаю, что мое призваніе въ иномъ. И вы увидите, что я еще кое-что сдѣлаю». (Т. Муру, 1817).

И умирая за «дѣло», за дѣло освобожденія, т. е. любви, величайшее изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, онъ спрашиваетъ себя: не была ли поэзія главной ошибкой всей жизни его, а настоящимъ призваніемъ—что? «Политика»? О, конечно, не политика въ томъ плоскомъ и грубомъ смыслѣ, какъ это слово обыкновенно понимается, а въ какомъ-то иномъ, глубочайшемъ, благороднѣйшемъ,—если не для него самого, то для насъ —уже религіозномъ.

И пусть его поэзія, во многихъ частяхъ своихъ, ложно-романтическихъ (ибо есть и «ложный романтизмъ», какъ «ложный классицизмъ»), давно полиняла и выцвѣла; пусть вся эта условно-восточная живопись въ «Ларѣ», «Корсарѣ», «Абидосской Невѣстѣ» и другихъ любовно-разбойничьихъ поэмахъ—только театральная декорація; но не театральный потолокъ надъ ней, а настоящее небо съ грозой, и сквозь лохмотья разорванныхъ полотенъ—настоящія молніи.

И пусть не о томъ, о чемъ надо,—слова его, но каждое слово—отъ дѣйствія къ дѣйствію, отъ воли къ волѣ, отъ сердца къ сердцу. Вотъ почему они такъ дѣйствуютъ:

Ибо, что идетъ отъ сердца,
То до сердца и дойдетъ.
Denn es muss von Herzen gehen.
Was auf Herzen wirken soll.

Всего человѣка нѣтъ ни въ одномъ изъ словъ его, но за каждымъ словомъ весь человѣкъ. За каждое слово отвѣчаетъ онъ. Я, читатель, и онъ, поэтъ,—какъ два врага на полѣ битвы: его или моей, но чьей-нибудь смертью поединокъ долженъ кончиться.

«Crede Byron. Вѣрь Байрону»—эти слова на гербѣ его могли бы служить эпиграфомъ ко всей его поэзіи. Да, кому другому, а ему вѣрить можно.

Въ любезной болтовнѣ позапрошлаго вѣка слова потеряли свой вѣсъ, вывѣтрились, сдѣлались пустыми и легкими. Байронъ опять наполнилъ ихъ драгоцѣнною тяжестью, налилъ кровью.

Какъ всѣ истинные художники, отрицая искусство, онъ утверждалъ его; унижая, возвышалъ. Это и была награда за то, что искусствомъ онъ жертвовалъ чему-то высшему, что̀ называлъ скромно, не не точно «политикой».

Политика замутила въ немъ поэзію,—думаетъ Гёте. «Освободись, Байронъ, при помощи рѣзкихъ выступленій въ парламентѣ, отъ всего революціоннаго, что было въ немъ, онъ оказался бы гораздо чище, какъ поэтъ. Его отрицательныя сочиненія—невысказанныя парламентскія рѣчи».

Тутъ Гёте ошибается, не понимаетъ чего-то самаго главнаго въ Байронѣ. Нѣтъ, «революціонное»—не муть, не примѣсь, не инородное тѣло, а первозданный огонь, подземный родникъ всей его поэзіи. Если революціонное ничтожно въ немъ, то онъ и самъ ничтоженъ. Вынуть изъ него «революцію», значитъ вынуть душу. Не только въ созерцаніи, въ поэзіи, но и въ жизни, въ дѣйствіи, онъ—революціонеръ до мозга костей.

Не говоря уже о такихъ чисто-политическихъ поэмахъ, какъ «Видѣніе Суда», «Бронзовый Вѣкъ», «Про-

рочество Данте», «Проклятіе Минервы», самыя огненныя строфы Чайльдъ-Гарольда и Донъ-Жуана—настоящія «революціонныя воззванія»,—то, за что сажаютъ въ тюрьмы и ссылаютъ на каторгу.

«Я не писалъ эпиграммъ, но, если бы мнѣ пришлось бросать въ кого-нибудь этими ручными гранатами, то именно въ него, въ принца-регента». (1812). «Видѣніе Суда»—такая ручная граната, настоящее террористическое дѣйствіе, покушеніе, если не на жизнь, то на честь короля.

Слова—дѣла его. Но словъ мало ему: онъ говоритъ и дѣлаетъ; и меньше говоритъ, чѣмъ дѣлаетъ.

«Въ теперешней схваткѣ философіи съ тираніей слѣдуетъ отбросить ножны въ сторону. Я знаю, силы неравны, но всетаки бой долженъ быть данъ, и онъ принесетъ пользу людямъ, чѣмъ бы ни кончился для тѣхъ, кто жертвуетъ собою». (1822).

Для него свобода—не отвлеченная истина, а дѣло жизни. Оскорбленіе свободы—оскорбленіе личное. «Бурбоны возстановлены!.. Повѣсьте же философію!.. Поистинѣ, долго я презиралъ и себя, и людей, но никогда не приходилось мнѣ плевать въ лицо моимъ ближнимъ! О, шутъ, я сойду съ ума!» («Дневникъ», 1814).

Жало политики—жало въ плоть его: когда оно вонзается, онъ кричитъ, реветъ, какъ раненный звѣрь, отъ боли и бѣшенства. «Чувство, которое я сейчасъ испытываю, есть безпредѣльное бѣшенство». «Безмолвное бѣшенство», silent rage,—какъ у того чертенка въ школѣ Гарроу.

— «А тебѣ, какое дѣло, чертенокъ?

— «Съ позволенія вашей милости я хотѣлъ бы взять себѣ половину ударовъ».

Нѣтъ, не половину, а всѣ.

Въ 1820 г., въ Равеннѣ, онъ вступаетъ въ заговоръ итальянскихъ карбонаріевъ. Сочувственно перечисляетъ рядъ политическихъ убійствъ въ городѣ и въ окрестностяхъ. Въ домѣ его—тайный складъ оружія и пороха. Шпіоны слѣдятъ за нимъ. Ему угрожаютъ наемные убійцы. Австрійское правительство думаетъ, что весь планъ и подробности возстанія выработаны имъ.

Ненаписанный конецъ «Донъ Жуана»—смерть на баррикадахъ Великой Революціи. То, чего не исполнилъ въ поэмѣ, онъ исполняетъ въ жизни: конецъ Донъ Жуана—конецъ Байрона. Война за освобожденіе Греціи—та же революція, думаетъ онъ.

Все, что имѣетъ, онъ отдаетъ возстанію.

Сначала—деньги. «Пришлите мнѣ всѣ деньги, какими я могу располагать»,—пишетъ онъ своему повѣренному въ Англіи. «Надо приготовить всѣ мои гроши». Продаетъ, закладываетъ все. «Я истратилъ 30.000 долларовъ въ три мѣсяца... Я поддерживаю почти всю военную машину на свои средства. Но только бы греки побѣдили, мнѣ ничего не жаль». (1823).

Потомъ—здоровье. «Я себя не обманываю насчетъ состоянія своего здоровья и никогда не обманывалъ. Но я долженъ остаться въ Греціи. Я не долженъ думать о себѣ».—«Лучше умеретъ съ пулей въ тѣлѣ, чѣмъ съ хиной... Если насъ не зарубятъ саблями, то, по всей вѣроятности мы умремъ отъ лихорадки въ этихъ грязныхъ норахъ». (Миссолонги, Февраль, 1824). Въ Драгометри пять ночей спитъ на палубѣ, не раздѣваясь. Дважды судно его едва не разбивалось о скалы. Турки едва не захватили его въ плѣнъ.

Наконецъ—жизнь. И всего ужаснѣе то, что въ послѣднюю минуту видитъ, что жертва безполезна.

Греки измѣняютъ ему, отказываются идти на Лепантъ. «Греки — величайшіе лгуны»... Опять «плюетъ въ лицо ближнимъ своимъ»,—«люди хуже собакъ»; опять, любя, ненавидитъ. Но теперь уже понялъ тайну любви ненавидящей:

Пусть не могу я быть любимымъ,—
Я все жъ хочу любить!

И за любовь умираетъ:

Такъ бросься же въ бой,
И жизнь свою отдай!
Up to the field, and give,
Awag the breath!

Или, какъ во Второй Части «Фауста» восклицаетъ Евфоріонъ:

Und der Tod
Ist mein Gebot.
И на смертный зовъ
Я идти готовъ.

«Нѣтъ больше той любви»... Тутъ свобода и любовь—одно.

Да, Гёте ошибается: революція Байрона ни въ какихъ «парламентскихъ рѣчахъ» невмѣстима, ни съ какой текущей «политикой» несоизмѣрима; это—революція безконечная, трансцендентная.

Восходить все выше долженъ,
Дальше долженъ я смотрѣть.
Immer höher muss ich steigen,
Immer weiter muss ich schaun.—

какъ говоритъ тотъ же Евфоріонъ-Байронъ. Послѣдняя высь, послѣдняя даль—уже не здѣсь, а тамъ, въ мірахъ иныхъ.

«Я чрезвычайно упростилъ свою политику: теперь она состоитъ въ томъ, чтобы ненавидѣть всѣ существующія правительства». (Дневникъ, 1814). Если бы провозглашена была всюду республика, если бы свобода восторжествовала во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, онъ не утолился бы. «Свобода,—я ея не знаю и никогда не видѣлъ», т. е., не видѣлъ здѣсь, на землѣ, въ дѣлахъ человѣческихъ.

Такой отвлеченный анархизмъ—нереволюціоненъ, недѣйственъ и недѣйствителенъ. Тутъ главный грѣхъ его сознанія—ложный идеализмъ, ложный романтизмъ: «все что угодно, только не дѣйствительность» (any thing, but reality).

Отъ этой лжи сознанія спасла его правда воли и чувства—«безумство» любви ненавидящей.

Послѣдняя свобода—не на землѣ, а на небѣ. Но революція, какъ религія, и заключается именно въ томъ, чтобы сводить свободу съ неба на землю: да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ.

Богъ есть свобода. Но и человѣкъ можетъ быть Богомъ, и Одинъ изъ людей уже былъ во-истину Богомъ.

Это и значитъ: человѣкъ можетъ быть свободенъ. Если Богочеловѣчество,—послѣдняя цѣль религіи—не мечта, а дѣйствительность, то и послѣдняя цѣль революціи—свобода—тоже не мечта, а дѣйствительность.

Это и значитъ: революція есть религія.

Такъ для насъ, но не такъ для Байрона. Для него революція—антирелигія или, по крайней мѣрѣ, антихристіанство, источникъ демонизма, уже не поверхностнаго, внѣшняго, а глубокаго, внутренняго,—того, который былъ не личиной, а лицомъ его.

IV

Что Байронъ—существо религіозное, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

«Онъ говорилъ намъ, что ему одинаково невозможно быть ни догматикомъ, ни атеистомъ: присущее ему внутреннее чувство Бога, хотя онъ и не сумѣлъ бы объяснить этого чувства, кажется ему столь же вѣрнымъ доказательствомъ того, что Богъ есть, какъ вліяніе Сѣвера на компасную стрѣлку—доказательство того, что есть магнитный полюсъ». (Lord Broughton-Hobhouse, 15 октября, 1816).

Никогда не терялъ онъ этого «внутренняго чувства»: чувство его, воля его—вся въ религіи. Но не все сознаніе. Волѣ и чувству не соотвѣтствуетъ сознаніе.

Въ дѣлахъ житейскихъ онъ уменъ, какъ день. Но умъ житейскій—малый умъ, малый разумъ; есть и другой, большой, часто противоположный малому.

Вотъ этого-то «большого разума» и нѣтъ у Байрона, или недостаточно. Воля и чувство его безграничны; умъ ограниченъ.

«Ему не удалось достигнуть пониманія самого себя, и вообще разсужденіе ему не удавалось,—замѣчаетъ Гёте:—онъ великъ только, какъ поэтъ; разсуждаетъ же по-дѣтски».

— Дѣточка Байронъ! Глупенькая дѣточка!—могъ бы сказать мудрый Гёте, такъ же какъ любящая Августа.

Эта несоразмѣрность ума съ волей и чувствомъ есть метафизическая неустойчивость, хромота его.

Онъ—слабый, потому что слѣпой или полузрячій, титанъ, одноглазый Циклопъ. Что-то огромное и неуклюжее, циклопическое—во всемъ его существѣ и творчествѣ: громоздитъ глыбы на глыбы, горы на горы—лѣзетъ по нимъ и самъ не знаетъ куда, въ небо или въ преисподнюю.

Преобладаніе «малаго разума» надъ «большимъ» есть раціонализмъ, разсудочность — смертный грѣхъ XVIII-го вѣка. Байронъ, такъ же какъ Наполеонъ, сынъ этого вѣка. Раціонализмъ погубилъ обоихъ.

Но уже не погубитъ героевъ будущаго. Мы уже знаемъ, что разумъ, не только «малый», но и «большой»,—не весь человѣкъ: человѣкъ больше разума. Истины воли и чувства, хотя иной природы, но столь же несомнѣнны, какъ истины разума. Разумъ, ratio—не «блудница», какъ думалъ Лютеръ, но все-таки женщина: самъ ничего не зачинаетъ и не рождаетъ безъ воли и чувства, безъ дѣйствія. Разумъ, какъ начало отвлеченное—раціонализмъ—безплоденъ и разрушителенъ.

«Право мыслить—наше послѣднее и единственное убѣжище» (our right of thought, our lest and only place of refuge). Нѣтъ, не единственное: право хотѣть и чувствовать, т. е. жить и дѣйствовать—болѣе вѣрное убѣжище.

Когда Байронъ прославляетъ «вѣковѣчный духъ разума, не укротимый никакими цѣпями»,—онъ хорошо дѣлаетъ. Но нехорошо, когда забываетъ, что воля и чувство такъ же свободны, какъ разумъ.

«Я пріобрѣлъ могущество свое силою разума» (strenght of mind),—говоритъ Манфредъ и думаетъ, что нѣтъ могущества бо́льшаго. Но ошибается: соединеніе разума съ волей и чувствомъ — могущество бо́льшее, чѣмъ только разумъ.

Раціонализмъ—религіозная ложь Байрона. Всѣ его возраженія противъ Бога, противъ Христа раціональны, разсудочны, но не разумны и даже не умны.

«Вы говорите: Галилеянинъ. Гдѣ же плоды? Сдѣлали ли васъ заповѣди Его лучше, мудрѣе, добрѣе? Ужъ, конечно, если бы Онъ сошелъ на землю или послалъ кого-нибудь, Онъ явился бы всѣмъ народамъ и вразумительно для всѣхъ... Христосъ пришелъ спасти людей? Зачѣмъ же не всѣ люди христіане? Кто же повѣритъ, что Богъ осудитъ ихъ за то только, что они не знаютъ, чему ихъ учили?» (Годжсону, 1811).

Ну, конечно, никто не повѣритъ, да и не надо вѣрить; ну, конечно, Богъ не осудитъ людей, Христу ненаученныхъ. Но, «дѣточка Байронъ», глупенькая дѣточка, неужели Христосъ—только «ученіе», пониманіе? Неужели Онъ спасаетъ только тѣмъ, что понятенъ, «вразумителенъ», а не тѣмъ, что Онъ *есть*? Слѣпые не видятъ солнца; но оно для нихъ есть, и безъ него слѣпые погибли бы, такъ же какъ зрячіе.

Религіозная ложь Байрона—ложь почти всего христіанскаго человѣчества, но на комъ отвѣтственность за эту ложь—на человѣчествѣ или на самомъ христіанствѣ,—это еще вопросъ.

Люди вѣрятъ тому, что видятъ: кто за свободу, тотъ противъ Христа; кто за Христа, тотъ противъ свободы. Не только человѣчество, но и само христіанство какъ будто забыло, что оно ни къ чему не приводитъ или къ величайшему изъ всѣхъ освобожденій, изъ всѣхъ революцій—къ такому перевороту, которымъ долженъ кончиться міръ. Конецъ христіанства или ничто, или конецъ міра—«Амокалипсисъ».

Но если Богъ противъ свободы, то не за нее ли тотъ, кто противъ Бога,—діаволъ? Вотъ откуда глав-

ное религіозное чувство Байрона—чувство свободы, какъ чего-то «демоническаго», богопротивнаго и все-таки «божественнаго», хотя уже въ иномъ, обратномъ смыслѣ, божественнаго.

Если свобода не добро, а зло, то да будетъ же зло добромъ. «Зло, будь моимъ добромъ!»—говоритъ Сатана у Мильтона.—Сатана, будь моимъ Богомъ!—говоритъ человѣкъ у Байрона. Но если такъ, то нѣтъ Бога и діавола, а есть два Бога, два вѣчныхъ и равныхъ Начала, раздѣленныхъ и раздѣляющихъ все. «Темный» становится Свѣтлымъ, Свѣтоноснымъ, Люцифером.

Каинъ. Зачѣмъ же вы раздѣлены?
Люциферъ. Мы оба царствуемъ.
Каинъ. Но злой одинъ?
Люциферъ. Который?

Да,—который? Тутъ «великая двойственная тайна—два Начала (the great double Mysteries, the two Principes). И сердце человѣческое между ними разрывается съ такою скорбью, какой никогда еще не было. «Тогда будетъ великая скорбь, какой не было отъ начала міра донынѣ и не будетъ».

Это и есть міровая скорбь Байрона. Кто жилъ и не скорбѣлъ? Но такъ, какъ онъ, никто.

«Я помню, какъ однажды, проведя въ обществѣ цѣлый часъ въ необыкновенной веселости, я сказалъ женѣ:

— «Вотъ видишь, Bell, меня называютъ меланхоликомъ, а вѣдь я веселый?

— «Нѣтъ, Байронъ, — отвѣчала она, — въ глубинѣ сердца ты печальнѣйшій изъ людей, даже въ тѣ минуты, когда кажешься веселымъ».

Да, печальнѣйшій изъ людей: такая тѣнь на лицѣ

его, какъ будто самъ Свѣтлый пріосѣнилъ его своимъ темнымъ, все-таки темнымъ, крыломъ.

Вотъ почему «въ 23 года онъ чувствуетъ себя старикомъ, какъ въ 70 лѣтъ», и уже сѣдѣетъ въ 30. Вотъ почему «мечъ протираетъ ножны».

Вотъ почему единственный страхъ его—страхъ сумасшествія. «Лучше бы я разможжилъ себѣ голову десять разъ, чѣмъ сойти съ ума!»

Вотъ почему онъ только и думаетъ, какъ бы «бѣжать отъ себя».—«Я просыпаюсь каждое утро въ страшномъ припадкѣ отчаянія и отвращенія ко всему, даже къ тому, что мнѣ вчера еще нравилось». — «Удивительно, что стоило мнѣ пожелать чего-нибудь, какъ я получалъ желаемое—и раскаевался».—«Все, что угодно,—только не дѣйствительность». — «Для меня одно лекарство—смерть». И если даже есть безсмертье, онъ его не хочетъ, «почтительнѣйше билетъ свой возвращаетъ»: «оставьте вы меня въ покоѣ съ вашимъ безсмертіемъ! Довольно мы страдаемъ въ этой жизни—что за нелѣпость думать о будущей!»

Сочти всѣ радости, сочти печали,
Что̀ долженъ былъ ты пережить,—
И что̀ бы дни твои ни дали,
Признай, что лучшее—не быть.

— «Теперь я хочу спать»,—послѣднія слова его.—«Implora pace. Молитъ покоя»,—надпись, которую онъ хотѣлъ имѣть на своей могилѣ.

И вотъ почему въ одномъ изъ величайшихъ созданій своихъ, въ поэмѣ «Тьма», въ этомъ обратномъ «апокалипсисѣ», онъ чувствуетъ неизбѣжный конецъ міра почти съ такою же физической осязаемостью, какъ чувствовали его христіане Апокалип-

сиса подлиннаго. Но тамъ огонь, а здѣсь холодъ. Впрочемъ, и холодъ предсказанъ: «тогда охладѣетъ любовь». Охладѣетъ, потухнетъ солнце міра, любовь, и наступитъ вѣчный холодъ, вѣчная Тьма—конецъ всего.

Все—ничто, человѣкъ—ничто,—послѣдній выводъ мнимаго малаго разума, «діавола». Но если человѣкъ ничто, то и разумъ ничто (ибо въ раціонализмѣ весь человѣкъ — разумъ). Самоутвержденіе — самоуничтоженіе разума.

«Отецъ лжи» солгалъ: нѣтъ «двухъ началъ», есть только одно; нѣтъ Бога и діавола, есть только діаволъ—

Царящая надъ міромъ Злая Сила,
Которая, играя, все творитъ,
Чтобъ уничтожить все...

Но если такъ, за что же бороться? И что значитъ «свобода»?—«Свобода,—я ея не знаю и никогда не видѣлъ».

Свободы нѣтъ, и нѣтъ освобожденія, нѣтъ революціи. Революція такая же ложь, какъ религія. Изъ ничего ничто, ex nihilo nihil. Нигилизмъ — послѣдній выводъ демонизма. Человѣкъ—рабъ діавола.

Да, воинстину, это «великая скорбь, и если бы не сократились тѣ дни, то не спаслась бы никакая плоть».

Карлейль шутитъ, разсказываетъ анекдотъ о «подражателѣ Байрона», старомъ заржавленномъ вертелѣ, который визжалъ, пугая всѣхъ, нечеловѣческимъ голосомъ: «я былъ счастливъ, а теперь несчастенъ! несчастенъ! несчастенъ!»

Гёте не шутитъ: Байронъ для него не старый вертелъ въ потухшемъ очагѣ, а «купина неопалимая, сжигающая Ливанскій кедръ».

Правъ Гёте, а не Карлейль.

«Міровая скорбь» Байрона — міровая воистину — скорбь всего міра, «всей твари, совокупно стенающей объ избавленіи». Когда онъ говоритъ: «я несчастенъ», это «я»—«Я» всего человѣчества. Чайльдъ-Гарольдъ изгнанный, Каинъ проклятый, Мазепа связанный, Шильонскій Узникъ и Прометей Скованный—это не только самъ Байронъ, но и само человѣчество—древній Титанъ.

«Міровая скорбь»—міровая ложь. Ложь—въ христіанствѣ, но и преодолѣніе лжи тоже въ христіанствѣ. «Тайна Двухъ» преодолѣвается «тайною Трехъ»: равны не Богъ и діаволъ, а Отецъ и Сынъ; Богъ и діаволъ раздѣлены, Отецъ и Сынъ соединены.

Но тайна Трехъ, тайна Троицы такъ и осталась въ христіанствѣ нераскрытою тайною, мертвымъ догматомъ. А мертвый догматъ—ложь. Вотъ откуда ложь и скорбь христіанскаго человѣчества.

Разумъ противъ чувства и воли, противъ любви говоритъ: я и не-я—два. Любовь говоритъ: я и не-я, я и Отецъ—одно.

Кто правъ?—Мы не знаемъ.

Но «дѣточка Байронъ», бѣдная, глупенькая дѣточка, подумай не о томъ, чего ты не знаешь, а о томъ, чего ты х о ч е ш ь.

Пусть не могу я быть любимымъ,—
Я все жъ хочу любить!

Хочешь любить—и будетъ любовь будетъ радость. И если Отецъ есть любовь, то вернувшись къ любви, ты вернулся къ Отцу, и въ домѣ Отца будетъ радость о блудномъ сынѣ вернувшемся.

И на твоей могилѣ мы напишемъ не «молитъ покоя», а «будетъ радость».

Св. Елена

I

Юбилей 1812 года мы только-что справили, а въ 1915 году—столѣтняя годовщина Наполеонова плѣна.

Литература о Наполеонѣ, безъ того уже огромная, въ послѣдніе годы все разрастается. И не случайно: мы подводимъ итоги прошлому вѣку, а воплощеніе этого вѣка—онъ. Понять его—значитъ понять прошлое. Но это не такъ-то легко.

Сфинксъ, неразгаданный до гроба,—

можно бы сказать о немъ съ бо̀льшимъ правомъ, чѣмъ объ его соперникѣ, Александрѣ I. Да, все еще сфинксъ, все еще загадка, не только историческая, психологическая, нравственная, но и религіозная.

«Краткое изображеніе міра», «существо демоническое» (т. е. божественное); «существо реальнѣйшее, ens realissimum»,—по Гёте и Ницше. А по Л. Толстому—маленькій великій человѣкъ, раздутое ничтожество.

Между этими двумя крайними точками нашъ приговоръ колеблется, какъ стрѣлка вѣсовъ. Кто это былъ? что это было?

Не генералъ, не консулъ, не императоръ, а «человѣкъ», «l'homme»—называлъ его простой народъ Франціи. И если въ этомъ названіи есть правда, если мѣра Наполеона—«мѣра человѣческая», то ужъ, во всякомъ случаѣ, не христіанская, понимая христіанство въ смыслѣ данномъ, историческомъ, въ смыслѣ церковнаго догмата, церковной святости.

Соотвѣтствуетъ ли вообще христіанство—опять-таки въ данномъ пониманіи историческомъ—мѣрѣ человѣческой? Впору ли оно человѣку? Входитъ ли въ него весь человѣкъ? Не надо ли въ немъ что-то съузить, чтобы втиснуть въ христіанство? «Широкъ человѣкъ, слишкомъ широкъ. Я бы съузилъ!» Душа человѣческая, по природѣ своей, христіанка? Нѣтъ, судя по этому человѣку, не только христіанка. Что же дѣлать? Отвергнуть половину души, чтобы принять все христіанство, или отвергнуть христіанство, чтобы принять всего человѣка? Вотъ какая Наполеономъ загадка загадана.

Л. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» разгадалъ ее просто, почти такъ же, какъ Св. Синодъ, который въ 1812 году объявилъ Наполеона «антихристомъ». Слишкомъ просто и невѣжливо. А, вѣдь, Писаніе учитъ насъ вѣжливости даже съ діаволомъ: «Михаилъ архангелъ, когда спорилъ съ діаволомъ, не смѣлъ произнести укоризненнаго суда, но сказалъ: «Да запретитъ тебѣ Господь!»

Вѣжливѣе Россіи оказалась Англія.

Недавно появившаяся книга лорда Росбери—не только умная, дѣльная, но и благородная, соблюдающая ту нравственную мѣру, которая въ сужденіяхъ о Наполеонѣ такъ рѣдко соблюдается. Байронъ, и тотъ не

сумѣлъ ее соблюсти. Тотчасъ послѣ отреченія Наполеона, бывшій поклонникъ его бьетъ лежачаго:

«Новый Тимуръ... человѣкоубійца развѣнчанный!.. Умереть властелиномъ или жить рабомъ,—твой выборъ былъ постыдно-мужественъ... Твое послѣднее дѣло, хоть и не злѣйшее, возбуждаетъ смѣхъ сатаны: тотъ въ своемъ паденіи сохранилъ величіе и если бы былъ смертнымъ, то умеръ бы съ гордостью»...

Эти романтическія общія мѣста насъ уже не трогаютъ. Дѣло было проще—и насколько ужаснѣе!

Лордъ Росбери великодушнѣе Байрона и, кажется, справедливѣе. Онъ понялъ, что, во всякомъ случаѣ, христіане въ долгу не остались у этого «антихриста».

«Англійскіе дипломаты, когда онъ попался имъ въ руки, болѣе всего желали, чтобы кто-либо оказалъ имъ услугу —повѣсилъ или разстрѣлялъ его, а когда никого не нашлось, чтобы это сдѣлать, рѣшили посадить его подъ замокъ, какъ карманнаго воришку (pick-pocket)».

«Булавочными уколами убиваютъ того, кого побѣдить едва хватило союзныхъ армій всей Европы»,—пишетъ генералъ Гургò (Gourgaud) императору Александру I.

Да, содрать съ живого кожу или на медленномъ огнѣ изжарить не такъ жестоко, какъ то, что съ нимъ сдѣлали.

Въ одномъ только лордъ Росбери ошибается. Если бы не Ватерлоо и не Св. Елена,—думаетъ онъ,—то Наполеонъ сказалъ бы, наконецъ: «Довольно!»—прекратилъ бы войны и началъ бы благополучно царствовать. Нѣтъ, никогда не сказалъ бы «довольно», не остановился бы, и если бы даже хотѣлъ, не могъ бы остановиться.

Посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго велѣнья,—

не по своей волѣ онъ двигался. Кто-то бросилъ его, какъ бросаютъ камень. Здѣсь, на землѣ, онъ только продолжаетъ безконечную параболу, начатую гдѣ-то тамъ, откуда онъ брошенъ. Нашу земную сферу только пролетаетъ, какъ метеоръ.

И люди чувствуютъ въ немъ это нездѣшнее, «роковое»; онъ и самъ въ себѣ это чувствуетъ: фатализмъ, поклоненіе року—его единственная религія.

Какая, въ самомъ дѣлѣ, странная судьба! Никого не любитъ, а его любятъ всѣ; ни въ комъ не нуждается, а въ немъ всѣ нуждаются; никого не уважаетъ, а передъ нимъ благоговѣютъ всѣ.

Когда 300,000 людей погибло въ войнахъ, онъ объявляетъ новый наборъ, который долженъ дать 1.200,000. И люди идутъ, летятъ на смерть, какъ мотыльки на огонь. Умереть, умереть за него —одно желаніе у всѣхъ. Благословляютъ его, умирая.

Подъ Ватерлоо солдату раздробило руку пушечнымъ ядромъ; онъ оторвалъ ее другою, здоровою, и, кидая въ воздухъ, крикнулъ:

— Да здравствуетъ императоръ! До смерти! (Vive l'Impereur! Jesqu'à la mort!).

Пусть это легенда, но было же то, изъ чего такія легенды рождались.

И неужели все обманъ, и тѣ, кто шелъ за нимъ, остались въ дуракахъ? Нѣтъ, не такъ глупо человѣчество. Тысячи обмановъ, тысячи масокъ, но подъ ними какая-то правда, какое-то лицо, — бога ли, бѣса ли, только не совсѣмъ человѣка, хотя и человѣка воистину. И вотъ опять тотъ же вопросъ: кто это? что это? А главное: откуда? зачѣмъ?

Недаромъ привлекаетъ вниманіе новѣйшихъ историковъ конецъ Наполеона—Св. Елена *). По концу, по гибели его лучше можно судить о немъ, чѣмъ по началу и серединѣ жизни, по возвышенію и величію. Вмѣстѣ съ вѣнцомъ и пурпуромъ всѣ обманы и маски сброшены. На Св. Еленѣ, на голой скалѣ —голый человѣкъ. Не то, чѣмъ онъ кажется, а то, что онъ есть.

II

15-го іюля 1815 г. онъ вступилъ на палубу Беллерофона англійскимъ плѣнникомъ. Ему 46 лѣтъ. Но онъ уже усталъ, растолстѣлъ, отяжелѣлъ, обрюзгъ. Ударяя себя по толстому животу, говаривалъ:

— Ну, развѣ съ этакимъ брюхомъ можно быть честолюбцемъ!

Взошелъ на палубу и усѣлся, какъ дома, не обращая ни на что вниманія. Желто-блѣдное, жиромъ заплывшее лицо его ничего не выражало, кромѣ скуки и сонливости. Открылъ томикъ Оссіана и тутъ же задремалъ.

У береговъ Англіи перешелъ на другой военный фрегатъ Нортумберлэндъ, шдешій изъ Остъ-Индіи, который долженъ былъ перевезти его прямо, нигдѣ не останавливаясь, обогнувъ Африку съ запада, по Атлантическому океану, на островъ Св. Елены. На кораблѣ было тѣсно, пассажиры набиты, какъ сельди въ боченкѣ.

*) Кромѣ книги лорда Росбери—Frémeaux, «Les derniers jours de l'Empereur», и его же «Dans la chambre de Napoléon mourant» (здѣсь впервые напечатанъ дневникъ Гудсона Лоу); Masson, «Autour de St. Hélène». «Mémorial de St. Hélene», несмотря на всѣ свои неточности, все еще драгоцѣнный памятникъ.

Вода гнилая, да и той нехватало. Спутники роптали. Онъ оставался безчувственнымъ.

Однажды только за все путешествіе вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія.

На разсвѣтѣ корабль проходилъ мимо острова Уэссана (Ouessant), у береговъ Бретани. Это—послѣдняя точка Франціи. Онъ вышелъ изъ каюты неожиданно и своею тяжелою поступью, переваливаясь на коротенькихъ ножкахъ, затянутыхъ въ лосины, съ толстымъ брюхомъ, въ разстегнутомъ на нижнія пуговицы бѣломъ пикейномъ жилетѣ и съ вѣчной треугольной шляпой на головѣ, добрался до кормы.—«Уэссанъ?»—спросилъ вахтеннаго, взялъ подзорную трубку и началъ смотрѣть. Смотрѣлъ съ 7-ми часовъ утра почти до полудня. Всѣ стояли поодаль. Никто не смѣлъ подойти. Онъ прощался не только съ Франціей, но и вообще съ міромъ: зналъ, что Св. Елена—гробъ заживо. А когда берегъ исчезъ,—повернулся медленно, стараясь, чтобъ лица его не видѣли, ухватился за руку маршала Бертрана, и тотъ отвелъ его обратно въ каюту.

Въ своемъ паденіи онъ все еще обаятеленъ.

— «Пусть говорятъ о немъ, что̀ угодно, но если бы англійскій народъ зналъ его, какъ мы, то и во̀лоса на головѣ его не тронулъ бы!»—говорили матросы.

А старый французскій гренадеръ, когда Наполеонъ высаживался на берегъ Св. Елены, воскликнулъ:

— «Что это говорятъ, будто онъ постарѣлъ? Чортъ побери, да у него еще сорокъ кампаній въ брюхѣ!»

Св. Елена—маленькій островъ: 17 километровъ длины, 11 ширины. Нагроможденныя горы еще болѣе стѣсняютъ его, какъ бы съуживаютъ и загораживаютъ, такъ что податься некуда. Старая ферма Лонгвудъ

(Longvood) —нѣсколько жалкихъ мазанокъ, бывшій скотный дворъ —гдѣ поселили плѣнника, находится въ мѣстности наиболѣе дикой этого дикаго острова, на голомъ, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ плоскогоріи въ 1,700 футовъ вышины. Тучи, гонимыя съ океана юго-западнымъ вѣтромъ, цѣпляются за горы, останавливаются и нависаютъ низкими, точно тюремными, сводами. Вѣчная сырость, вѣчный тропическій дождь или зной. Никакой тѣни. Только низкорослыя, обглоданныя соленымъ вѣтромъ каучуковыя деревья да колючіе кактусы. Отвѣсныя скалы, пропасти и безпредѣльный океанъ.

Если Наполеонъ—скованный Прометей, то его тюремщикъ, англійскій военный губернаторъ острова, Гудсонъ Лоу—терзающій коршунъ. Отъ страха, что плѣнникъ убѣжитъ, онъ едва не лишился разсудка. Палачъ и жертва вмѣстѣ, мучитель и мученикъ.

— «Когда онъ смотритъ на меня, у него такіе глаза, какъ у пойманной гіены»,—говорилъ Наполеонъ.

За нимъ шпіонили. Каждое утро являлся англійскій офицеръ и, когда плѣнникъ прятался отъ него,—подсматривалъ въ замочную скважину, чтобы убѣдиться, что онъ въ сохранности. Однажды Наполеонъ сидѣлъ въ ваннѣ и, замѣтивъ, что офицеръ смотритъ на него, выскочилъ изъ ванны и пошелъ на него, голый, страшный. Тотъ убѣжалъ, а онъ грозилъ его убить.

— «Ко мнѣ войдутъ не иначе, какъ только черезъ мой трупъ!»

О бѣгствѣ, впрочемъ, не думалъ. Да и какъ бѣжать? Переодѣвшись лакеемъ или въ корзинѣ съ грязнымъ бѣльемъ,—могъ ли онъ серьезно думать о подобныхъ планахъ? Всякій подходящій съ моря корабль виденъ былъ на разстояніи 60-ти миль и возвѣщался

пушечнымъ выстрѣломъ. Но если бы даже какимъ-нибудь чудомъ плѣнникъ спустился, не сломавъ себѣ шеи, ночью, по веревкѣ, съ отвѣсныхъ скалъ къ морю и сѣлъ въ подводную лодку, то куда бѣжать? Въ Америку? Онъ былъ увѣренъ, что тамъ его убьютъ или, хуже того, забудутъ.

Да и слишкомъ усталъ: уходили сивку крутыя горки. Не внѣшней цѣпью скованъ, а внутренней,—смертною лѣнью, смертнымъ сномъ, послѣднею покорностью:

— «Надо быть покорнымъ судьбѣ: все тамъ, на небесахъ, написано».

А все-таки не сдается, борется для виду со своимъ тюремщикомъ. Въ послѣднія пять лѣтъ они не сказали другъ другу ни слова, но между ними—глухой безконечный споръ изъ-за императорскаго титула. Для Гудсона Лоу Наполеонъ просто «Бонапартъ», а хочетъ быть «кесаремъ». Но если бы родился въ пурпурѣ, то понялъ бы, что Бонапартъ больше кесаря.

Спорили также изъ-за пайка тюремнаго. Наполеонъ увѣрялъ, будто его морятъ голодомъ. Однажды велѣлъ сломать и продать свой серебряный столовый сервизъ. А когда началъ ѣсть на фаянсѣ,—застыдился.

— «Какія мы, однако, дѣти!»—разсмѣялся, опомнившись.

Въ другой разъ не хватило дровъ, и онъ велѣлъ сжечь свою кровать.

Все это «комедія», какъ выражался Гудсонъ Лоу, — послѣдняя маска—маска жалости. «Зрительныя трубки всей Европы устремлены на Св. Елену», и вотъ, безжалостный, хочетъ разжалобить.

Несчастный губернаторъ—только козелъ отпущенія. Казнь Наполеона въ немъ самомъ: «казнь покоя».

Ненасытная дѣятельность, безпредѣльная сила, нѣкогда обращенная на міръ, теперь обращается на него самого, терзаетъ и пожираетъ его. «Ты будешь пожирать свое сердце», какъ предсказалъ ему Байронъ, или какъ еще лучше говоритъ одинъ русскій крѣпостной философъ у Тургенева: «Всякъ человѣкъ себѣ на съѣденіе отданъ».

Не знаетъ, какъ убить время. Утромъ валяется въ постели или цѣлыми часами сидитъ въ ваннѣ. Читаетъ до одури, лежа на канапе, немытый, небритый, въ бѣломъ шлафрокѣ, въ бѣлыхъ штанахъ, въ рубашкѣ съ разстегнутымъ воротомъ, безъ галстука, съ краснымъ клѣтчатымъ платкомъ на головѣ. Столъ заваленъ книгами, и въ ногахъ, и на полу кучи томовъ, прочитанныхъ, растрепанныхъ.

Иногда диктуетъ дни и ночи напролетъ, а потомъ зарываетъ въ землю рукописи.

Прогулки по острову подъ наблюденіемъ шпіоновъ ему опротивѣли. Устроилъ себѣ для моціона внутри дома бревно на перекладинѣ и качается на немъ, какъ на деревянной лошадкѣ. Копаетъ грядки въ огородѣ. Приручаетъ ягнятъ.

Въ лонгвудскомъ домѣ комнатъ 20, но, большею частью, необитаемыхъ отъ сырости. Полы изъ гнилыхъ, плохо сколоченныхъ досокъ. Множество крысъ. Онъ живетъ въ двухъ-трехъ комнатахъ, маленькихъ, низенькихъ, съ окнами на англійскій бивуакъ, нарочно здѣсь поставленный, чтобы слѣдить за нимъ днемъ и ночью.

Въ домѣ соблюдается строжайшій этикетъ. Слуги въ ливреяхъ. Обѣдъ на серебрѣ и золотѣ. За столомъ, рядомъ съ императоромъ—незанятое мѣсто ея вели-

чества. Придворные стоятъ на-вытяжку цѣлыми часами, до обморока.

Однажды кто-то сказалъ при немъ, что китайцы своего богдыхана почитаютъ за Бога.

— «Такъ и слѣдуетъ!»—замѣтилъ Наполеонъ.

По вечерамъ собираются свитскіе въ салонъ его величества. Играютъ въ домино, въ шашки, бесѣдуютъ.

Онъ вспоминаетъ молодость.

— «Послѣ итальянскихъ побѣдъ я чувствовалъ, что земля уходитъ у меня изъ-подъ ногъ, какъ будто я лечу...»

Умолкаетъ, задумавшись, потомъ говоритъ:

— «Я скоро буду забытъ... Если бы въ Кремлѣ пушечное ядро убило меня, я былъ бы такъ же великъ, какъ Цезарь и Александръ, а теперь я почти ничто»...

Дѣлаетъ веселое лицо при скверной игрѣ:

— «Карьерѣ моей недоставало несчастья» (l'adversité manquait à ma carrière).

Однажды долго сидѣлъ молча, опустивъ голову на руки; наконецъ, всталъ и сказалъ:

— «А все-таки, какой романъ моя жизнь!»

И вышелъ изъ комнаты.

Вспоминаетъ мечты свои о походѣ на Индію, о всемірной монархіи. Потомъ, вдругъ очнувшись, проводитъ рукой по лицу и вздыхаетъ:

— «Въ концѣ-концовъ, я, вѣдь, только человѣкъ!»

Иногда читаетъ вслухъ, большею частью, классическія трагедіи; читаетъ скверно, фальшиво и напыщенно. Особенно любитъ «Заиру» Вольтера. Она до того надоѣла всѣмъ, что генералъ Гургò и госпожа Монтолонъ хотятъ выкрасть ее изъ библіотеки. Слушатели засыпаютъ. Но онъ слѣдитъ за ними внимательно.

— «Мадамъ Монтолонъ, вы спите?»

— «Гургò, проснитесь же!»

Въ наказаніе заставляетъ ихъ читать и, скрестивъ руки, слушаетъ, но минутъ черезъ пять самъ начинаетъ дремать.

— «Какая скука, Боже мой!»—шепчетъ, оставшись одинъ.

«Похожъ на звѣря въ клѣткѣ, который ходитъ взадъ и впередъ, не останавливаясь и глядя сквозь рѣшетку дикими зрачками, полными отчаянія».

Шесть лѣтъ длилась эта пытка. Наконецъ, заболѣлъ. Болѣзнь началась уже давно, съ 1819 года. Ноги пухли, дѣлались головокруженія, обмороки. Онъ думалъ, что это болѣзнь печени. Но печень здорова, и доктора не могутъ понять причины болѣзни. Начинаетъ писать завѣщаніе. А Гудсонъ Лоу продолжаетъ думать, что все это «комедія», и что Бонапартъ здоровъ, какъ быкъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ становилось то лучше, то хуже. Весною 1821 года болѣзнь усилилась такъ, что онъ понялъ, что это конецъ.

Ничего не ѣлъ; все время тошнило и рвало. Начались изнурительные поты. Зрѣніе ослабѣло, не могъ выносить свѣта; когда потѣлъ по ночамъ, перемѣняли бѣлье въ темнотѣ, при одной свѣчѣ въ сосѣдней комнатѣ.

— «Вотъ здѣсь, точно бритвой рѣжетъ»,—жаловался, указывая на правый бокъ. Все еще думалъ, что боленъ печенью. Только въ послѣднія минуты понялъ, что у него та же болѣзнь, отъ которой умеръ его отецъ,—ракъ въ желудкѣ.

Зналъ, что умираетъ, и готовился къ этому просто: «дѣло житейское».

Опять началъ писать завѣщаніе. Среди тошноты и рвоты диктуетъ множество пунктовъ, подробныхъ и мелочныхъ, съ перечисленіемъ сотенъ предметовъ и лицъ.

27-го апрѣля, въ 6 часовъ утра, послѣ ужасной ночи съ жаромъ и бредомъ, запечатываетъ девять конвертовъ, перевязанныхъ зелеными и красными лентами, дѣлаетъ собственноручныя надписи. Велитъ принести шкатулки съ драгоцѣнностями и выкладываетъ все на постель: золотыя табакерки, бомбоньерки, медальоны, портреты, часы, ордена, кресты Почетнаго Легіона. Разбираетъ, кому что въ подарокъ на память.

У одной изъ табакерокъ крышка гладкая, безъ вензеля. Остріемъ перочиннаго ножика вырѣзываетъ тщательно букву N. И тутъ же рветъ его густою, черною, какъ кофейная гуща, рвотою.

— «Отдохнули бы, ваше величество».

— «Нѣтъ, времени мало, надо кончать»...

А когда все уже кончено, диктуетъ донесеніе губернатору:

«Господинъ губернаторъ, такого-то числа, такого-то мѣсяца, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни, скончался императоръ Наполеонъ, о чемъ имѣю честь довести до вашего свѣдѣнія»...

И далѣе: о перевозкѣ тѣла во Францію.

Всѣ плачутъ.

— «Монтолонъ, вы подпишите», — говоритъ онъ спокойно.

Ну, теперь, кажется, все? Нѣтъ, не все.

«Тѣло, во что бы то ни стало, вскрыть, и сына моего извѣстить, отъ какой болѣзни я умеръ, дабы могъ остеречься».

Потомъ зоветъ аббата Виньяля, духовника, велитъ

ему устроить надъ гробомъ chapelle ardente и поставить чашу съ Дарами на алтарѣ, въ головахъ. Количество свѣчей, порядокъ заупокойныхъ обѣденъ, поминовеній, сорокоустовъ—все опредѣляетъ въ точности.

Ни во что, или почти ни во что не вѣритъ, но религія тоже «дѣло житейское»: хочетъ, чтобы все было «въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ».

Кажется, нельзя умереть проще, обыкновеннѣе. «Антихристъ», «злодѣй», «извергъ рода человѣческаго», а умираетъ, какъ обыкновенные добрые люди. «Онъ былъ ко всѣмъ добръ и простъ до послѣдней минуты»,—вспоминаютъ очевидцы (Marchand, Montholon). Ни малѣйшаго угрызенія совѣсти. И ни одной мысли о томъ, что будетъ т а м ъ. Всю жизнь любилъ здѣшнее, только здѣшнее, и до конца любитъ,—до конца, а можетъ быть, и б е з ъ к о н ц а?

На разсвѣтѣ 5-го мая, уже въ агоніи, произноситъ нѣсколько невнятныхъ словъ:

— «Франція... армія»...

Вдругъ вскакиваетъ и бросается вонъ изъ постели. Монтолонъ хочетъ его удержать. Они борются, и оба валятся на полъ. Умирающій такъ сжалъ ему горло, что онъ едва не задохся и не могъ позвать на помощь. Наконецъ, изъ сосѣдней комнаты услышали шумъ, прибѣжали, подняли, розняли ихъ и уложили его въ постель. Онъ уже больше не двигался. Это была послѣдняя вспышка той силы, которая перевернула міръ.

На дворѣ выла буря. Вѣтеръ ломалъ и вырывалъ съ корнемъ деревья.

Въ 5 ч. 49 м. вечера, какъ-разъ на заходѣ солнца, онъ испустилъ послѣдній вздохъ на маленькой желѣзной походной кровати съ четырьмя серебряными орла-

ми по угламъ, на которой спалъ въ ночь наканунѣ Аустерлица и Маренго, и тѣло покрыли тѣмъ же сѣрымъ плащомъ, который онъ тогда носилъ.

Мертвое лицо его было спокойно, какъ будто не умеръ, а спалъ. На губахъ улыбка; только въ лѣвомъ углу рта «саркастическій смѣхъ».

Похоронили тутъ же, на Св. Еленѣ, въ Долинѣ Гераніумовъ, близъ родника, подъ двумя плакучими ивами, гдѣ онъ любилъ сидѣть.

Гудсонъ Лоу и маршалъ Бертранъ заспорили о надгробной надписи:

«Наполеонъ Бонапартъ» или просто «Наполеонъ»? Такъ и не могли согласиться, и могила осталась безымянною.

III

— «Повѣрьте, мой милый, когда мы умерли, мы, въ самомъ дѣлѣ, умерли (quand nous sommes morts, nous sommes bien morts)... Да и что такое душа? У ребенка, у спящаго, у помѣшаннаго—гдѣ она?.. Когда, бывало, на охотѣ передо мною свѣжевали оленя, я видѣлъ, что внутренности у него такія же, какъ у человѣка... Электричество, гальванизмъ, магнитизмъ —вотъ гдѣ великая тайна природы... Я склоненъ думать, что человѣческій мозгъ, какъ насосъ, всасываетъ эти токи изъ воздуха и дѣлаетъ изъ нихъ душу... Я знаю, что это противно религіи, но таково мое убѣжденіе: мы всѣ только матерія»...

Магометанство выше христіанства, потому что по-

бѣдило половину земного шара въ 100 лѣтъ, а христіанству понадобилось 300 лѣтъ. «Мы, магометане» (nous autres Mahométans) —говоритъ онъ, полушутя.

— «А папа-то во Христа вѣруетъ... по-настоящему»! удивляется искренно.

И все-таки:

— «Надо быть сумасшедшимъ, чтобы сказать навѣрное, что умрешь безъ покаянія. Столько на свѣтѣ вещей, которыхъ мы не знаемъ и не можемъ объяснить!»

Его отношеніе къ религіи соотвѣтствуетъ его отношенію къ революціи. Кажется, именно тутъ, въ этомъ соотвѣтствіи —ключъ ко всей загадкѣ. Отталкиваніе отъ революціи и отъ религіи—слѣдствіе одной и той же трансцендентной силы или немощи.

«Онъ—сынъ революціи, но сынъ, который только о томъ и думаетъ, какъ бы задушить свою мать»,— замѣчаетъ лордъ Росбери.

Отвращеніе Наполеона къ революціи — нравственное, умственное, метафизическое, и въ то же время, физіологическое, плотское, кровное. Онъ слишкомъ близко видѣлъ ее, испыталъ на собственной шкурѣ.

Малѣйшій бунтъ для него страшнѣе проигранной битвы. Кучки голодныхъ рабочихъ онъ боится больше, чѣмъ 200-тысячной арміи.

Обладаетъ въ высшей степени тѣмъ даромъ внезапнаго мужества, которое самъ называлъ «мужествомъ 3-хъ часовъ ночи». Въ огнѣ сраженій, подъ пулями и ядрами, невозмутимъ; но вотъ слышитъ о бунтѣ—и блѣднѣетъ. Это страхъ физическій, «морозъ по кожѣ», какъ отъ прикосновенія гада, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, суевѣрный, мистическій, какъ отъ привидѣнія.

Никогда не могъ забыть, какъ во время революціи,

Людовикъ XVI, стоя на балконѣ тюльерійскаго дворца, раскланивался съ чернью, снявъ красный фригійскій колпакъ.

Послѣ Ватерлоо, слыша изъ того же дворца крики мятежной толпы, которая умоляла его, Наполеона, стать во главѣ ея, отошелъ отъ окна, пожимая плечами съ брезгливостью:

— «Чѣмъ эти люди мнѣ обязаны? Я нашелъ ихъ нищими и оставляю нищими».

«Быть царемъ сволочи (roi de la canaille)»,—все существо его при этой мысли возмущается. Нѣтъ, лучше все, лучше Св. Елена!

Въ Дрезденѣ, въ разговорѣ съ Меттернихомъ, въ припадкѣ бѣшенства, отчасти притворнаго, но не совсѣмъ, онъ грозитъ:

— «Мой тронъ можетъ пасть, но я похороню міръ подъ его развалинами!»—т. е. подъ всемірной анархіей, всемірной революціи.

— «Отдѣлить, отдѣлить его отъ якобинцевъ!»—повторялъ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ съ вѣщимъ ужасомъ. Кажется, онъ одинъ изъ всѣхъ союзниковъ понималъ, какъ слѣдуетъ, эту опасность; понималъ, что спасеніе Наполеона—сдѣлаться снова тѣмъ, чѣмъ онъ уже разъ былъ: воплощенной революціей.

Понималъ ли это самъ Наполеонъ?

На Св. Еленѣ онъ мечтаетъ о союзѣ съ якобинцами. Но мечты эти праздныя: если бы дошло до дѣла, едва ли бы онъ съ собою справился, не отпрянулъ ли бы отъ «гада».

Лордъ Росбери объясняетъ ненависть Наполеона къ революціи династическими планами: революція, будто бы, могла сдѣлать его только диктаторомъ, а онъ

мечтаетъ о наслѣдственной монархіи. Но, кажется, причина глубже, трансцендентнѣе.

Что̀ Наполеонъ—въ дѣйствіи, то̀ Гёте—въ созерцаніи. И вотъ у обоихъ одинаковое отталкиваніе отъ христіанства и отъ революціи вмѣстѣ; отъ христіанства,—по той же причинѣ, какъ отъ революціи. Говоря языкомъ Ницше, довольно, впрочемъ, условнымъ и двусмысленнымъ, въ Наполеонѣ, въ Гёте—начало «аполлоновское», опредѣляющее, principium individuationis, (по Шопенгауэру), а въ христіанствѣ, въ революціи—начало «діонисовское», безпредѣльное. То, что здѣсь, въ отрицаніи, оба начала соединяются, есть великое знаменіе, которое до сихъ поръ такъ трудно понимается.

Наполеонъ—желѣзный тормазъ революціи: затормозить, остановить хаосъ —вотъ «безвѣстное велѣніе», съ которымъ онъ посланъ въ міръ.

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,—
И, клубясь, издохъ Пифонъ.
И твой ликъ побѣдой блещетъ
Бельведерскій Аполлонъ.

Еще разъ, хотя совсѣмъ иначе, нежели въ христіанствѣ, онъ сказалъ: власть отъ Бога.

— «Богъ мнѣ даетъ ее; горе тому, кто къ ней прикоснется! (Dio mi la dona, guai a chi la tocca!)»,—произнесъ онъ во время вѣнчанія, указывая на ломбардскую желѣзную корону.

Древне-римское и варварское желѣзо, которымъ средневѣковое государство было скрѣплено, давно перержавѣло и въ огнѣ революціи расплавилось, распалось окончательно, а новаго не было. И вотъ Наполеонъ открылъ новую руду желѣза—воли, власти, приказанія и послушанія. Въ этомъ смыслѣ вся современная

европейская государственность,—хорошая или дурная, иной вопросъ,—но вся она—его созданіе. Подъ ея камнями—его желѣзо.

Людямъ нужна свобода, но нуженъ и порядокъ. Быть свободнымъ, значитъ быть послушнымъ. Безъ послушанія, безъ порядка, свобода—хаосъ. Космосъ вѣчно борется съ хаосомъ и побѣждаетъ его. Одна изъ этихъ побѣдъ—Наполеонъ.

Порядокъ, значитъ разумъ. Въ разумѣ, даже человѣческомъ, т о л ь к о человѣческомъ, есть трансцендентное, «демоническое», какъ любитъ выражаться Гёте, т. е. «божественное». Въ Наполеонѣ и воплотилась эта «демоничность», «божественность» человѣческаго, только человѣческаго разума.

Разумъ всеміренъ: истинный разумъ—не разумъ одного изъ народовъ, а всего человѣчества. Вотъ почему государственная идея Наполеона—идея всемірная. Въ этомъ смыслѣ онъ больше всѣхъ современныхъ великихъ людей государственныхъ, отъ Гарибальди до Бисмарка: тѣ за деревьями не видятъ лѣса, за народами—человѣчества; онъ одинъ увидѣлъ его, одинъ преодолѣлъ національнизмъ, захотѣлъ соединенія всемірнаго.

И вотъ почему можно сказать, что люди, умиравшіе за Наполеона, умирали недаромъ: воистину б ы л о з а ч т о умереть.

Мы уже за это не умремъ: мы хотимъ и н о г о соединенія. Мы съ Наполеономъ боремся и преодолѣваемъ его.

Преодолѣніе Наполеона есть преодолѣніе раціонализма. Если человѣческій, т о л ь к о человѣческій разумъ—все, то съ Наполеономъ бороться нельзя. Но мы теперь уже знаемъ или, вѣрнѣе, о п я т ь узнали, вспом-

нили, что разумъ не все; что воля и чувство проникаютъ въ существо міра такъ же глубоко, а можетъ быть, глубже, чѣмъ разумъ.

Преодолѣніе раціонализма, отвлеченнаго, самодовлѣющаго разума, есть и преодолѣніе индивидуализма, уединенной, самодовлѣющей личности.

«Глядя на себя одного, ты ослѣпъ и открылъ глаза другимъ»,—говоритъ Байронъ Наполеону и могъ бы сказать себѣ самому, да и всѣмъ вообще «одинокимъ», вплоть до сегодняшнихъ русскихъ самоубійцъ.

— «Я не такой человѣкъ, какъ всѣ: законы морали не для меня писаны»,—говорилъ Наполеонъ.

«Есть кое-что на свѣтѣ умнѣе самого Наполеона: это—о б щ е с т в е н н о е м н ѣ н і е», сказалъ Талейранъ. Умнѣе и благороднѣе. Наполеонъ слишкомъ презиралъ людей; думалъ, что міръ основанъ только на расчетѣ, себялюбіи, корысти, на душевной низости,—и ошибся.

Будь, человѣкъ, благороденъ!—

это, вѣдь, тоже ens realissimum, реальнѣйшая сущность міра. Понялъ ли онъ на Св. Еленѣ, что презрѣніе изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ—самое презрѣнное?

Вѣчный, страшный символъ индивидуализма, самодовлѣнія личности—умирающій Наполеонъ, котораго тошнитъ, рветъ черною рвотою, и который все-таки царапаетъ концомъ перочиннаго ножика на золотой табакеркѣ N.

— «Будь я человѣкомъ религіознымъ, я не могъ бы сдѣлать того, что сдѣлалъ»,—признался онъ однажды, и это изъ всѣхъ его признаній глубочайшее. Да, будь онъ человѣкомъ религіознымъ, не могъ бы онъ сдѣлать того, что сдѣлалъ. Но не намъ его за это судить. Онъ все-таки сдѣлалъ то, для чего былъ посланъ въ міръ.

Александръ I

Знаніе есть любовь. Не имѣя любви къ предмету, можно имѣть о немъ свѣдѣнія, но нельзя имѣть знанія. Только любящій взоръ проникаетъ въ сущность, въ сердце вещей. Кто мало любитъ, мало знаетъ. Нелюбовь — незнаніе, невѣжество, и ученое невѣжество — злѣйшее. Имѣть о предметѣ свѣдѣнія, осязать, ощупывать и видѣть его *извнѣ*, значитъ ничего еще не знать о немъ, какъ слѣдуетъ. Знать о предметѣ можно, только увидѣвъ его *изнутри*. Такимъ внутреннимъ видѣніемъ, ясновидѣніемъ обладаетъ сочувственный опытъ, опытъ любви. Сердце сердцу вѣсть подаетъ: сердце познаваемаго сердцу познающаго. Истинное знаніе есть дѣло не одного ума, но и воли, чувства, всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Совершенное знаніе—совершенная любовь.

Если это вѣрно для другихъ областей знанія, то больше всего для исторіи. Во всѣхъ другихъ—познающій имѣетъ дѣло съ тѣмъ, что *есть*; въ исторіи—съ тѣмъ, что *было* и чего уже нѣтъ. Предметы всѣхъ другихъ знаній современны познающему; предметъ исторіи отдѣленъ отъ него временемъ. А бездна времени глубже, безвозвратнѣе всѣхъ безднъ пространства. То, что было вчера, въ извѣстномъ смыслѣ дальше отъ

насъ, недосягаемѣе, чѣмъ то, что происходитъ сейчасъ, хотя бы на другомъ концѣ міра. Бездна времени—бездна смерти: чтобы перелетѣть ее, нужны крылья любви, «крѣпкой какъ смерть». Предметъ исторіи—то, что жило и умерло, и будетъ снова жить вѣчно, воскреснувъ въ нашемъ познаніи. Исторія есть воскрешеніе мертвыхъ—послѣднее чудо знанія, чудо любви.

Пусть же нелюбящіе не подходятъ къ исторіи. . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Вотъ что я думалъ, когда читалъ «Опытъ историческаго изслѣдованія» велик. кн. Николая Михаиловича, «Императоръ Александръ I».

Незнающій, потому что нелюбящій приговоръ автора надъ личностью и дѣятельностью императора Александра I принятъ былъ съ довѣріемъ, поспѣшнымъ и незаслуженнымъ. Истинное значеніе историческихъ документовъ доступно не многимъ; «объясняющій» текстъ понятенъ всѣмъ. «Опытъ» имѣлъ большой, хотя и слишкомъ легкій успѣхъ злорадства.

«Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабостямъ могущаго. При открытіи всякой мерзости она въ восхищеніи. Онъ малъ какъ мы, онъ мерзокъ какъ мы! Врете, подлецы: онъ малъ и мерзокъ—не такъ какъ вы—иначе!» (Письма Пушкина).

Александръ I—не «высокъ» и не «могущъ»; онъ—средній, слабый человѣкъ. Но развѣ слабые, средніе люди менѣе достойны уваженія, чѣмъ великіе и могучіе?

«Мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого пси-

хоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мыслей, чѣмъ къ иной формѣ мышленія,—говоритъ авторъ «Опыта».—Ссылки на Библію, на Апокалипсисъ, на Посланія апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно-разстроеннаго человѣка»... Все это «походитъ на бредъ сумасшедшаго»... И далѣе, по поводу вліянія Аркачеева на Александра: «вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза»... И по поводу вліянія Меттерниха: «вотъ къ чему привели приступы меланхоліи, какъ результаты занятій съ разными экзальтированными проповѣдниками, мистиками, неуравновѣшенными лицами женскаго пола и всякими духовными мечтателями». Бесѣды государя съ французскимъ писателемъ Шатобріаномъ «даютъ, будто бы, вѣрную ноту (извиняюсь за неуклюжій языкъ автора) того духовно-политическаго сумбура, въ которомъ пребывалъ, къ сожалѣнію, русскій царь». О тяжеломъ душевномъ состояніи послѣднихъ годовъ Александра авторъ замѣчаетъ: «онъ отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостигаемаго на землѣ блаженства, а отдавшись религіозно-мистическимъ утопіямъ, не могъ уже заниматься дѣлами»... «Началось проявленіе полнаго маразма, и обнаружилось это настроеніе въ стремленіи къ уединенію и въ постоянныхъ молитвахъ».

Болѣзненныя мечтанія, нравственное разстройство, духовно-политическій сумбуръ, бредъ сумасшедшаго,—откуда же все это взялось? А вотъ откуда.

Въ молодости Александръ былъ невѣрующимъ. Однажды, по просьбѣ князя Голицына, прочелъ онъ Евангеліе, и оно ему такъ понравилось, что онъ каждый день сталъ прочитывать по одной главѣ; прочелъ всю

Библію, «впалъ въ мистицизмъ» и повредился въ умѣ, по русской народной примѣтѣ: кто Библію прочтетъ — съ ума сойдетъ.

Это нехитрое объясненіе—общее мѣсто русскихъ историковъ, въ томъ числѣ, и Пыпина, на котораго великій князь не преминулъ сослаться: по словамъ Пыпина «мистическій піэтизмъ проложилъ въ умѣ Александра дорогу къ совершенной реакціи».

Немудреному позитивисту шестидесятыхъ годовъ такое упрощеніе извинительно. Но въ наши дни отдѣлываться отъ объясненія религіозныхъ судебъ какой бы то ни было исторической личности такими словами, какъ «сумбуръ», «бредъ сумасшедшаго»—неизвинительно. Кое-что произошло въ нашемъ религіозномъ сознаніи, что дѣлаетъ для насъ столь быструю и легкую расправу невозможною.

Существуетъ ли какая либо ясная граница между «бредомъ сумасшедшаго» и подлинно-религіознымъ чувствомъ, между «духовно-политическимъ сумбуромъ» и смятеніемъ человѣческой совѣсти передъ мучительнѣйшимъ вопросомъ всего христіанскаго человѣчества—вопросомъ объ отношеніи Евангелья къ общественности, церкви къ государству, религіи къ политикѣ? Если граница эта существуетъ, то почему авторъ не указалъ ея; а если не существуетъ, то почему онъ дѣлаетъ одного Александра отвѣтственнымъ за то недоумѣніе, въ которомъ находится все христіанское человѣчество?

Надо же говорить серьезно о серьезныхъ вещахъ. А христіанство—серьезная вещь. Кто знаетъ, можетъ быть благая вѣсть Евангелья о царствіи Божіемъ на землѣ, какъ на небѣ—вовсе не «утопія въ области недостигаемаго на землѣ блаженства», а вѣчная истина?

Въ такомъ случаѣ, Александръ не «сумасшедшій», какъ это кажется автору.

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen.

«Кто хочетъ понять поэта, долженъ побывать въ землѣ поэта»,—совѣтуетъ Гёте. Можно бы этотъ совѣтъ расширить: кто хочетъ понять лицо историческое, долженъ побывать въ странѣ, гдѣ жило это лицо. Авторъ не понялъ Александра, потому что не бывалъ въ странѣ, гдѣ тотъ жилъ,—въ религіи. Нельзя судить о религіозномъ человѣкѣ, не зная, что такое религія.

Главная религіозная мысль Александра—христіанство, какъ правда не только личная, но и общественная; Евангеліе, какъ основа жизни не только человѣка, но и человѣчества. Онъ первый увидѣлъ съ неотразимою ясностью, до какой степени въ этомъ смыслѣ христіанство «не удалось»; до какой степени государственность и общественность такъ называемыхъ «христіанскихъ» народовъ вся насквозь не-христіанская, антихристіанская. Первый и единственный изъ государей не только въ Россіи, но и въ Европѣ, за два, за три послѣднихъ столѣтія, отнесся онъ безконечно-серьезно къ безконечно-серьезному, къ этимъ словамъ молитвы Господней: да пріидетъ царствіе Твое. Пусть неумѣло, неуклюже, необдуманно, непослѣдовательно, но все же искренне пытался онъ осуществить религіозную мысль, въ которую вѣрилъ: отреченіе отъ всякой власти человѣческой во имя власти Божьей—Боговластіе, Теократія—такова была безумная мечта его, въ самомъ дѣлѣ, безумная, если принять въ расчетъ условія исторической дѣйствительности. Онъ потянулся къ мечтѣ своей, какъ маленькія дѣти тянутся къ лунѣ. Вся его

политика—ставка на христіанство, какъ на силу міродержавную. Онъ проигралъ; но можетъ быть, лучше т а к ъ проиграть, чѣмъ п о - и н о м у выиграть.

Въ этомъ религіозная правда его, а религіозная ложь—въ томъ, что онъ связалъ дѣло религіи съ дѣломъ реакціи. Тутъ въ самой исходной точкѣ его религіи начало противорѣчій или, какъ выразился о немъ Пушкинъ, «противочувствій», начало двойственности, которая кажется двуличностью.

Недаромъ ликъ сей двуязыченъ;
Таковъ и былъ сей властелинъ:
Къ противочувствіямъ привыченъ,
Въ лицѣ и въ жизни арлекинъ.

(Пушкинъ—«Къ бюсту Александра I»).

Съ одной стороны, христіанство, какъ теократія, боговластіе, отрицаніе всѣхъ властей человѣческихъ во имя власти Божьей, т. е., величайшая революція; съ другой—тоже христіанство, какъ освященіе и оправданіе всѣхъ существующихъ порядковъ, всѣхъ «алтарей и престоловъ», хотя бы самыхъ безбожныхъ и кощунственныхъ, т. е., величайшая реакція. А если религія есть реакція, то революція есть антирелигія, антихристіанство, духъ революціонный—«духъ антихристовъ».

«Принципъ разрушенія привелъ къ революціи въ трехъ странахъ—(Испаніи, Португаліи, Неаполѣ)—и грозитъ распространиться по всей Европѣ,—пишетъ Александръ въ 1821 году князю А. Н. Голицыну.—Принципы разрушенія, какъ враги престоловъ, направлены еще были противъ христіанской религіи... Съ тѣхъ поръ, какъ они (революціонеры) убѣдились въ томъ, что правительства руководятся христіанствомъ, всѣ общества и секты, основанныя на антихристіанствѣ, на

философіи Вольтера и ему подобныхъ, поклялись отомстить правительствамъ... Вся адова преисподняя обрушилась на насъ».

Съ этой точки зрѣнія главное дѣло жизни его—борьба съ Наполеономъ есть тоже борьба съ духомъ революціоннымъ, духомъ антихристовымъ, потому что Наполеонъ—порожденіе этого духа, «звѣрь изъ бездны», чудовище, выброшенное океаномъ революціи.

Намъ теперь кажется безумной надежда спасти христіанство, подмѣнивъ волчій зубъ Марата и Робеспьера лисьимъ хвостомъ Талейрана и Меттерниха. Но намъ черезъ сто лѣтъ легко быть умными; люди вообще крѣпки заднимъ умомъ, особенно, въ дѣлахъ всемірно-историческихъ.

Не глупѣе нашего былъ современникъ Александра, графъ Жозефъ де-Местеръ: а вѣдь и онъ такъ же смѣшивалъ религію съ реакціей, такъ же видѣлъ въ революціи явленіе «духа сатанинскаго». И въ 30-хъ годахъ Карлейль, человѣкъ не только ума геніальнаго, но и ясновидѣнія пророческаго, высказывалъ почти тотъ же взглядъ на революцію. И въ 1848 году умнѣйшій изъ русскихъ славянофиловъ, Тютчевъ, говоритъ словами Александра: «революція, прежде всего, врагъ христіанства; антихристіанское настроеніе есть душа революціи».

Если все это — «духовно-политическій сумбуръ», то сумбуръ въ умѣ не только одного Александра, а всей Россіи, всей Европы. Да, и полно, мы, теперь поумнѣвшіе, такъ ли ужъ ясно и точно отдѣляемъ религію отъ реакціи? Не отъ этого ли «сумбура» и мы сейчасъ погибаемъ?

Объясненія реакціи, наступившей въ послѣдніе годы Александрова царствованія, ищутъ во внутреннемъ

душевномъ состояніи государя. Кажется, вѣрнѣе, наоборотъ: объясненія внутренняго душевнаго состоянія его искать въ наступившей реакціи, не русской, а общеевропейской, потому что русская—только отраженіе обще-европейской, только волна этого отлива всемірно-историческаго. Не Александръ поднялъ волну, а онъ самъ былъ поднятъ ею. Его трагедія не личная, а всечеловѣческая.

И надо удивляться не тому, что реакція овладѣла имъ, а тому, что она не потушила въ немъ свѣта религіозной правды окончательно. Вотъ одинъ изъ лучей этого неугасимаго свѣта.

Въ путешествіи по югу Россіи въ 1818 году сопровождалъ государя, въ числѣ другихъ лицъ свиты, статсъ-секретарь В. Р. Марченко. «Въ Кіевѣ, когда государь уже садился въ коляску, отправляясь въ дальнѣйшій путь къ Варшавѣ,—повѣствуетъ Марченко,—предстали передъ нимъ до 30 мужиковъ съ просьбой. Спѣша отъѣздомъ, государь приказалъ мнѣ переговорить съ ними, а самъ уѣхалъ. Это были посланные отъ молоканъ и духоборцевъ, которые поселены на Молочныхъ Водахъ, въ Таврической губерніи, между ногайцами и колонистами. Они жаловались на притѣсненія генералъ-губернатора, графа Ланжерона. По пріѣздѣ въ Варшаву, я доложилъ государю обо всемъ и представилъ опасенія мои насчетъ развитія вредныхъ правилъ духоборцевъ.

— «Я давно знаю о нихъ,—сказалъ государь,—и потому поселилъ ихъ между ногаями и нѣмцами: тамъ они не могутъ никого совратить. Ихъ ученіе вредно и опасно; но я не хочу порабощать совѣсть. Они отреклись признавать во мнѣ государя,—я имъ дозволилъ это,—только бы исполняли

обязанности гражданскія. Они отреклись присягать,— я велѣлъ брать съ нихъ одно честное слово»...

«Между тѣмъ бумаги, поступившія отъ графа Ланжерона, подтвердили, что онъ, по настоянію духовенства, дѣйствительно, хотѣлъ принудить духоборцевъ къ повиновенію церкви и государственнымъ постановленіямъ. Поэтому государь повелѣлъ сообщить Ланжерону, чтобы духовныя власти и земская полиція не вмѣшивалась въ дѣла духоборцевъ».

Судъ по дурному—неправедный и невѣчный судъ; вѣчный и праведный—только по хорошему. Если положить на одну чашку вѣсовъ всю реакцію Александрова царствованія, а на другую эти слова о свободѣ совѣсти, то еще неизвѣстно, какая изъ двухъ чашъ опустится.

Прошло почти сто лѣтъ, какъ слова эти сказаны, а то, что въ нихъ Россіи завѣщано, все еще не исполнилось. Давали, давали, а все-таки не дали такъ, какъ онъ хотѣлъ и могъ бы дать.

Для русскаго народа, религіознаго по преимуществу, свобода совѣсти—начало всѣхъ свободъ. Безъ освобожденія религіознаго нѣтъ Россіи путей съ освобожденію политическому. Александръ не началъ русскаго освобожденія религіознаго, потому что времена еще не наступили; но огненный языкъ откровенія, которымъ начинаются всѣ свободы — откровенія о свободѣ совѣсти—уже загорался надъ нимъ. Вотъ вѣчная слава его, вѣчный вѣнецъ, и вотъ за что добромъ помянетъ его русскій народъ.

И уже поминаетъ: легенда о Ѳедорѣ Кузьмичѣ—поминаніе народное. Какая нужна была любовь не къ

царю и герою, а къ человѣку, чтобы создать такую легенду, едва ли не прекраснѣйшую изъ всѣхъ легендъ за послѣдніе два-три вѣка русской исторіи!

Но авторъ «Изслѣдованія» проходитъ съ такой же нелюбовью мимо этой легенды, какъ мимо всей исторической правды объ Александрѣ.

«Въ серьезной исторической работѣ такія гипотезы лишь смущаютъ и могутъ порождать легенды, не имѣющія ничего общаго съ исторіей»,—замѣчаетъ онъ по поводу намековъ Шильдера на возможное тождество императора Александра I и старца Ѳедора Кузьмича. И приступая къ опроверженію легенды, заявляетъ: «мы вообще не признаемъ въ исторической наукѣ догадокъ и предположеній, которыя умѣстны развѣ въ романахъ, а предпочитаемъ опираться на факты, засвидѣтельствованные документами». Гдѣ же, однако, исторія, которая безъ догадокъ обходится? «Опытъ» самаго автора наполненъ догадками, и при томъ, весьма неудачными. Когда подсовываютъ намъ, вмѣсто живого человѣка, деревянную куклу, которая на ногахъ не стоитъ,—это вѣдь тоже легенда, и при томъ самая невѣроятная.

Легенды не исторія, какъ облака не горы; но иногда за легендой—высшая правда исторіи, какъ за облаками—вершины горъ. Душа народовъ—предметъ исторіи. Что̀ для души человѣка сновидѣнья, то для души народа легенды. Скажи мнѣ, что̀ тебѣ снится, и я скажу тебѣ, кто ты; скажи мнѣ, какія у тебя легенды, и я скажу тебѣ, какой ты народъ.

Тщетно доказываетъ авторъ то, чему явно противорѣчатъ всѣ документы,—что Александръ никогда не помышлялъ объ отреченіи отъ престола.

«Князь П. М. Волконскій полагаетъ, что покойно-

му государю дѣйствительно приходило на умъ отреченіе отъ престола,—сообщаетъ въ дневникѣ своемъ князь А. С. Меньшиковъ.—Ежели бы кончина императрицы Елисаветы Алексѣевны послѣдовала при жизни его, государь не только отрекся бы отъ царствованія, но въ состояніи былъ удалиться въ монастырь». Кажется, ясно, яснѣе нельзя. Почему же мы должны больше вѣрить «догадкамъ» автора, чѣмъ князю Волконскому. Вотъ одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда отрицаніе легенды само становится легендою.

Отвращеніе отъ власти, ужасъ передъ властью, какъ передъ грѣхомъ смертнымъ, жажда искупить этотъ грѣхъ великимъ страданіемъ, смиреніемъ, униженіемъ, подвигомъ,—такова религіозная мысль легенды о Ѳедорѣ Кузьмичѣ, о русскомъ царѣ, отъ царства отрекшемся и принявшемъ «рабій знакъ», «ушедшемъ въ народъ».

Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ,
За великое дѣло любви!

Это не «легенда», а вѣчная правда русской совѣсти. Тутъ сердцу Александра отвѣтило сердце народное: онъ такъ не сдѣлалъ, но могъ бы, долженъ бы сдѣлать такъ, какъ Ѳедоръ Кузьмичъ. Это—самое вѣчное, вѣрное, подлинное, что̀ есть у насъ у всѣхъ. И кто этого не знаетъ, не любитъ,—тотъ ничего не знаетъ, не любитъ въ Россіи.

«По разсказамъ старца (Ѳедора Кузьмича), его, какъ бродягу, на пути въ Сибирь подвергли тѣлесному наказанію розгами. Ну, неужели можно допустить, чтобы такой человѣкъ, какъ Императоръ Александръ, могъ

добровольно согласиться на публичное истязаніе?»— спрашиваетъ авторъ.

Русскій царь не могъ согласиться,—а Царь Небесный могъ? Но о Христѣ-то авторъ и забылъ. Пусть же вспомнитъ: можетъ быть, тогда и Александра лучше пойметъ.

Страшное дитя

I.

Священникъ К. М. Аггеевъ написалъ прекрасную книгу о Константинѣ Леонтьевѣ.

Почти всѣ, кто писалъ о немъ, мало знали его, потому что мало любили. Знаніе—любовь. Съ такой знающею любовью написана книга о. Аггева. И судъ его надъ Леонтьевымъ: «Христосъ ему остался невѣдомъ», —страшный судъ любви, одинъ изъ тѣхъ приговоровъ потомства, въ которыхъ чувствуется, что судъ человѣческій можетъ совпасть съ Божьимъ судомъ.

Всю жизнь шелъ ко Христу, исповѣдовалъ Его, говорилъ Ему: Господи! Господи!—былъ тайнымъ монахомъ, другомъ Амвросія Оптинскаго; изломалъ, искалѣчилъ, изнасиловалъ душу свою, проклялъ міръ во имя Христа —и все-таки не пришелъ къ Нему, даже ризы Его не коснулся, лица Его не увидѣлъ.

Почему? За что? Какъ это могло случиться? Отвѣтъ—книга о. Аггеева.

Книга написана не столько священникомъ, сколько человѣкомъ, о которомъ такъ и хочется сказать: вотъ подлинный Израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства. Нелукавый, немудрый, оказался мудрѣе лукава-

го, потому что, именно здѣсь, въ отношеніи своемъ ко Христу, Леонтьевъ бездонно-лукавъ, «нестерпимо-сложенъ», по своему собственному признанію. Можетъ быть, никогда вообще не было болѣе сложнаго, мудренаго, лукаваго христіанства, чѣмъ это. Непростота — вотъ, кажется, главное, что помѣшало ему подойти ко Христу.

Съ Богомъ лукавъ, а съ людьми правдивъ. Удивительно соединяется въ немъ эта неземная, нечеловѣческая ложь съ человѣческою правдою. Нестерпимо сложенъ внутри, нестерпимо простъ извнѣ. Едва ли найдется другой писатель менѣе способный лицемѣрить, казаться не тѣмъ, что онъ есть, скрывать свои самыя тайныя, страшныя мысли и чувства. Что на умѣ, то и на языкѣ. Человѣкъ послѣднихъ словъ, послѣднихъ правдъ. О чемъ люди говорятъ на ухо, онъ возвѣщаетъ съ кровель.

Кажется, за эту правдивость и полюбилъ его «подлинный Израильтянинъ, въ которомъ нѣтъ лукавства». И произнося надъ нимъ ужасный приговоръ, предчувствуетъ о. Аггеевъ, что на судѣ Божьемъ искупится личною правдою общественная ложь Леонтьева. Вѣдь не отъ себя, повторяю, и не для себя онъ лгалъ, а, какъ это ни страшно сказать,—для Бога. Отвѣтъ за него дадутъ тѣ, кто сдѣлалъ Духа истины—Духомъ лжи.

II

Любилъ и зналъ Ленотьева и В. Розановъ. Но любилъ неполною любовью, а потому и зналъ неполнымъ знаніемъ. Послѣдняя тайна Леонтьева—отпаденіе отъ Христа—осталась Розанову непонятною или была

имъ ложно понята. Любилъ для себя, сперва, какъ учителя, потомъ, какъ соумышленника въ нѣкоторомъ тоже лукавомъ—скажу прямо—к о в а р н о м ъ дѣлѣ. Христіанство Леонтьева—вода на противохристіанскую мельницу Розанова. Если о. Аггевъ любитъ Леонтьева за правду, то Розановъ—за ложь: онъ вѣдь и самъ бездонно-лукавъ, можетъ быть, лукавѣе Леонтьева, хотя подъ видомъ безконечной простоты и правдивости.

Какъ бы то ни было, Розановъ первый заговорилъ о немъ, какъ о великомъ писателѣ, и первый, указывая на его «почти полную нечитаемость», обратился къ русскому обществу съ тѣмъ упрекомъ, который потомъ не разъ повторялся: «прошелъ великій мужъ по Руси—и легъ въ могилу. Ни звука при немъ о немъ; карканьемъ воронъ встрѣченъ и провоженъ. И легъ, и умеръ въ отчаяніи».

Здѣсь повторяетъ ученикъ жалобу учителя, съ которой тотъ жилъ и умеръ: «мнѣ же, наконецъ, надоѣло быть гласомъ вопіющаго въ пустынѣ!»

Жалоба вѣрная и невѣрная. Вѣрно то, что нечитаемость Леонтьева—ошибка со стороны враговъ; со стороны же друзей—она слишкомъ понятна и не такъ велика, какъ можетъ казаться. Невѣрно, будто бы друзья не читали, не знали его; вѣрнѣе то, что не хотѣли знать, дѣлали видъ, что не знаютъ.

Участь всѣхъ Кассандръ—пророчествовать и не быть внимаемымъ, пока не совершатся пророчества. Леонтьевъ — Кассандра. . . . . .

. . . . . .

Онъ и самъ себя считаетъ пророкомъ. Но взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ: язва самолюбія писательскаго недостойна пророка. Не два вѣнца для одвой головы, а либо тернъ, либо лавръ.

Не читали его, не говорили о немъ; но молча дѣлали то, что онъ говорилъ, исполняли пророчества. Чего же больше? Не слова, а дѣла важны для учителя жизни. Слова не услышаны, зато дѣла сдѣланы.

Леонтьевъ сказалъ, Катковъ сдѣлалъ. Катковъ для Леонтьева «истинно великій человѣкъ». Онъ предлагалъ еще при жизни его воздвигнуть ему «мѣдную хвалу».

Главное величіе Каткова въ глазахъ Леонтьева то, что «для укрѣпленія русскаго государства не разбиралъ онъ средствъ: страхъ—такъ страхъ; насилье—такъ насилье; цензура—такъ цензура; висѣлица—такъ висѣлица... Онъ былъ похожъ на военачальника, который разбиваетъ самъ пулей голову одному, бьетъ кулакомъ по лицу другого, ругаетъ третьяго... Не щадилъ ни студентовъ, ни народъ, ни земство, ни общество и предпочиталъ к а з е н н у ю Россію, основательно, ибо даже и вѣра православная не только перешла къ намъ п о у к а з у Владиміра, но и въѣлась въ насъ, благодаря тому, что народъ з а г н а л и въ Днѣпръ».

Въ государствѣ—Катковъ, въ церкви—Побѣдоносцевъ. Все исполнилось, все исполняется.

«Въ Европѣ—гниль и смрадъ,—продолжаетъ Леонтьевъ пророчествовать. — Европейское всеблаженство—всепошлость. На кой намъ прахъ Европа? Богъ съ нею!—Прогрессъ—наихудшее зло, царство Антихриства.—Византизмъ—спасительный тормазъ прогресса. Византизмъ въ государствѣ значитъ—самодержавіе, въ церкви—православіе».

И опять исполнилось, исполняется.

Но почему же исполнители отъ самаго пророка отшатнулись въ ужасѣ?

Леонтьевъ глубокій мыслитель и никуда негодный

политикъ. Есть многое въ политикѣ, что можно дѣлать, и о чемъ нельзя говорить. Можно «бить кулакомъ по лицу», но нельзя кричать на всю Россію, на всю Европу, что въ кулакѣ—царство Божіе. Можно вѣшать, но нельзя говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшаннаго и провозглашать, что единственное начало русской государственности—висѣлица. Можно дѣлать изъ креста «казенную поклажу», но нельзя возвѣщать съ кровель, что сущность христіанства—«казенщина». . . . . .

. . . . . .

По французской поговоркѣ, бываютъ въ семьяхъ «страшныя дѣти», которыя говорятъ взрослымъ правду въ глаза. Леонтьевъ—страшное дитя русской политики. Человѣкъ послѣднихъ словъ, онъ сказалъ несказанное. Выдалъ тайну съ такой неосторожностью, что можетъ иногда и союзникамъ казаться предателемъ.

III

Религіозная сущность Россіи, по мнѣнію Леонтьева, заключается въ неразрывной связи самодержавія съ православіемъ. Православіе—«христіанство, дополненное и усовершенствованное», исправленное, какъ сказалъ бы Великій Инквизиторъ, есть «религія не любви и свободы, а страха и насилія».

Такъ опредѣляетъ основную посылку Леонтьева о. Аггеевъ и всею книгою своею доказываетъ, что это вѣрно.

Цвѣтъ православія—монашество; а въ монашествѣ утверждается полный разрывъ неба и земли. «Все на землѣ тлѣнно и преходяще. Земная жизнь, во

всей полнотѣ ея проявленій, есть зло. Христіанство обѣщаетъ истинное бытіе только на небѣ.—Презрѣніе плоти, признаніе за зло всей природы, всѣхъ естественныхъ влеченій и разума, аскетическое отреченіе отъ міра—вотъ истина православія».

Религіозное начало Западной Европы—«поклоненіе человѣку»—хуже, чѣмъ поклоненіе дьяволу. Богъ говоритъ человѣку: «Проклята земля въ дѣлахъ твоихъ.—Міръ во злѣ лежитъ». Не какая-либо часть міра, а весь міръ лежитъ во злѣ; не какая-либо часть земли, а вся земля проклята. «Все здѣшнее должно погибнуть.—Конецъ всему».

«На землѣ красота—все. Вся правда земной жизни на сторонѣ эстетики. Но христіанство вредитъ эстетикѣ. Слѣдовательно, христіанству мы должны помогать вопреки правдѣ». Вопреки правдѣ, вопреки совѣсти, разуму, всей человѣческой природѣ, «насильственно должны мы вѣрить въ Бога». Чѣмъ насильственнѣе, тѣмъ подлиннѣе вѣра. Предѣлъ вѣры—предѣлъ насилія.

Безконечное насиліе, «боль и скука, состояніе почти ежеминутнаго несноснаго понужденія», мученичество и мучительство, истязаніе себя и другихъ во славу Божью—«оно-то и есть,—заключаетъ Леонтьевъ,—настоящее монашество», цвѣтъ православія, «исправленнаго христіанства».

Теперь понятно, почему утверждается неразрывная связь самодержавія съ православіемъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Съ этой точки зрѣнія падаютъ всѣ обвиненія самовластія въ жестокости. Предѣлъ святости—предѣлъ жестокости. . . . . Святые подвижники возлагаютъ на себя желѣзныя вериги; святые народы—желѣзное самовластіе. Чѣмъ желѣзнѣе, тѣмъ святѣе. «Будешь пасти ихъ жезломъ желѣзнымъ», сказано въ Откровеніи. Самовластіе и есть этотъ жезлъ желѣзный, которымъ пасутся народы.

Что возразить Леонтьеву?

— «Вы слишкомъ православны!»—сказалъ ему однажды Страховъ съ глазу на глазъ. При другихъ не сказалъ бы. Ежели православіе—истина, то какъ можно быть «слишкомъ» въ истинѣ? Не слишкомъ,а до конца православенъ.

Но для среднихъ, «теплыхъ», подобныхъ Страхову, жгучее православіе Леонтьева — какъ раскаленное морозомъ желѣзо, на которомъ, если ухватиться за него рукою, остается кожа.

«Всему этому,—говоритъ онъ самъ,—я научился отъ православной церкви, отъ монастырей, въ которыхъ однихъ—истина».

Не додумался, а дострадался. Тутъ уже не Константинъ Леонтьевъ, а «братъ Константинъ», любимый ученикъ Амвросія Оптинскаго, принявшій тайный постригъ.

Не отъ себя, а отъ всего православнаго монашества, отъ лица всѣхъ святыхъ говоритъ онъ то, что говоритъ,—съ такимъ дерзновеніемъ, потому что увѣренъ, что всѣ святые за нимъ, и что онъ только досказываетъ недоказанное, доканчиваетъ недоконченное, доходитъ туда, куда идутъ всѣ.

Діалектика его неотразима. Разъ принята посылка:

Богъ противъ міра, міръ противъ Бога,—нельзя не сдѣлать выводовъ, которые онъ дѣлаетъ. Ходъ мысли—ходъ чугуннаго колеса по стальной рельсѣ: покатилось—докатится, а все, что на пути, сброситъ или смелетъ. Для того, чтобы сломать этотъ чугунъ, надо снова раскалить его на огнѣ; а иного огня, кромѣ того, на которомъ выковалъ Леонтьевъ свою діалектику, въ православіи нѣтъ, или о немъ еще никто не знаетъ.

IV

«Однажды ночью печаль моя о томъ, что всѣ люди должны погибнуть въ нынѣшнія времена, сдѣлалась такъ велика, что я не могъ уснуть ни на минуту и нѣсколько разъ вставалъ съ постели, затепливалъ свѣчи передъ иконами и молился со слезами на колѣняхъ. Тутъ мнѣ пришла на умъ мысль спасти сына своего отъ погибели вѣчной. Чтобы онъ послѣ смерти моей не развратился въ вѣрѣ, я рѣшилъ его зарѣзать. Услалъ жену изъ дому и сказалъ сыну:

— Встань, Гришенька! Надѣнь бѣлую рубаху, я на тебя полюбуюсь»...

Мальчикъ надѣлъ рубаху и легъ на лавку въ передній уголъ. Отецъ подложилъ ему шубку въ головы и, заворотивъ подолъ рубашки, нанесъ нѣсколько ударовъ ножемъ въ животъ. Мальчикъ забился. Тогда, желая прекратить его страданія, отецъ распоролъ ему животъ сверху до низу. Вдругъ первые лучи восходящаго солнца упали на лицо убитаго. Убійца выронилъ ножъ изъ рукъ и повалился передъ образомъ на колѣни, прося Бога принять милостиво новую жертву. Вошла жена и упала передъ мертвымъ сыномъ. Отецъ, поднявшись на ноги, сказалъ ей:

— «Ступай и объяви обо всемъ старостѣ. Я сдѣлалъ праздникъ святымъ».

Въ острогѣ, до рѣшенія дѣла, онъ уморилъ себя голодомъ.

Это о Куртинѣ, раскольникѣ Спасова согласія, разсказываетъ Леонтьевъ, стараясь опредѣлить «трагическое своеобразіе русской души».

«Ужасное проявленіе вѣры!—заключаетъ онъ.—Но ужасное или благотворное, это все же проявленіе вѣры. А безъ этой вѣры, куда обратится взоръ человѣка, полнаго ненависти къ инымъ бездушнымъ сторонамъ, современнаго европейскаго прогресса? Куда, какъ не къ Россіи, гдѣ, въ средѣ православія, еще возможны великіе святители, подобные Филарету?»

Великіе святители, великіе святые, подобные Амвросію Оптинскому, Серафиму Саровскому—рядомъ съ дѣтоубійцей Куртинымъ. У насъ, не святыхъ, волосы дыбомъ встаютъ.

«Не ужасайтесь, прошу васъ,—успокаиваетъ Леонтьевъ.—Въ Россіи много еще того, что зовутъ варварствомъ. И это наше счастье, а не горе. Національное своеобразіе дороже всего».

Съ одной стороны—«смрадная гниль Европы, а съ другой—благоуханный цвѣтъ монашества, «исправленнаго и дополненнаго христіанства», въ которомъ возможны такія явленія, какъ Филаретъ и Куртинъ.

Существуетъ ли связь между ними? Существуетъ,—отвѣчаетъ Леонтьевъ.

Филаретъ и Амвросій Оптинскій согласны, будто бы, съ нимъ, съ Леонтьевымъ, а онъ съ Куртинымъ—въ главномъ, именно въ томъ, что вся земля проклята, весь міръ во злѣ лежитъ—міръ противъ Бога, Богъ противъ міра.

«Амвросій Оптинскій болѣе сочувствовалъ сожженію Гоголемъ своихъ произведеній, чѣмъ писанію», замѣчаетъ Леонтьевъ. У Гоголя духовнѣе, утонченнѣе, внутреннѣе, но, въ послѣднемъ счетѣ, то же дѣтоубійство, тотъ же «праздикъ святымъ», что у Куртина. И Амвросій этому сочувствуетъ.

Богъ—страхъ. Богъ—гнѣвъ. Богъ—насиліе. «Признаніе Бога Богомъ любви—ложь». Не значитъ ли это: Христосъ—ложь?

Страшно безъ церкви, но еще страшнѣе повѣрить, что черный ликъ Спаса, предъ которымъ плаваетъ въ крови зарѣзанный сынъ Куртина и пылаютъ рукописи Гоголя,—ликъ Бога, а не Звѣря, Христа, а не Молоха. Вотъ ужасъ, отъ котораго у насъ, грѣшныхъ, волосы дыбомъ встаютъ.

«Розовое христіанство»—розовую дымку хочетъ сдернуть Леонтьевъ съ чернаго каменнаго лика, чтобы кровавое солнце отразилось на немъ ослѣпительно.

Надъ «розовымъ христіанствомъ» Достоевскаго издѣвается съ неутолимою злобою.

«Ученіе старца Зосимы ложное,—повторяетъ на тысячи ладовъ.—Въ Оптиной «Братьевъ Карамазовыхъ» правильнымъ православнымъ сочиненіемъ не признаютъ, и старецъ Засима ничуть на о. Амвросія не похожъ... Устами Зосимы говоритъ самъ Федоръ Михайловичъ. Не вѣрьте ему... Да и вообще Зосима ни какого изъ живыхъ, прежнихъ и нынѣшнихъ старцевъ не похожъ... Истинное монашество совершенно чуждо ложныхъ идей Достоевскаго». Т. е. чуждо идей о Богѣ любви.

И вотъ, наконецъ, послѣднее признаніе: не старецъ Зосима, а «Великій Инквизиторъ воплощаетъ положительную сторону христіанства».

Великій Инквизиторъ воплощаетъ религіозную сущность Россіи, неразрывную связь самодержавія съ православіемъ.—«Союзъ соціализма («грядущее рабство» Спенсера) съ русскимъ самодержавіемъ и пламенной мистикой—это возможно. Но ужъ жутко же будетъ многимъ! И Великому Инквизитору позволительно будетъ, вставши изъ гроба, показать тогда языкъ Фед. Мих. Достоевскому».—И всѣмъ вѣрующимъ въ не «исправленнаго», не «дополненнаго» Христа.

«Христіанство дополненное и усовершенствованное въ православіи», говоритъ Леонтьевъ.

«Мы исправили подвигъ Твой,—говоритъ Великій Инквизиторъ.—Ступай и не приходи болѣе. Мы не съ Тобой, а съ нимъ».

Съ кѣмъ? Знаетъ ли объ этомъ Леонтьевъ?

V

— «Не столько атеисты—враги Христа, сколько такія лица, какъ вы»,—сказала ему жена И. С. Аксакова.

Это голосъ міра. Но гдѣ же голосъ церкви?

«Пусть исповѣдующіе вѣру Леонтьева знаютъ, что они служатъ чему хотите,—но только не Господу Іисусу Христу». Что подсказало о. Аггеву этотъ приговоръ —православная вѣра священника или доброе сердце человѣка?

Главный вопросъ объ отношеніи церкви къ Леонтьеву остается безъ отвѣта. Неопровергнуто утвержденіе: «всему этому я научился у православной церкви, у монастырей, въ которыхъ однихъ истина».

Съ чрезмѣрною легкостью отлучаетъ о. Аггеевъ Леонтьева отъ церкви. Сама церковь этого не дѣлаетъ.

Почему? Вѣдь вотъ, несмотря на весь свой «параличъ», на всю свою нѣмоту, нашла она голосъ, чтобы отлучить Л. Толстого. А для Леонтьева, врага Христова, не находитъ. Почему же опять, почему? Именемъ Амвросія Оптинскаго, именемъ всѣхъ святыхъ совершается отреченіе Леонтьева отъ Христа—и Амвросій молчитъ, святые молчатъ, церковь молчитъ.

Мы вѣримъ: многое изъ того, что говоритъ Леонтьевъ о церкви, хуже, чѣмъ ложь,—обманъ; хуже, чѣмъ обманъ,—клевета. Святые святы и для насъ правдою о небѣ, личною святостью; но нѣтъ у нихъ правды о землѣ, святыни общественной, которой мы ищемъ. Тутъ сама святость—грѣхъ; тутъ исполняется пророчество: «другой придетъ во имя свое;—другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь».

Но никогда не скажутъ святые, подобно Леонтьеву: «мы не съ Тобой, а съ нимъ».

Леонтьевъ оклеветалъ церковь. Почему же клевета не опровергнута? Почему церковь молчитъ?

И есть ли предѣлъ молчанія, за которымъ церковь перестаетъ быть церковью? Въ книгѣ о. Аггеева человѣкъ видитъ этотъ предѣлъ; священникъ слѣпъ—не можетъ или не хочетъ видѣть.

Леонтьевъ, впрочемъ, не сдѣлалъ изъ собственныхъ посылокъ послѣдняго вывода; за него дѣлаетъ В. Розановъ, его ученикъ, и даже больше чѣмъ простой ученикъ,—духовный сынъ, тоже и, можетъ быть, еще болѣе «страшное дитя».

«Все теперешнее антихристіанство Розанова,—справедливо замѣчаетъ о. Аггеевъ,—прошло черезъ Леонтьева, и первый не можетъ быть понятъ безъ второго». Леонтьевское христіанство и розановское антихристіанство—одно.

«Евангеліе есть, дѣйствительно, сверхестественная книга, гдѣ переданъ разсказъ о Сверхестественномъ Существѣ,—говоритъ Розановъ.—Единственное и главное чудо, и притомъ уже совершенно безспорное, есть Онъ Самъ.—Іисусъ человѣкомъ не былъ. Но былъ ли Онъ—Мессія? Размышляющіе люди имѣютъ причину сомнѣваться о лицѣ Іисуса, какъ Мессіи».

Не человѣкъ и не Мессія,—кто же Онъ?

Ужасающій отвѣтъ ясенъ.

«Мы не съ Тобой, а съ нимъ, вотъ наша тайна».—Тайна, соединяющая Розанова съ Леонтьевымъ.

И все-таки, «все-таки,—заключаетъ Розановъ,—хочется все простить церкви, со всѣмъ примириться и умереть православнымъ». Это значитъ: хочется быть православнымъ безъ Христа, противъ Христа.

Хочется, но можно ли?

Можно ли утверждать неразрывную связь русской исторической власти съ русской исторической церковью, какъ религіозную сущность Россіи, подобно Леонтьеву, и спрашивать, подобно Розанову: «кто же Онъ?»

Да, можно ли?

Церковь безмолвствуетъ.

Земной Христосъ

I

. . . . . .

Что старообрядческій соборъ, на которомъ рѣшалась судьба епископа Михаила, прошелъ почти незамѣченнымъ,—слишкомъ понятно въ нынѣшнемъ обморочномъ состояніи русскаго общества.

Судьбы «старой вѣры» связаны со всѣми великими историческими судьбами Россіи за три вѣка. Никонъ, Алексѣй Михайловичъ, Петръ I, отношеніе православія къ самодержавію, русскаго Востока къ европейскому Западу—все вплетено въ этотъ живой, больной, кровавый узелъ. Да, три вѣка носитъ Россія подъ сердцемъ своимъ эту боль. А намъ скучно. «Предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвецовъ»,—вотъ нашъ единственный отвѣтъ на вопросъ все же не мертвыхъ, а живыхъ людей.

Вопросы религіозные вообще внѣ поля нашего зрѣнія. Говорятъ, будто бы, сейчасъ пробуждается вниманіе къ нимъ. Что-то плохо вѣрится. Развѣ только—въ отдѣльныхъ личностяхъ, но не въ обществѣ. По крайней мѣрѣ, всѣ попытки перенести религіозное вниманіе въ область общественную, донынѣ остаются безплодными.

Никто, конечно, не помнитъ, что̀ именно сказано

епископомъ Михаиломъ на старообрядческомъ соборѣ о какой-то «новой церкви», о какомъ-то новомъ «общественномъ христіанствѣ», о какомъ-то невѣдомомъ, непроповѣданномъ земномъ Христѣ. Слова необычайныя, неслыханныя, но никому ненужныя, непонятныя, какъ будто на вѣтеръ сказанныя. Даже не слова, а лепетъ, шепотъ, шелестъ гдѣ-то въ закоулкѣ, съ глазу на глазъ со слѣпыми и глухими начетчиками. Едва началъ говорить и умолкъ, какъ будто самъ испугался того, что хотѣлъ сказать.

Съ вопросомъ—объ отношеніи земли къ небу, плоти къ духу, человѣка къ Богу, родилось христіанство. Догматъ о Богочеловѣчествѣ утверждаетъ совершенное равенство плотскаго—духовному, земного—небесному, человѣческаго—божескому въ существѣ Христа. Но религіозный опытъ христіанства,—по преимуществу, монашеская, отшельническая, отъ земли отошедшая святость — не вмѣстилъ и не воплотилъ догмата: духовное возобладало надъ плотскимъ, небесное — надъ земнымъ, божеское—надъ человѣческимъ,—до совершеннаго поглощенія одного начала другимъ. Есть, конечно, и у церкви свое отношеніе къ міру; но тутъ уже не святость, а грѣхъ — измѣна церкви Христу, поклоненіе «князю міра сего» — въ лицѣ земного бога, кесаря, на Востокѣ, и земного бога, папы,—на Западѣ. Подлинная же святость—вся «не отъ міра сего».

Если бы довести до конца этотъ путь монашеской безплотности, безземности, безмірности, то величайшая религія жизни выродилась бы въ религію небытія—въ буддизмъ. Европейское человѣчество спасло себя отъ христіанскаго буддизма только отреченіемъ отъ самого христіанства, возрожденіемъ язычества, возстаніемъ плоти на духъ, земли на небо, человѣка на Бога. Какъ

же примирить, соединить ихъ снова, какъ «сдѣлать изъ обоихъ одно и разрушить стоящую посреди преграду», не только въ религіозномъ созерцаніи, въ догматѣ, но и въ религіозномъ дѣланіи, въ святости,—какъ свести христіанство съ неба на землю?—этотъ вопросъ теперь, въ концѣ, такъ же, какъ нѣкогда, въ началѣ христіанскихъ вѣковъ, есть вопросъ —быть или не быть самому христіанству.

Такъ вотъ, изъ какихъ глубинъ доносится шепотъ епископа Михаила о Христѣ Земномъ.

Конечно, не онъ первый заговорилъ объ этомъ. Вся русская мистика отъ Новикова и Лабзина до Влад. Соловьева и Достоевскаго, все русское сектантство, отъ хлыстовъ и скопцовъ до штундистовъ и духоборовъ, говорили или молчали,—потому что не умѣли сказать,—объ этомъ же. А если поглубже вглядѣться въ нашу «безбожную», революціонную общественность, то, можетъ быть, это и тамъ засвѣтится. Да, вся Россія—объ этомъ, только объ этомъ—о Христѣ Земномъ.

На религіозно-философскихъ собраніяхъ 1901 года поставленъ былъ впервые предъ лицомъ русской церкви съ полной догматической ясностью вопросъ объ отношеніи христіанства къ землѣ, къ плоти, къ міру, къ общественности. По мѣрѣ того, какъ событіе это уходитъ въ прошлое, оно растетъ. Наши церковники ждутъ собора и не дождутся; собора не будетъ,—онъ былъ: религіозно-философскія собранія были соборомъ.

Великое значеніе этого событія заключается въ томъ, что именно здѣсь, тоже впервые съ полною догматическою ясностью, обнаружилась не случайная, а необходимая, роковая безотвѣтность церкви на вопросъ, ей поставленный не двадцатью «совопросниками вѣка сего», а двадцатью вѣками самого христіанства.

Церковь не отвѣтила, потому что не могла не только отвѣтить, но даже услышать вопросъ.

«Монастыри строятся на прекрасныхъ мѣстахъ»,—вотъ, кажется, единственный отвѣтъ, котораго можно было добиться, единственное доказательство того, что христіанская святость не проклинаетъ, а благословляетъ міръ. Миссіонеръ Скворцовъ, соглядатай Побѣдоносцева, протопресвитеръ Янышевъ, епископъ Антонинъ, тогдашній викарій митрополита Антонія, епископъ Сергій, тогдашній ректоръ духовной академіи, архимандритъ Ѳеофанъ, суровый и безмолвный постникъ,—всѣ «отцы-пустынники» широко раскрытыми отъ удивленія глазами смотрѣли на буйныхъ дѣтей міра сего и недоумѣвали, недоумѣвали искренно, чего имъ нужно.

— Да нѣтъ же, нѣтъ! Что вы, помилуйте! Мы, хотя сами и ушли отъ міра, но вовсе не прокляли, а благословили міръ. Вѣдь, вотъ, не угодно ли, посмотрите, на какихъ живописныхъ мѣстахъ обители наши строятся!

Казалось, только растолковать, поговорить по душѣ,—и все разъяснится. Монахи смотрѣли на свѣтскихъ людей, какъ старая, добрая няня—на глупое дитя.

. . . . . .

. . . . . .

Однажды, въ бесѣдѣ съ епископомъ Сергіемъ случилось мнѣ напомнить ему разсказъ изъ житія святыхъ: какой-то ѳиваидскій отшельникъ первыхъ вѣковъ въ ново-построенной церковкѣ или часовенкѣ увидѣлъ колонны, хотя и грубо изъ глины вылѣпленныя, но все-таки слишкомъ стройныя, прямыя, напоминавшія древнее зодчество,—возмутился духомъ и, обвязавъ ихъ «вервіемъ», тянулъ изо всей силы, такъ, чтобы скривить, скосить, изуродовать: красота діаволу, уродство—Богу.

— На этихъ-то кривыхъ столбахъ и зиждется вся церковь, все отношеніе церкви къ міру, къ плоти, къ землѣ, Богу,—пытался я растолковать епископу.

Никогда не забуду того добраго и чуть-чуть насмѣшливаго взгляда умныхъ, милыхъ сѣрыхъ глазъ изъ-подъ золотыхъ очковъ, которыми посмотрѣлъ на меня владыка, вотъ именно какъ добрая, старая няня—на маленькаго-маленькаго мальчика. Не помню словъ, но смыслъ ихъ вѣчно памятенъ: смертная боль, смертный ужасъ, отъ которыхъ міръ погибаетъ, казались монаху дѣтской шалостью:

— Ну, ничего, не плачь, давай подую,—до свадьбы заживетъ.

Нѣтъ, не зажило и никогда не заживетъ.

На этихъ-то собраніяхъ и явился впервые теперешній старообрядческій епископъ, тогдашній православный архимандритъ Михаилъ. Ходили слухи, будто бы высшимъ церковнымъ начальствомъ онъ посланъ сюда, какъ новый боецъ, дабы «заградить уста нечестивымъ».

И онъ выступилъ съ великой ревностью: обличалъ, вопіялъ, называлъ главную религіозную идею собраній о Земномъ Христѣ, о Святой Плоти—«грѣхомъ содомскимъ», соблазномъ антихристовымъ.

Но не одолѣлъ соблазна, а самъ соблазнился. Чему посмѣялся, тому послужилъ. О чемъ тогда говорили,—онъ сейчасъ дѣлаетъ.

II

Недавно вышли два первыхъ номера журнала «Новая Земля», которымъ руководитъ епископъ Михаилъ. Литература, вообще, опасное орудіе для религіоз-

ной проповѣди: если «мысль изреченная есть ложь», то написанная—двойная, а напечатанная—тройная ложь. Къ тому же въ «Новой Землѣ» плохая литература. И не только отъ недостатка хорошей. Пусть бы на новорожденномъ младенцѣ были лохмотья, вмѣсто пеленокъ,—это еще не бѣда, а бѣда въ томъ, что самое тѣло младенца уродливо.

По вступительнымъ стихамъ г-жи Галиной о Донъ-Кихотѣ видно, что она—женщина добродѣтельная, но бездарная; а по выдержкамъ изъ драмы епископа Михаила, которыя онъ приводитъ въ своей статьѣ, видно, что ему не слѣдуетъ писать драмъ. Цитаты изъ Надсона рядомъ съ цитатами изъ Евангелія. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . можетъ быть, и не кощунство, но, несомнѣнно, дурной вкусъ. . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . Журналъ хочетъ быть народнымъ. Но почему же всякая попытка подойти къ народу запечатлѣна уродствомъ? Сила православной церкви въ томъ, что она сдѣлала красоту всенародной, чего не сумѣлъ донынѣ сдѣлать никто. Этому слѣдуетъ у нея учиться, а цитатами изъ Надсона православія не побѣдишь.

Но говорить объ ошибкахъ этихъ людей не хочется.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Не обличать, а предостеречь хотѣлось бы ихъ о грозящей опасности.

«Христіанство есть работа надъ переустройствомъ земли въ землю праведную... И всякое иное христіанство есть ложь,—говоритъ епископъ Михаилъ.—Искупленіе міра Христомъ—не прошло, а еще будущее дѣло. Міръ еще не спасенъ («Новая Земля»).—Искупленіе не было еще совершено на Голгоѳѣ, потому что оно должно было быть совершено самимъ облекшимся во Христа человѣчествомъ» («Двѣнадцать писемъ»).

Идея о несовершенномъ искупленіи двусмысленна. Не совершилось искупленіе. А воскресеніе тоже? Вѣдь, одно съ другимъ связано: нѣтъ одного,—нѣтъ другого. Но о воскресеніи онъ почти не думаетъ. Кажется иногда, что въ Голгоѳѣ, одной Голгоѳѣ безъ воскресенія, для него вся «благая вѣсть». Вѣритъ ли онъ въ воскресеніе? Конечно, вѣритъ. Но уже и то плохо, что объ этомъ приходится спрашивать; еще хуже то, что, если принять Голгоѳу такъ, какъ онъ ее принимаетъ, то непонятно, для чего нужно воскресеніе.

«Христосъ Голгоѳой, главнымъ образомъ, проповѣдывалъ ужасъ передъ страданіемъ... Христосъ умеръ, чтобы напугать людей,—утверждаетъ онъ и упорно къ этой мысли возвращается.—Христосъ бросилъ въ міръ кровь Свою, чтобы напугать людей и заставить начать искупленіе міра.—Радость враждебна Голгоѳѣ.—Христосъ не улыбался. Знаете ли вы, что Христосъ никогда не улыбался?—Христова мораль требуетъ, чтобы христіанинъ расширенными отъ ужаса глазами видѣлъ, прежде всего, зло»...

Но вотъ Христосъ воскресъ, и люди «обрадовались». А когда они обрадовались, то христіанство погибло: «ужаса» у Голгоѳы не стало. Радость воскресенія погубила христіанство. Улыбнулся міръ и отпалъ отъ Христа, потому что всякая улыбка, всякая «радость враждебна Голгоѳѣ,—Христосъ никогда не улыбался».

И въ самомъ дѣлѣ, если «Христосъ, главнымъ образомъ, проповѣдывалъ ужасъ»; если «Онъ умеръ, чтобы напугать людей», то воскресать Ему не слѣдовало. Воскресеніе уничтожаетъ Голгоѳу. Не воскресъ бы Онъ,—«напугалъ» бы больше; не обрадовались бы люди,—не погибло бы христіанство.

Можетъ быть, епископъ Михаилъ всего этого не думаетъ. Но какъ онъ думаетъ, мы не знаемъ, и, во всякомъ случаѣ, соблазнъ этихъ мыслей въ его словахъ.

«Христіанство Голгоѳское» требуетъ отъ каждаго христіанина совершеннаго повторенія Голгоѳы, безконечнаго «самораспятія», непрестаннаго ужаса, абсолютнаго страданія, безысходнаго, безнадежнаго. Всякая надежда—измѣна Христу. Но въ такомъ состояніи «самораспятія», если оно подлинное, какъ возможно не только что-нибудь длительное—искусство, наука, общественность,—но даже сонъ, ѣда, питье, хожденіе по улицамъ? Возможно одно—мгновенно сойти съ ума и умереть отъ ужаса. Такое самораспятіе—или самообманъ, или самоубійство.

И чѣмъ же это «новое христіанство» отличается отъ стараго? Развѣ только необузданной крайностью. И гдѣ тутъ благословеніе міра? Не благословеніе, а проклятіе.

«Эхъ, люди, люди, будьте вы всѣ прокляты»!—приводитъ сотрудникъ епископа Михаила, о. Іона Брех-

ничевъ слова одного самоубійцы и продолжаетъ ихъ словами Господа: «Идите отъ меня, проклятые, въ муку вѣчную!» Неужели же и голгоѳское распятіе—только величайшее изъ самораспятій-самоубійствъ?

И къ кому обращена эта проповѣдь? По собственному признанію епископа Михайла, человѣчество и безъ того уже «распято». Неужели же «самораспятіе»—на распятіе, Голгоѳа—на Голгоѳу, крестъ—на крестъ? Не много ли будетъ? Вѣдь, и такъ уже, опять таки по собственному признанію епископа Михаила, «около Христа—ни одного христіанина». Не потому ли, что девятнадцать вѣковъ «пугали» человѣчество крестомъ, какъ пугаломъ? А люди оказались безстрашнѣе, свободнѣе, чѣмъ думали пугавшіе. Нельзя спасать людей страхомъ, а можно только любовью, только свободой, какъ это и сдѣлалъ Христосъ.

Главная ошибка епископа Михаила одна: зло общественное онъ видитъ ясно; но зла мірового, космическаго, почти не видитъ или не хочетъ видѣть. А, между тѣмъ, послѣднее зло, источникъ всѣхъ человѣческихъ золъ,—*не въ людяхъ, а въ корнѣ вещей*. Всѣ человѣческія неправды, всѣ общественныя насилія только заслоняютъ, застятъ намъ эту неправду неправдъ, обиду обидъ, насиліе насилій—смерть. Всѣ страданія—только частицы, дроби смерти. Если бы люди уничтожили все человѣческое зло, не уничтоживъ смерти, то міръ былъ бы тотъ же «діаволовъ водевиль», какъ теперь,—хуже, чѣмъ теперь, потому что теперь мы все еще надѣемся, а тогда и надѣяться было бы не на что.

Побѣдить человѣческое зло можно лишь побѣдивъ космическое зло—смерть. Это и сдѣлалъ Христосъ не одной Голгоѳой, а Голгоѳой и воскресеніемъ —

«смертью смерть побѣдившемъ». Въ этомъ, и только въ этомъ смыслѣ, искупленіе уже совершилось, потому что совершилось воскресеніе. Міръ уже спасенъ. Какъ бы медленно ни вкисало тѣсто человѣчества, оно разъ навсегда заквашено закваской воскресенія. Дѣло начато, и его ничто не остановитъ.

Что мало одного искупленія бывшаго, что само человѣчество должно въ немъ участвовать, совершать изнутри себя,—въ этомъ, разумѣется, епископъ Михаилъ правъ. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

«Задачи христіанъ всѣ на землѣ, оставьте небо ангеламъ и воробьямъ!»—вотъ какъ понялъ его одинъ собесѣдникъ («Ищущіе Бога», А. С. Панкратовъ), пусть невѣрно, но слишкомъ легко понять его именно такъ. «Оставьте землю для неба»,—говоритъ старое христіанство. «Оставьте небо для земли»,—говоритъ новое. И второе горше перваго: если первое—все-таки религія, то второе—все что угодно, только не религія. Не въ отдѣленіи земли отъ неба, плоти отъ духа, человѣка отъ Бога, а въ ихъ соединеніи—будущее христіанство.

Іисуса распятаго и не воскресшаго примутъ въ наши дни съ легкостью, да и приняла уже давно русская революціонная общественность: вѣдь, вся она не что иное, какъ Голгоѳа безъ воскресенія, то именно христіанское «самораспятіе», самоубійство, котораго такъ жаждетъ епископъ Михаилъ.

Вотъ гдѣ для него самая страшная опасность: не соединеніе, а только смѣшеніе религіи съ революціей. Можно, вѣдь, и государственный Константиновъ лабарумъ: Симъ побѣдиши—перекроить на знамя ре-

волюціонное: «Оставимъ Его имя на нашихъ знаменахъ пока, для простого народа, а стереть всегда успѣемъ».

. . . . . .

. . Дѣлать религію орудіемъ какой бы то ни было политики, все равно—порабощающей или освобождающей, есть третье искушеніе дьявола: «Если падши поклонишься мнѣ, я дамъ Тебѣ всѣ царства міра».

Лучше все, лучше погибать, какъ мы сейчасъ погибаемъ,—только не это.

Этого ли хочетъ епископъ Михаилъ? Нѣтъ. Такъ чего же?

III

Да, чего онъ хочетъ?

Если слушать слова его, то какъ-будто ничего. Когда читаешь, думаешь: зачѣмъ онъ пишетъ?

Его нѣтъ въ словахъ. Но вотъ за словами—горящій духъ. И горитъ онъ именно тѣмъ, чѣмъ надо,—одною мыслью, однимъ чувствомъ, одной волей: Земной Христосъ.

Епископъ Михаилъ и тѣ, кто съ нимъ, похожи на людей, умирающихъ отъ жажды въ пустынѣ: слышатъ журчаніе воды подъ землею и роютъ землю,—и молятъ о помощи. Но никто не помогаетъ.

И не онъ одинъ,—сколько сейчасъ въ Россіи такихъ одинокихъ, умирающихъ отъ жажды. Другъ-друга не видятъ, не слышатъ, не знаютъ. Каждый думаетъ, что онъ одинъ. А рядомъ съ нимъ другой. Если бы соединились,—отрыли бы воду. Но не могутъ соединиться, потому что нѣтъ слова соединяющаго. . . . .

. . . . . .

Расколовшійся колоколъ

I

Царь-колоколъ самъ подымется и зазвонитъ въ день Страшнаго суда,—говорятъ люди «старой вѣры». Но такъ какъ православнымъ «старая вѣра» кажется не истинной, а Страшный судъ слишкомъ далекимъ, то два инженера, Подчиненовъ и Славяновъ, представили проектъ поднять царь-колоколъ, припаявъ къ нему отбитый кусокъ электричествомъ. Въ 1834 году, при Николаѣ I, велѣно было вытащить царь-колоколъ изъ ямы. Тогдашніе русскіе инженеры составили проектъ вырыть пологую дорожку и потомъ людьми или лошадьми докатить колоколъ до того мѣста, гдѣ онъ теперь находится. Но французъ Монферанъ, строитель Исаакіевскаго собора, написалъ на этихъ проектахъ: «неудобоисполнительно», и взамѣнъ составилъ свой—построить надъ ямою лѣса, вытащить колоколъ на цѣпяхъ, перекатить и поднять на подставки. Такъ и сдѣлали.

Эти свѣдѣнія о царѣ-колоколѣ «Колоколъ» сообщаетъ, не подозрѣвая, до чего они символичны.

— «Единеніе возможно только въ церкви.

— «А мы, признаться, побаиваемся церкви-то.

— «Какъ? Почему?

— «Да, по-нашему, больно хила она стала, какъ бы совсѣмъ не придавила. Вѣдь, не даромъ же Златоустъ пишетъ: чѣмъ вамъ въ старой храминѣ сидѣть, не лучше ли новенькую сдѣлать?.. Да и въ Апокалипсисѣ говорится, что все будетъ н о в о е... Такое, стало быть, ужъ время пришло. Весь народъ желаетъ новаго».

Это изъ бесѣды православнаго съ «бѣлоризцемъ», подслушанной А. С. Пругавинымъ («Религіозные отщепенцы»).

— «Надо собраться всѣмъ толкамъ,—заключаетъ бѣлоризецъ,—надо обдумать все... Разобрать: о т ч е г о у н а с ъ р а с к о л о л а с ь п о с у д а?»

Отчего раскололся царь-колоколъ?

Нѣкогда силою своею страшна была церковь воинствующая, которая отлучала и жгла на кострахъ; но съ тѣхъ поръ, какъ отдала она силу свою государству, изъ воинствующей сдѣлалась «торжествующей»,—страшнѣе силы слабость, хилость ветхой храмины: «какъ бы не придавила».

Оттого-то и колоколъ упалъ, раскололся, что пошатнулась храмина.

Кажется, правы люди «старой вѣры»: не вытащить его изъ ямы ни по какой пологой дорожкѣ, не припаять отбитый кусокъ никакимъ электричествомъ. «Неудобоисполнительно». Подымется самъ въ день Страшнаго суда. А теперь, если и начнутъ подымать, то опять упадетъ и разобьется.

II

Въ Уренскихъ лѣсахъ, за Ветлугою, въ маленькомъ старовѣрческомъ городкѣ Варнавинѣ на крутомъ, сполз-

зающемъ обрывѣ, о п о л з н ѣ, стоитъ незапамятно древняя церковь св. Варнавы. Дожди размываютъ оползень. Еще двѣ-три весны,—и церковь упадетъ въ Ветлугу. «Укрѣпить бы»,—думаютъ невѣрующіе. А вѣрующіе надѣются: «удержитъ батюшка Варнава». Ну, а если онъ ушелъ изъ церкви, то все равно свалится.

Такъ живетъ и вѣритъ вся Россія—и не укрѣпляетъ обрыва. Падаютъ послѣднія деревянныя церкви. А въ каменныхъ угодники не живутъ.

— «Навѣрно, ушелъ?

— «Богъ знаетъ. Подъ спудомъ святой. Хотѣлъ посмотрѣть одинъ попъ, да ослѣпъ. И другой ослѣпъ. Слѣпнутъ попы».

Каждый годъ въ храмовой праздникъ собираются богомольцы и ночью, въ темнотѣ, со свѣчами въ рукахъ ползутъ на колѣняхъ вокругъ церкви по скользкому оползню.

— «Держись къ сторонѣ, не разбивайся!»—кричитъ городовой. Городовые зорко смотрятъ, а «попы слѣпнутъ». Но полицейскіе окрики никого не удержатъ, ничего не спасутъ: ползущіе продолжаютъ ползти, не замѣчая, что гнилыя стѣны шатаются, оползень движется,—вотъ-вотъ все вмѣстѣ «ухнетъ».

III

О «ползущихъ» разсказано въ недавно вышедшей книгѣ М. М. Пришвина: «У стѣнъ града невидимаго» (Москва, 1909).

Почти всѣ донынѣ бывшіе изслѣдователи русскаго раскола, сектантства къ религіозной жизни народа подходили со стороны общественной, политической, эко-

номической, т. е., въ послѣднемъ счетѣ, извнѣ. Подходили, но не вошли. Чего стоитъ чужая религіозная жизнь, не знаетъ человѣкъ, самъ ею никогда не жившій. Вотъ почему отъ народныхъ вѣрованій остаются лишь «суевѣрія». . . . . .

. . . . . .

Пришвинъ думаетъ, что и онъ—какъ всѣ, что и для него народныя вѣрованія—«лишь этнографическія цѣнности». Но стоитъ заглянуть въ книгу, чтобы убѣдиться, что это не такъ.

Зашелъ въ лѣсную глушь. Стучится подъ окошкомъ избы и побаивается. Старикъ, черный и крѣпкій, какъ дубъ, пролежавшій сто лѣтъ въ болотѣ, отворяетъ.

— «Откулешній? Зачѣмъ?

— «Ищу правильную вѣру.

— «Входи».

Пришвину кажется, что онъ обманываетъ народъ; но не народъ, а себя онъ обманываетъ. Съ нимъ происходитъ то же, что съ однимъ героемъ Достоевскаго: «когда вѣритъ, то не вѣритъ, что вѣритъ». Но если даже, дѣйствительно, не вѣритъ, то ищетъ вѣры, а этого для народа достаточно.

— Вы кто?—спросилъ я однажды тѣхъ самыхъ «немолякъ», которыхъ посѣтилъ и Пришвинъ.

— Мы ищущіе,—отвѣтили мнѣ.

Всѣ русскіе сектанты-раскольники, отколовшіеся отъ церкви —отбитый кусокъ царя-колокола —могли бы сказать о себѣ: мы—«ищущіе».

— «Все, значитъ, правильную вѣру выискиваютъ,— говорилъ симбирскій извозчикъ Пругавину.—Которые побогаче, тѣ по разнымъ святымъ и другимъ прочимъ мѣстамъ ходили. Все, стало быть, пытали: какая вѣра

самая правильная?.. Другіе, можетъ, весь вольный свѣтъ насквозь прошли. Все искавши вѣры.

— «Ну, и что же, выискали?

— «А выискали, что безъ церкви никакъ невозможно... Невозможно, стало быть, спастись безъ церкви».

Вотъ народная боль.

— «Я не вѣрю, какъ они,—говоритъ Пришвинъ,—но угадываю, почти чувствую эту народную боль по единой церкви».

Если такъ, то онъ не обманываетъ народъ; если у него съ народомъ одна боль, то и одно исцѣленіе. Во всякомъ случаѣ, съ этою болью никогда никто изъ «интеллигентовъ» не подходилъ къ народу. Это—новое, небывалое «хожденіе въ народъ».

Но недаромъ и не отъ излишней скромности прибавляетъ онъ—п о ч т и: почти чувствую народную боль. Въ этомъ «почти» та пропасть, которая все еще отдѣляетъ народъ отъ «интеллигенціи».

— «Какой ты вѣры? Какая у васъ тамъ вѣра?

— «Я крещенъ православнымъ.

— «А вѣришь какъ?

«Вѣрю?.. Тамъ, въ городѣ, въ моей каменной квартирѣ, никто не спроситъ, во что я вѣрю. З д ѣ с ь н е л ь з я б е з ъ э т о г о.

— «У насъ, дѣдушка, вѣрятъ всѣ по-разному.

— «По-раз-но-му! Слышь? По-разному... Ахъ, вы горькіе, горькіе!»

Мы привыкли жалѣть народъ; но, вотъ, оказывается, что и мы народу жалки. Въ одномъ чемъ-то главномъ мы для него темнѣе, блѣднѣе, голоднѣе, «горше», чѣмъ онъ самъ. Больные тою же болѣзнью, но уже боли не чувствуемъ въ безпамятствѣ.

Какъ бы ни смирялся передъ народомъ прежній «интеллигентъ», непреклонную самоувѣренность сохранилъ онъ въ одномъ: такъ какъ Бога нѣтъ, то всѣ народныя вѣрованія—суевѣрія, этнографическія цѣнности. Но вотъ больной очнулся и чувствуетъ или почти чувствуетъ боль: «здѣсь нельзя безъ этого» —безъ вѣры соединяющей, безъ единой церкви. Безъ этого здѣсь нельзя ничего, а съ этимъ все можно.

— Откулешній? Зачѣмъ?

— Ищу правильную вѣру.

— Входи.

Вотъ «Сезамъ, отворись» для народной души, запертой отъ «интеллигентовъ» семью замками желѣзной двери.

— «Съ мужиками, вообще, принято говорить о нуждѣ и землицѣ,—замѣчаетъ Пришвинъ.—Народъ слушаетъ господскіе разговоры и не довѣряетъ. Ему кажется, что «землица»—не Божья земля, а тѣ проклятыя три десятины на душу, которыя выкинутъ ему, какъ подачку голодной собакѣ. «Народъ безмолвствуетъ». Желѣзная дверь запирается. Но, вотъ,—«ищу вѣры», «Сезамъ, отворись»—и дверь настежь.

Богъ на землѣ, земля въ Богѣ. Власть земли—власть Божья. Бога безземнаго не приметъ народъ, такъ же, какъ земли безбожной. Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ. «Вся воля и вся земля народу»—значитъ: воля Божья на Божьей землѣ. Вотъ чего интеллигенція не хочетъ или не можетъ понять. А, не понявъ этого, сколько ни «ходи въ народъ»,—не войдешь.

«27-го іюня 1880 года пермскій окружный судъ производилъ врачебное освидѣтельствованіе умственныхъ способностей крестьянина Кантаурова, принадлежавша-

го къ сектѣ бѣгуновъ, или странниковъ». («Религ. отщ.»).

— «Это кто же антихристъ?—спрашиваетъ членъ суда.

— «Кто законъ нарушилъ, тотъ и антихристъ.

— «Развѣ власть нарушила законъ?

— «Нарушила. Потому, какъ закономъ до 1861 года предоставлено намъ пользоваться всѣми землями, покосами, полями и угодьями и не нести за сіе повинности,—такъ было сказано; а она нарушила. Потому, какъ Богъ далъ землю всѣмъ безъ пошлинъ и безъ налоговъ».

Это и значитъ: ни земля безъ Бога, ни Богъ безъ земли.

Исканіе Бога—исканіе Града Невидимаго, который долженъ сдѣлаться видимымъ,—новымъ устроеніемъ земли. Вопросъ о Богѣ—вопросъ о землѣ.

Утолить сначала тѣлесный голодъ, а потомъ духовный? Нѣтъ, не сначала и потомъ, а вмѣстѣ. Нельзя утолить душу, не утоливъ тѣла. Не два, а одинъ голодъ; не два, а одно утоленіе.

Вотъ чего интеллигенція не хочетъ или не можетъ понять. «Ахъ, вы горькіе, горькіе!» Не только судьямъ своимъ, но и намъ, интеллигентамъ, Кантауровъ, со своими рѣчами объ антихристѣ, какъ нарушителѣ какого-то небывалаго закона: «Богъ далъ землю всѣмъ», —кажется сумасшедшимъ.

IV

«Причина моего путешествія въ страну раскольниковъ и сектантовъ—слышанные мною диспуты на ре-

лигіозно-философскихъ собраніяхъ въ Петербургѣ,—говоритъ Пришвинъ.—Есть вѣчные вопросы, которые не очень зависятъ отъ образованія и внѣшнихъ различій между людьми. Что останется отъ всего слышаннаго мной, если я провѣрю его въ бесѣдѣ съ мудрыми лѣсными старцами?»

Къ удивленію своему, встрѣтился онъ и тамъ, въ лѣсахъ, съ «религіозно-философскими собраніями».

«Немоляки», «ищущіе»—знакомы съ однимъ писателемъ, участниковъ этихъ собраній. Приносятъ книги, истрепанный, зачитанный журналъ «Новый Путь», съ помарками, съ отмѣтками, спрашиваютъ о всѣхъ членахъ религіозно-философскаго общества. Слушаю ихъ и думаю: какіе-то тайные подземные пути соединяютъ этихъ лѣсныхъ «немолякъ» съ тѣми, культурными. Будто тамъ и тутъ д в а о б н а ж е н і я о д н о й п е р в о н а ч а л ь н о й г о р н о й п о р о д ы.

— «Кланяйся ты имъ,—просятъ меня на прощанье. —Скажи: Дмитрій Ивановичъ кланяется со всѣмъ своимъ согласіемъ.

— «И духа не унимайте,—проситъ Андрей Андреевичъ.

— «Пожалуйста, духа не унимайте,—говоритъ Алексѣй Ларіоновичъ».

«Богоискатели» интеллигентскіе, «богоискатели» народные. Что между этими «двумя обнаженіями одной горной породы», двумя остріями одной цѣпи—пропасть,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Сомнѣніе можетъ быть въ томъ, существуетъ ли между ними связь.

Не слѣдуетъ себя обманывать: если и существуетъ, то пока очень далекая. Нѣтъ химическаго соединенія, есть только сродство. Всего больше соеди-

ненію мѣшаетъ одно свойство интеллигентскихъ «богоисканій».

Когда, въ нынѣшнемъ году, въ религіозно-философскомъ обществѣ назначенъ былъ докладъ о свободѣ совѣсти, слушатели собирались вяло, нехотя; на всѣхъ лицахъ была одна мысль: «Опять о политикѣ! Скучно, устали, довольно». А на докладъ о теософіи валомъ валили, легко, жадно, радостно, какъ будто этого только и ждали. Вопросъ о свободѣ совѣсти слишкомъ дѣйственный, къ чему-то обязывающій. А теософія хороша именно тѣмъ, что она ни къ чему не обязываетъ,—анестезируетъ, убаюкиваетъ въ отвлеченности. Теософскія рѣчи слушаются, какъ пѣніе Шаляпина. А этого-то намъ и нужно. Все, что угодно,—только бы не мѣнять ничего въ жизни, ни за что не отвѣчать. И, главное, не пробуждаться отъ смертнаго сна, въ которомъ не чувствуешь боли. Сонныя мухи ищутъ смерти; а теософія—та сахарная бумажка, которая обѣщаетъ сладкую смерть.

Прежде, когда мы говорили «о нуждѣ и землицѣ», то забывали Бога; теперь, когда говоримъ о Богѣ,—забываетъ «нужду и землицу». Или Богъ безъ земли, или земля безъ Бога, т. е. какъ-разъ обратно народу, для котораго вопросъ о землѣ и о Богѣ—одинъ вопросъ.

Освобожденіемъ политическимъ болѣетъ интеллигенція, и этой боли не чувствовать мы можемъ только въ смертномъ снѣ. Но освобожденіе религіозное все еще остается непонятнымъ; «духа не унимайте», эта мольба народа—неуслышанной.

Вопросъ о свободѣ совѣсти для насъ—вчерашнее блюдо политики, а для народа—насущный хлѣбъ, во-

просъ жизни и смерти,—то ослабленіе петли на шеѣ, которое позволяетъ не задохнуться.

V

— «Какъ у васъ тутъ послѣ закона о свободѣ совѣсти?

— «Слава Тебѣ, Господи,—перекрестился старикъ двумя пальцами.—Теперь вездѣ, по всѣмъ церквамъ звонъ... Вездѣ колокола. Церкви новыя строятъ...»

Ползущіе вокругъ старой Варнавинской церкви замѣтили вдругъ, что оползень шевелится,—встали на ноги и бѣгутъ, спасаются. Вотъ кто «бѣгуны или странники».

Архіерей старообрядческій, котораго раньше возили по ночамъ на возу подъ рогожами, теперь ѣдетъ при солнечномъ свѣтѣ, въ мантіи съ лиловыми кантами, съ вереницей священниковъ и колокольнымъ звономъ. А православный батюшка, читатель «Колокола», негодуетъ: «новая церковь, совершенно такая же, какъ и до-петровская, съ правами, но почти безъ обязанностей къ государству—страшный врагъ господствующей церкви—растетъ со дня на день».

Тридцать лѣтъ просидѣлъ Пётрушко въ ямѣ, скрываясь отъ антихриста. Семь ямъ въ лѣсу вырылъ нѣкій христолюбецъ. Чуть что, бывало, сейчасъ въ лѣсъ и перейдетъ въ иную яму. Вѣсть о свободѣ дошла, наконецъ, и до ямъ: вылѣзъ Пётрушко и построилъ себѣ келью поверхъ земли. А сосѣдъ продолжаетъ сидѣть въ ямѣ.

— «Что же онъ не выходитъ?

— «Боится, не вѣритъ, говоритъ: законъ перевёрнется.

— «И очень просто, что перевёрнется»,—замѣчаетъ кто-то.

Если Кантауровъ не сумѣетъ отвѣтить на вопросъ: «кто антихристъ?»—а мы, интеллигенты, будемъ попрежнему валомъ валить на теософію, какъ на Шаляпина,—то, конечно, «перевѣрнется».

Для насъ—гдѣ религія, тамъ уже не политика, а гдѣ политика, тамъ уже не религія.

— «Самая страшная вѣра—политика»,—говоритъ бывалая баба Татьянушка на Свѣтломъ озерѣ, у самыхъ стѣнъ Китежа-града невидимаго.

— «Политика, извѣстное дѣло, всего страшнѣе»,—соглашается урядникъ.

И подъ большимъ секретомъ сообщаетъ: «на всякій случай казаки заготовлены».

Тутъ же, на Свѣтломъ озерѣ—православная часовня, гдѣ батюшка-миссіонеръ, тоже, вѣроятно, читатель «Колокола», проповѣдуетъ трехперстное сложеніе; слушатели «щелкаютъ подсолнухи, сплевываютъ на святую землю, кое-гдѣ курятъ». И на всѣхъ холмахъ—«люди въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами».

Городовые града видимаго—противъ искателей Града Невидимаго.

«Есть ли у этой секты какое-либо систематическое изложеніе своего ученія,—епархіальному начальству неизвѣстно,—сообщаетъ Пругавинъ изъ переписки пермскаго духовнаго вѣдомства съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1878 году о «бѣгунахъ, или странникахъ» («Религ. отщ.»). Положительно же извѣстно только то, что секта эта не признаетъ ни-

какой власти, на томъ ложномъ основаніи, что въ мірѣ царствуетъ антихристъ, и что какъ власть духовная, такъ и свѣтская суть слуги антихриста».

Вотъ почему «самая страшная вѣра—политика».

VI

Борьба за освобожденіе политическое, хотя не окончилась, но прекратилась наверху; а тамъ, внизу, все еще продолжается, можетъ быть, сейчасъ грознѣе, чѣмъ когда-либо, борьба за освобожденіе религіозное. Наверху—тишина или мертвая зыбь; а внизу, въ глубинахъ своихъ, народное море кипитъ на какомъ-то подземномъ огнѣ. Стоитъ приглядѣться къ этому кипѣнію, чтобы повѣрить въ возможность, неизбѣжность русской реформаціи. «Больше всего доставляютъ счастія эти мгновенныя открытія, мгновенные полеты отъ какихъ-нибудь костромскихъ мужиковъ къ Лютеру»,—замѣчаетъ Пришвинъ.

«Немоляки» выкидываютъ изъ божницъ иконы и рубятъ ихъ на дрова.

— «Не беззаботой дались мнѣ эти дрова!—сказалъ сектантъ и отдернулъ рукой занавѣску божницы.

«Красный уголъ крестьянской избы глянулъ на насъ, какъ пустой гробъ изъ размытой могилы».

«Немоляки» противоположны «бѣгунамъ» и «странникамъ»: у этихъ—освобожденіе внѣшнее, стремленіе отъ Града Невидимаго къ видимому, отъ духа къ плоти; у тѣхъ—свобода вся ушла внутрь, изъ плоти въ духъ. И утвержденіе духа достигаетъ, повидимому, чудовищныхъ крайностей.

— «Помремъ, какъ собаки, какъ свиньи, какъ тара-

каны, какъ всякіе гады!»—споря съ баптистами, кричатъ немоляки въ мрачномъ восторгѣ.

Этотъ восторгъ отрицанія народнаго отъ интеллигентскаго: «я вѣрю, что Бога нѣтъ», отдѣляетъ к а к ъ б у д т о одинъ волосокъ, а на самомъ дѣлѣ, пропасть.

Тутъ чего-то главнаго не понялъ Пришвинъ. Онъ впрочемъ, и самъ сознаетъ: «есть какой-то недоступный мнѣ смыслъ въ ихъ словахъ». Не понялъ, потому что все-таки «почти», а не совсѣмъ «чувствуетъ народную боль по единой церкви».

Сколько силъ отняло освобожденіе внутреннее, что на внѣшнее уже не хватаетъ силъ.

— «Подати платите?

— «Платимъ.

— «Въ солдатахъ служите?

— «Служимъ.

— «Если заставятъ повѣсить невиннаго человѣка?

— «Повѣсимъ. Потому—отдай богово богови, кесарево кесареви. Это не мы повѣсимъ, а наши руки, по чужому приказу.

— «Но гдѣ же вы-то сами?

— «Мы въ себѣ...»

«Освобожденное и нелѣпое я», — справедливо заключаетъ Пришвинъ.

Освобожденное «я» отпало отъ неосвобожденнаго народа,—плоть отъ духа, воля отъ мысли, рука отъ сердца. Рука противъ сердца вѣшаетъ. Но не можетъ долго длиться нелѣпость; не можетъ человѣкъ долго радоваться своей и чужой «тараканьей смерти»: сегодня вѣшаетъ, а завтра устанетъ—перестанетъ.

— «Онъ плоти маленько прихватываетъ—вспоми-

наютъ «немоляки» о знакомомъ писателѣ.—Пишетъ: Христа нужно во плоти разумѣть.

— «А вы?

— «А мы пишемъ: по духу. Онъ гнетъ къ себѣ, а мы его къ намъ перетягиваемъ».

Но еще неизвѣстно, кто кого перетянетъ.

Зачѣмъ нуженъ Христосъ во плоти? А вотъ зачѣмъ: чтобы плоть не отпадала отъ духа, рука отъ сердца; чтобы сидящіе въ ямахъ знали, что законъ не «перевѣрнется»; чтобы «люди въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами» перестали плевать на святую землю; чтобы Невидимый Градъ сталъ видимымъ.

Этого «немоляки» еще не понимаютъ, но, вотъ-вотъ, поймутъ. . . . . .

. . . . . .

— «Пишетъ онъ,—продолжаютъ вспоминать,—что нельзя все по духу разумѣть: Христосъ,—учитъ,—воистину воскресъ во плоти.

— «Такъ же, какъ и баптисты?

— «Нѣтъ, у него свое. Онъ притчами говоритъ; загорится,—говоритъ,—пожаръ на всю землю. И вѣрно, сбывается,—загорается.

— «Какой пожаръ?»

Отвѣтъ непонятенъ Пришвину: надо не п о ч т и, а с о в с ѣ м ъ, чтобы понять.

«Сбывается, загорается?»—Нѣтъ. Только тогда, когда богоискатели интеллигентскіе вмѣстѣ съ народомъ поймутъ, что ни Богъ безъ земли, ни земля безъ Бога,—тогда сбудется, загорится тотъ огонь, который спаяетъ расколовшійся колоколъ.

Два отреченія

«Разъ онъ влѣзъ на лѣсенку, чтобы показать непонимающему обойщику, какъ онъ хочетъ драпировать,—оступился и упалъ, но, какъ сильный и ловкій человѣкъ, удержался, только бокомъ стукнулся о ручку рамы. Ушибъ поболѣлъ, но скоро прошелъ». Въ домѣ Ивана Ильича все шло попрежнему. «Всѣ были здоровы. Нельзя было назвать нездоровьемъ то, что Иванъ Ильичъ говорилъ иногда, что у него странный вкусъ во рту и что-то неловко въ лѣвой сторонѣ живота. Но случилось, что неловкость эта стала увеличиваться и переходить не въ боль еще, но въ сознаніе тяжести постоянной въ боку и въ дурное расположеніе духа... Ухудшеніе шло такъ равномѣрно, что онъ могъ себя обманывать, сравнивая одинъ день съ другимъ,—разницы было мало. Но когда онъ совѣтовался съ докторами, тогда ему казалось, что идетъ къ худшему, и очень быстро даже... Боль въ боку все томила, все какъ-будто усиливалась, становилась постояннѣе... Нельзя было себя обманывать: что-то страшное, новое и такое значительное, что значительнѣе никогда въ жизни не было съ Иваномъ Ильичемъ, совершалось въ немъ».

Нѣчто подобное совершается сейчасъ въ Россіи: постоянно усиливающаяся, глухая боль около одной точки—въ сторонѣ церкви.

Вѣдь, съ этого все началось: 9-го января 1905 года крестнымъ ходомъ со священникомъ Гапономъ, не «добрымъ пастыремъ», а волкомъ въ овечьей шкурѣ, но все-таки православнымъ священникомъ,—все началось. Крестнымъ ходомъ пошла Россія къ освобожденію,—иначе не пошла бы.

Объ этомъ всѣ забыли, какъ Иванъ Ильичъ забылъ о своемъ паденіи съ лѣсенки и ударѣ «лѣвымъ бокомъ о ручку рамы». Ушибъ поболѣлъ и прошелъ. Политика заслонила религію, переворотъ государственный—переворотъ церковный, какъ суета жизни заслонила для Ивана Ильича его болѣзнь. Но не надолго: ушибленное мѣсто опять заболѣло, и эта боль все въ той же точкѣ, около церкви. И, кажется, близокъ часъ, когда нельзя будетъ себя обманывать: всѣ поймутъ, что «что-то страшное, новое и такое значительное, что значительнѣе никогда не было» въ жизни Россіи,—совершается.

Мы стараемся свести вопросъ церковный къ вопросу политическому; но тщетно: вопросъ политическій сводится къ вопросу церковному. Русское общество говоритъ: отъ политики—къ религіи; русская жизнь говоритъ: отъ религіи—къ политикѣ. Подобно Ивану Ильичу, мы себя убѣждаемъ: я боленъ, потому что все меня разстраиваетъ; и подобно Ивану Ильичу, убѣждаемся: все меня разстраиваетъ, потому что я боленъ.

Нѣтъ, ушибъ не прошелъ, не пройдетъ. Отъ Гапона—къ Иліодору, а отъ Иліодора—къ кому, къ чему?

. . . . . .
. . . . . Хорошо это или дурно, хотимъ ли мы этого, или не хотимъ, но политика безъ религіи не дается намъ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли сравнить церковное затишье конца прошлаго вѣка съ тѣмъ, что происходитъ сейчасъ? Тогда русская церковь была какъ сосудъ, запечатанный печатью Соломоновой, въ которомъ заключенъ былъ нѣкій грозный духъ; а Соломономъ-заклинателемъ былъ Побѣдоносцевъ. «Только не трогайте, не распечатывайте!»—предостерегалъ онъ, и мы теперь видимъ, до какой степени онъ былъ правъ. Распечатали, и вышелъ изъ сосуда грозный духъ и зашаталъ горами. Вызвали духа и не умѣемъ съ нимъ справиться.

Это, какъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ: «Нѣкоторые изъ скитающихся іудейскихъ заклинателей стали употреблять надъ имѣющими злыхъ духовъ имя Господа Іисуса, говоря: «Заклинаемъ васъ Іисусомъ, котораго Павелъ проповѣдуетъ». Но злой духъ сказалъ въ отвѣтъ: «Іисуса знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ, а вы кто?». И бросился на нихъ человѣкъ, въ которомъ былъ злой духъ, и, одолѣвъ ихъ, взялъ надъ ними такую силу, что они, нагіе и избитые, выбѣжали изъ того дома».

Церковь, у насъ, какъ бѣльмо на глазу. Забыли Гапона,—возникъ Гермогенъ съ Иліодоромъ; забыли ихъ, — выскочилъ Распутинъ; забыли Распутина, — а тутъ опять Иліодоръ, и выборы духовенства въ четвертую Думу, и Никонъ кременецкій, и соборъ, и патріаршество. За все XIX столѣтіе, не говоря уже о XVIII, не бывало ничего подобнаго. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

«19-го ноября, въ день своего ангела, я сѣлъ за столъ, взялъ листъ бумаги и написалъ въ Св. Синодъ отреченіе... Православная Россія! Отрекаюсь отъ вѣры твоей, отъ церкви твоей и архіереевъ твоихъ... Во свидѣтельство сего я разрѣзаю руку свою, беру кровь свою и ею расписываюсь: Иліодоръ».

Много сейчасъ говорятъ объ Иліодорѣ, слишкомъ много; безчисленные газетчики жуютъ его, какъ повседневную жвачку,—пожуютъ и ничего не останется.

«Люди бываютъ славны, поскольку въ нихъ есть матеріалъ для славы, какъ дерево горитъ, поскольку въ немъ есть матеріалъ для горѣнія» (Гёте). Слава—горѣніе человѣка. Только очень рѣдкіе горятъ звѣздами; остальные вспыхиваютъ искрами. Иліодоръ — не звѣзда, а искра. Сегодня помнятъ его, завтра забудутъ, и ничего не останется. Кажется, онъ это и самъ знаетъ.

«Дѣти мои возлюбленныя! Знаю, что почти всѣ вы отречетесь отъ меня»...

Но предвидѣлъ ли онъ это, когда многотысячныя толпы шли за нимъ, и когда онъ мечталъ, что пойдетъ за нимъ вся Россія? И что жъ это за народъ, который отъ одного начальническаго окрика измѣняетъ своему пророку? Призрачный вождь призрачнаго воинства: достаточно бюрократическому вѣтерку дохнуть, синодальному пѣтуху прокричать, чтобы все разсѣялось.

Народъ измѣнилъ пророку, «народъ безмолвствуетъ», и церковь тоже. Синодъ сдѣлалъ свое дѣло, и сколько бы ни отрекался Иліодоръ отъ архіереевъ, отъ церкви, отъ христіанства, отъ Христа, отъ Бога,—Синодъ этимъ не смутится. Однимъ монахомъ больше, однимъ меньше,—никому отъ этого ни тепло, ни холодно. А для монаха лишеніе сана—лишеніе всего. Ряса не

одежда, а кожа. Снять рясу—снять кожу. Но какъ истончилась, износилась эта кожа,—едва держится, сама слѣзаетъ. Вчера православный монахъ, сегодня «безбожный интеллигентъ». Однимъ интеллигентомъ больше,—намъ, вѣдь, отъ этого тоже ни тепло, ни холодно.

Иліодоръ мечталъ соединить религію съ политикой. Но какъ въ искусствѣ всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго, такъ въ политикѣ—кромѣ глупаго.

Между православіемъ и самодержавіемъ Иліодоръ заблудился, какъ между двухъ сосенъ. «Богъ и царь, царь отъ Бога»,—въ этомъ была вся его религія, вся политика. Теперь, когда потрясена или разрушена первая часть исповѣданія («отрекаюсь отъ Христа, какъ отъ Бога»), что будетъ со второй,—какой выводъ сдѣлаетъ онъ изъ своей теперешней религіи для политики? Никакого. Небо рухнуло, а земля не шелохнулась. Онъ думалъ, что его политика изъ религіи; но, кажется, наоборотъ: его религія изъ политики. Теперь только обнаружилось то, что было всегда. Отреченіе Иліодора есть обнаженіе его подлинной религіозной сущности.

«Царь для народа помазанникъ Божій,—говоритъ онъ («Правда объ іером. Иліодорѣ». И. Л., подъ редакц. Плетнева. Москва, 1911 г.).—Вспомните Грознаго: онъ вѣшалъ людей, уничтожалъ цѣлые города... и все-таки народъ оставался вѣренъ ему...

— «Что прикажешь дѣлать съ евреями?—спросили однажды царя въ Новгородѣ.

— «Крестить.

— «А какъ, добровольно или по принужденію?

— «Добровольно,—отвѣтилъ царь.—А кто не захочетъ,—топить въ Волховѣ».

«Защита вѣры только тогда дѣйствительна, когда она оканчивается гибелью враговъ... Нужно выбирать между исповѣданіемъ вѣры и смертью враговъ... Заповѣдь: «не убій» ошибочно понимается, какъ запрещеніе всякаго убійства... Православная церковь толкуетъ ее очень широко... Церковь и государство не могутъ остановиться передъ смертною казнью»...

Даже «безбожному интеллигенту» ясно, что нельзя утверждать такой политики, не отрекшись отъ Христа, отъ Бога въ сердцѣ своемъ. То, что произошло нѣкогда въ сердцѣ Иліодора, теперь происходитъ и въ сознаніи, въ умѣ его. Онъ отъ Христа не отрекается, потому что никогда со Христомъ не былъ. Остался тамъ, гдѣ былъ.

Но теперь, по крайней мѣрѣ нѣтъ Бога, нѣтъ лжи и нѣтъ кощунства. Если бы тѣ, кто съ нимъ, послѣдовали его примѣру, можно бы только радоваться. Тайное сдѣлалось явнымъ. Для того, чтобы утверждать такую политику, какую они утверждаютъ, надо отъ Христа отречься.

Недавно Д. Философовъ сравнилъ Иліодора съ Булгаковымъ и нашелъ въ нихъ много общаго, несмотря, разумѣется, на большое различіе въ умѣ, въ образованіи, въ «личной годности». П. Струве возмутился этимъ сравненіемъ и попытался доказать, что никакой необходимой религіозной связи между православіемъ и «черной реакціей» не существуетъ. Кажется, впрочемъ, самого Струве занимаетъ и волнуетъ не столько религіозная, сколько политическая сторона вопроса. Вотъ именно тутъ, въ самой жгучей точкѣ современной русской политики,—въ отношеніи къ «смутѣ»,—совпаденіе

Иліодора съ Булгаковымъ такъ явно, что надо ослѣпнуть, чтобы этого не видѣть.

Въ той же книгѣ «Правда объ іером. Иліодорѣ» сообщается:

«О. Иліодоръ въ своихъ проповѣдяхъ очень часто касается этого тяжелаго для Россіи (революціоннаго) времени. Онъ говоритъ:

— «То движеніе, которое подняли враги Царя, съ самаго начала было осуждено на смерть, потому что оно **не во имя Бога, а во имя сатаны**... Вся революція была основана на грубомъ себялюбіи и удовлетвореніи плоти... Грань между экспропріаціей, грабежомъ и воровствомъ стерлась, и люди, претендовавшіе на званіе народныхъ героевъ, смѣшались съ кучей самыхъ обыкновенныхъ мошенниковъ и разбойниковъ»...

Не одинъ Булгаковъ, но и всѣ православные интеллигенты, «вѣховцы» могли бы подписаться подъ этими словами. Россія—«бѣсноватый», русскіе люди—«стадо свиней», въ которое вошли «бѣсы», и которое бросается съ крутизны въ море,—этотъ символъ Достоевскаго для Булгакова, исчерпывающій символъ. Подобно Иліодору, не проводитъ онъ никакой черты, раздѣляющей между святымъ и грѣшнымъ, божескимъ и бѣсовскимъ въ русскомъ освобожденіи; для него, такъ же, какъ для Иліодора, не какая-либо часть бывшаго, а **все оно сплошь**—«во имя сатаны». Булгаковъ уменъ, тонокъ, образованъ; Иліодоръ безтолковъ, грубъ, идейно-безграмотенъ. Булгаковъ идетъ къ церкви, Иліодоръ уходитъ изъ нея,—тѣмъ болѣе поразительна ихъ встрѣча.

«Мы разговорились съ однимъ изъ интеллигентныхъ батюшекъ,—говоритъ Булгаковъ въ своей статьѣ

«На выборахъ» («Русск. Мысль», ноябрь 1912 г.),—онъ нарисовалъ мнѣ тяжелую, удручающую картину духовнаго состоянія деревни... Самымъ значительнымъ фактомъ жизни современной деревни является, по его разсказу, разложеніе старыхъ устоевъ,—религіи, семьи, нравственности, быта, особенно же поразителенъ ростъ атеизма среди деревенской молодежи... Здѣсь обнаруживается прямое вліяніе интеллигентскаго нигилизма; въ деревнѣ обращаются книги агитаціоннаго содержанія, безграмотная наша деревня узнаетъ имена Ницше и Маркса, Ренана и Фейербаха... Батюшка разсказывалъ мнѣ о хулиганскихъ выходкахъ въ церкви, о злобномъ кощунствѣ. Въ Россіи не было и нѣтъ культуры внѣ религіи, и съ разрушеніемъ ея остается варварство... Черная волна отчаянія и ужаса за Россію подымалась въ душѣ моей... Россія гніетъ заживо... Она глубоко отравлена смертоноснымъ ядомъ, и ядъ этотъ—нигилизмъ... Интеллигенція, слѣдуя за своими учителями, вѣритъ въ «духъ разрушенія, какъ духъ созидающій», она изъ революціи создала для себя религію, и мы уже видимъ эту религію въ дѣйствіи. («Люди, претендовавшіе на званіе народныхъ героевъ, смѣшались съ кучей обыкновенныхъ мошенниковъ и разбойниковъ», по Иліодору). Да, «святая Русь»—мистическая реальность Россіи, ее видѣли и осязали ея пророки,—заключаетъ Булгаковъ,—но и это россійское хамство, въ которомъ мы задыхаемся, есть тоже мистическая реальность Россіи. И какъ же оно соединяется съ другимъ, какъ одно отдѣляется отъ другого?»

— «Ничего не вижу, вижу какія-то свиныя рыла вмѣсто лицъ, а больше ничего»...

«Свиныя рыла» тѣхъ «бѣсовъ», которые вошли въ русское освобожденіе.

Два отреченія: отреченіе Булгакова и прочихъ православныхъ интеллигентовъ отъ интеллигенціи, отъ революціи, и отреченіе Иліодора отъ православія. Булгакову, такъ же какъ Иліодору, кажется, что его политика—изъ религіи; но у обоихъ одинаково—религія изъ политики. Поворотная точка въ столь противоположныхъ религіозныхъ судьбахъ обоихъ—освобожденіе. Лицо «святой Руси» въ православіи и лицо «бѣса» въ освобожденіи,—«какъ же одно соединяется съ другимъ, какъ одно отдѣляется отъ другого?»—вотъ вопросъ, передъ которымъ оба одинаково безпомощны. Оба смѣшиваютъ бѣсноватаго съ Тѣмъ, Кто изгоняетъ бѣсовъ; оба говорятъ: въ этомъ Человѣкѣ—бѣсъ. Но въ хулѣ на Духа оба неповинны, потому что сами не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, на Кого произносятъ хулу.

Можетъ быть, Булгаковъ и прочіе православные интеллигенты, отрекаясь отъ революціи, въ тайнѣ совѣсти чувствуютъ, что въ русскомъ освобожденіи не все «во имя сатаны»; но ни однимъ словомъ не обмолвились они, чтобы дать это понять.

«Нѣтъ труднѣе задачи, какъ съ умомъ и совѣстью быть политически-правымъ, имѣя даже самую правую идеологію!»—восклицаетъ Булгаковъ. Что значитъ этотъ крикъ «отчаянія и ужаса» не только за Россію, но и за себя самого? Не то ли именно, что̀ разумѣлъ Философовъ, сравнивая Булгакова съ Иліодоромъ: человѣку съ религіознымъ сознаніемъ и съ религіозною совѣстью нельзя, оставаясь въ православіи, не видѣть, что оно связано съ «черной реакціей?» Ужъ если это Иліодоръ почти увидѣлъ, то какъ же не видѣть Булгакову?

Я не знаю, что̀ думаетъ онъ самъ о своемъ совпа-

деніи съ Иліодоромъ и такъ же ли, какъ Струве, возмущенъ статьей Философова. Но, кажется, возмущеніе Струве неосновательно, не метафизично и не религіозно. Между нимъ и Булгаковымъ мало общаго въ отношеніи къ религіи вообще и къ православію въ частности.

Православіе для Струве не столько религіозная, сколько культурная и политическая цѣнность,—предпосылка «Великой Россіи». Онъ понимаетъ, что безъ внѣшняго церковнаго общенія не обойтись государству; но для него самого, какъ для идеалиста чистѣйшей воды, церковь—явленіе того «богоматеріализма» (выраженіе Вл. Соловьева), который кажется ему кощунственнымъ. «Царствіе Божіе внутри васъ»,—вотъ все, что онъ можетъ взять изъ христіанства. Это—основаніе для протестантскихъ или сектантскихъ общинъ, но не для церкви. Отъ религіознаго идеализма къ религіозному реализму у Струве нѣтъ путей.

Можетъ быть, у него нехватило бы духа сдѣлать религію орудіемъ политики, церковь—подножіемъ «Великой Россіи» съ тѣмъ откровеннымъ цинизмомъ, съ которымъ это дѣлаютъ нигилисты-политики «стараго порядка». Но, во всякомъ случаѣ, такое положеніе относительно религіи двумысленно и недостойно человѣка, для котораго религія хотя бы только «дѣло личной совѣсти».

Ложное соединеніе Струве съ Булгаковымъ ничего не можетъ породить, кромѣ безчисленныхъ недоразумѣній и вреда для обоихъ. Что же, однако, соединяетъ ихъ?

Оба они—бывшіе марксисты, созидатели той самой революціонной идеологіи, которая теперь одному кажется безсмысленной, а другому «бѣсовскою». Не ис-

повѣданіе православія, а отреченіе отъ революціи—вотъ что соединяетъ ихъ. Не общая любовь, а ненависть. Гнѣвъ Струве на Философова, праведный или неправедный, есть не что иное, какъ скрытая боль, скрытая тяжесть этого отреченія.

«Чему посмѣялся, тому поработаешь»,—это тяжело; но еще тяжелѣе смѣяться тому, чему поработалъ. Струве и Булгаковъ—слишкомъ благородные люди, чтобы назвать ихъ «отступниками» въ иномъ смыслѣ, чѣмъ благороднѣйшаго изъ римскихъ кесарей Флавія Клавдія Юліана. Но даже въ этомъ смыслѣ тяжело быть отступникомъ.

Вотъ откуда боль, вотъ откуда гнѣвъ.

У Иліодора есть одно удивительное признаніе: «революціи безъ Бога не страшны». Не страшны, потому что невозможны въ Россіи. Ну, а съ Богомъ страшны? съ Богомъ возможны? Иліодоръ надъ этимъ вопросомъ не задумался. Булгаковъ тоже. А между тѣмъ дальнѣйшія религіозныя судьбы обоихъ только и можетъ рѣшить отвѣтъ на вопросъ: освобожденіе Россіи безъ Бога не удалось; не удастся ли съ Богомъ?

Два отреченія, Иліодора и Булгакова,—два крика одной боли—религіозной боли всей Россіи.

Религіозное народничество

— Вы вѣрите въ Бога?

— Не вѣрю.

— А все-таки во что-то вѣрите?

— Можетъ быть... да... нѣтъ... не знаю.

— Никогда объ этомъ не думали?

— Не думалъ.

— Какъ же такъ: вѣрить и не знать, во что вѣришь? Ну, сдѣлайте же усилье, подумайте.

— Ахъ, отстаньте, ради Бога! И безъ того тошно, а тутъ еще вы съ вашею вѣрою.

Вотъ разговоръ съ невѣрующимъ религіознымъ человѣкомъ нашихъ дней,—съ русскимъ, въ особенности. Что невѣрующіе люди могутъ быть религіозными,—это явленіе такое общее, что стоитъ на него указать, чтобы сдѣлать видимымъ. Но и обратно: вѣрующіе или какъ будто вѣрующіе могутъ быть не религіозными,—это въ наши дни явленіе столь же общее. Между вѣрою и ея обнаруженіемъ, исповѣданіемъ, сознаніемъ—какая-то преграда неодолимая. Видно, что человѣкъ вѣритъ, а во что̀,—не видно. Вѣра не хочетъ быть видимой, не хочетъ быть сознанной. Вѣра безъ

слова, безъ имени. «Отъ избытка сердца уста говорятъ», такъ было; а теперь—молчатъ.

Вѣра въ душахъ человѣческихъ свѣтитъ, какъ пламя лампады сквозь занавѣсъ. Таинственная занавѣсь; святые покровы, заповѣдные. Не человѣкомъ наложены, не человѣкомъ и снимутся. А пока не снимаются,—снимать не должно. Молчаніе для вѣры тоже, что защищающій занавѣсъ для пламени, а слово—что вѣтеръ; слабое пламя вѣтромъ гасится, сильное,—сильнѣе раздувается. Не должно снимать завѣсу до времени; но, кажется, время близко, когда пламя обнажится.

Вотъ какія мысли внушаетъ книга В. Богучарскаго «Активное народничество семидесятыхъ годовъ». Книга замѣчательная, хотя и мало замѣченная, даже не прочитанная, какъ слѣдуетъ, можетъ быть, отчасти, по винѣ автора.

Чтобы ясно изобразить, надо видѣть ясно. А онъ видитъ неясно, потому что смотритъ на вещи не прямо, не лицомъ къ лицу, а сбоку; сбоку или даже сзади, за спиной у него что-то мелькаетъ, маячитъ огромное, и онъ самъ не знаетъ, что это, марево или дѣйствительность.

«Активное народничество» значитъ революціонное. Но по тайному смыслу книги можно бы ее озаглавить полнѣе: «Революціонное и религіозное народничество». Соединеніе этихъ двухъ словъ: революція и религія,—все еще рѣжетъ ухо, кажется противуестественнымъ. Но что соединеніе возможно, что оно неизбѣжно, доказываетъ книга Богучарскаго. Оно-то и есть то огромное, за спиной у автора стоящее, мелькающее, маячащее, неясное и неотразимое, что дѣлаетъ книгу его знаменьемъ времени.

— «Крещенъ въ православіи, но православіе отрицаю, хотя сущность ученія Іисуса Христа признаю... Я вѣрю въ истинность этого вѣроученія и торжественно признаю, что вѣра безъ дѣлъ мертва и что всякій истинный христіанинъ долженъ бороться за правду, за права угнетенныхъ и слабыхъ и, если нужно, то за нихъ и пострадать. Такова моя вѣра»,—отвѣчалъ глава народовольцевъ, Желябовъ на предложенный ему предсѣдателемъ суда въ 1881 году вопросъ о вѣроисповѣданіи.

Надъ этими словами никто не задумался. А между тѣмъ, они не на вѣтеръ сказаны. Говорившій заплатилъ за нихъ жизнью и вѣдь ужъ, конечно, зналъ, что̀ говоритъ, что̀ дѣлаетъ; зналъ какой соблазнъ въ имени Христа,—и не отрекся отъ него, не испугался того, что такъ пугаетъ насъ,—общаго мѣста: «религія есть реакція». Захотѣлъ соединить революцію съ религіей. Да, никто надъ этимъ не задумался. А казалось бы, стоило.

Что религія—скрытая теплота народничества, еще яснѣе видно по другому вождю народничества, А. Д. Михайлову.

«Религіознымъ въ формальномъ смыслѣ слова онъ не былъ, но имѣлъ какую-то особую подкладку въ міросозерцаніи, которая очень приближалась къ религіи»,—пишетъ лицо, близко знавшее Михайлова.

— «Богъ—это правда, любовь, и я въ этомъ смыслѣ съ чистой совѣстью говорю о Богѣ, въ котораго вѣрю».

— «Но все-таки,—спрашивали его,—что̀ такое Справедливость, Любовь и т. д.? Есть ли это нѣчто личное, нѣкоторое Существо, или отвлеченный принципъ?

«Не помню, что-бы онъ давалъ на это вполнѣ рѣ-

шительный отвѣтъ. У него была какая-то идея,—смутная для постороннихъ, потому что онъ мало говорилъ объ этомъ,—что идеалы соціальной революціи должны создать новую религію».

Новая религія или новое пониманіе христіанства, новое имя Христа. «Имя Мое новое».

Не потому ли такъ трудно, почти невозможно сейчасъ исповѣданіе, что старое имя украдено, а новое еще не дано? Не дано, но таится въ сердцахъ человѣческихъ, какъ огонь въ кремнѣ. Ударъ желѣза выбьетъ огонь изъ кремня. Такой ударъ—освобожденіе. Не это ли и значитъ: «соціальная революція должна создать новую религію?»

Книга Богучарскаго всего драгоцѣннѣе тѣмъ, что въ этомъ «историческомъ изслѣдованіи» самъ историкъ слишкомъ похожъ на своихъ героевъ, чтобы оставаться только историкомъ.

Историкъ похожъ на своихъ героевъ, потому что онъ такой же вѣрующій и религіозный человѣкъ, какъ они. Огня въ этой книгѣ не видно нигдѣ, но всюду чувствуется скрытая теплота.

Главная ошибка автора въ томъ, что онъ смѣшиваетъ, какъ это всегда дѣлается при недостаточной ясности сознанія, начало религіозное съ нравственнымъ. «Характерная особенность народничества—его высоко-моральная основа». Нѣтъ, не моральная, а религіозная. Въ русскомъ народничествѣ, какъ во всѣхъ подлинныхъ религіозныхъ явленіяхъ, не религія вытекаетъ изъ нравственности, а наоборотъ, нравственность изъ религіи. Религія глубже, чѣмъ нравственность. Не потому люди вѣрятъ во что-то, что дѣлаютъ что-то, а потому что вѣрятъ,—дѣлаютъ.

Вся историческая часть книги (тоже очень цѣн-

ная) вскрываетъ эту религіозную основу народничества, общую, будто-бы, по мнѣнію автора, со славянофильствомъ, а на самомъ дѣлѣ, глубоко отъ него отличную, не количественно, а качественно, не по силѣ религіознаго горѣнія, а по химическому составу огня.

Революціонную недвижность, бездѣйственность славянофиловъ въ противоположность революціонной дѣйственности, взрывчатости народниковъ Богучарскій отмѣчаетъ совершенно правильно. Но выводъ дѣлаетъ неправильный или недостаточный: «если здѣсь (въ народничествѣ) не было того религіозно-философскаго углубленія, которое отличало славянофиловъ, то было другое,—дѣйствованіе во имя *той же* вѣры въ народъ». Нѣтъ, во имя *иной* вѣры. «Народники, заключаетъ авторъ,—были людьми во всякомъ случаѣ не менѣе ихъ (славянофиловъ) религіозные». Да, не менѣе, можетъ быть, и болѣе. Но вопросъ не въ томъ,—*а такъ же* ли эти, какъ тѣ, или *иначе* религіозны,—вотъ въ чемъ вопросъ. Богучарскій объ этомъ не думаетъ; но стоитъ подумать, чтобы отвѣтить: иначе. Иное качество, иная категорія, иной лучъ религіознаго спектра. Иное имя Христа, не ветхое, а новое: «*Имя Мое новое*».

По плодамъ славянофильства и народничества, мы узнаемъ, что это не двѣ расходящіяся вѣтви на одномъ деревѣ, а два разныя дерева.

«Государство, какъ государство, есть ложь»,—говоритъ Константинъ Аксаковъ. Аксаковъ «вмѣстѣ со своими друзьями (Хомяковымъ и братьями Кирѣевскими) былъ врагомъ петербургскаго государства и вообще государственности и въ этомъ отношеніи даже опередилъ меня»,—говоритъ Бакунинъ. «Если взять положеніе Аксакова само по себѣ—ложь лежитъ не въ той

или иной формѣ государства, а въ самомъ государствѣ,—то развѣ не подписались бы обѣими руками подъ этимъ положеніемъ и Бакунинъ и Крапоткинъ?»—спрашиваетъ авторъ. Отвѣчая на этотъ вопросъ утвердительно, мы не должны забывать, что подобныя сближенія обманчивы, какъ сближенія двухъ параллельныхъ линій, которыя никогда не сойдутся, хотя и проходятъ въ одной плоскости.

А что плоскость славянофильства и народничества одинаково религіозная, въ этомъ нельзя не убѣдиться, читая книгу Богучарскаго. «Вѣра, чисто религіозная вѣра въ живущій въ массахъ «духъ творческаго разрушенія», а отсюда и вѣра въ преобразованіе міра путемъ соціальной революціи, такова основная черта всего душевнаго склада Бакунина»,—заключаетъ авторъ. «Нужна глубокая, страстная, можно сказать, религіозная вѣра»,—пишетъ самъ Бакунинъ, излагая свой символъ вѣры («Государство и Анархія»), и по поводу Мадзини, говоритъ прямо о своей религіи: «моя религія—не менѣе глубокая и не менѣе чистая, чѣмъ его, Мадзини».

Богучарскій правъ, когда изъ своихъ историческихъ изслѣдованій народничества 70-хъ годовъ дѣлаетъ выводъ: «то былъ, при всей его безрелигіозности въ обычномъ смыслѣ слова, типъ глубочайшимъ образомъ религіозный, только перенесшій всѣ свои чувства с ъ н е б е с ъ н а з е м л ю». Въ этомъ-то перенесеніи религіознаго чувства съ неба на землю и заключается иное религіозное начало, иная религіозная категорія, иной лучъ религіознаго спектра въ народничествѣ, по сравненію со славянофильствомъ. Этой-то качественной разницы авторъ и не видитъ или видитъ не съ достаточной ясностью.

Религіозная основа народничества вскрывается не только положительно, но и отрицательно. Всякая неясность, невѣрность религіознаго чувства отражаются такою же невѣрностью революціоннаго дѣйствія. Умственно-безпомощнымъ и нравственно-безудержнымъ дѣлаетъ его не что̀ иное, какъ именно слабость, смутность религіознаго сознанія.

«Во имя освобожденія политическаго,—говоритъ Бакунинъ,—мы хотимъ прежде всего окончательнаго разрушенія государства, хотимъ искорененія всякой государственности со всѣми ея церковными, политическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями».

Если этимъ начинается, то чѣмъ же окончится?

«Не хлопочите о наукѣ,—обращается онъ въ одной изъ своихъ прокламацій къ учащейся молодежи въ Россіи:—наука должна погибнуть вмѣстѣ съ міромъ, котораго она есть выразитель».

Халифъ Омаръ, сжигая Александрійскую библіотеку, не иначе думалъ.

Предводительствуя возстаніемъ въ Дрезденѣ, Бакунинъ совѣтовалъ для защиты города отъ прусскихъ войскъ «поставить на городскія стѣны Мадонну Рафаэля и другія произведенія искусствъ изъ дрезденской галлереи, ибо, говорилъ онъ, нѣмцы «zu klassisch gebildet» (слишкомъ классически образованы), чтобы стрѣлять по Рафаэлю». . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Бакунинъ все-таки пожалѣлъ Рафаэля, а Писаревъ не жалѣетъ Пушкина.

«Что можно разбить, то и нужно разбивать,—опредѣляетъ онъ программу нигилистовъ: — что выдержитъ ударъ, то годится; что разлетится въ дребезги, то хламъ; во всякомъ случаѣ, бей направо, бей налѣво,—отъ этого вреда не будетъ и не можетъ быть».

Эта брыкающая рѣзвость дикой лошадки или шалость юнаго варвара, можетъ быть невинною, пока остается въ отвлеченности, но осуществляясь въ дѣйствіи, становится страшною, потому что неизвѣстно до чего дойдетъ и гдѣ остановится.

Умственная безпомощность переходитъ въ нравственную безудержность.

Бакунинъ объявилъ однажды, что «для полнаго разрушенія Австрійской имперіи готовъ идти въ барабанщики и даже въ прохвосты». Это—шутка; но не до шутокъ ему, когда Марксъ въ докладѣ Гаагскому конгрессу обвиняетъ его въ «шантажѣ и мошенничествѣ». Можетъ быть, со стороны Маркса тутъ не одна слѣпая ненависть: ему, «законнику», свобода «по благодати», въ самомъ дѣлѣ, кажется подлостью. И все-таки бѣдный Бакунинъ кидается въ объятья врага, какъ въ послѣднее убѣжище: «я долженъ стать на сторону Маркса,—такова фатальность, уклониться отъ которой мнѣ не позволяютъ ни мои убѣжденія, ни моя религія». Но именно «религія» Бакунина для Маркса—«сенъ-семонистская чепуха, дѣтскія сказки, хламъ, нуль въ теоретической области». И Бакунину на все это возразить нечего.

Переходъ умственной безпомощности въ нравственную безудержность всего яснѣе виденъ въ сбли-

женіи Бакунина съ Нечаевымъ. Писаревскую отвлеченную шалость: «бей направо, бей налѣво», — осуществляетъ Нечаевъ на дѣлѣ.

«Наше дѣло—страшное, полное, повсемѣстное и безпощадное разрушеніе. Мы соединимся съ дикимъ, разбойнымъ міромъ, этимъ единственнымъ революціонеромъ въ Россіи. Сплотить этотъ міръ въ одну непобѣдимую всесокрушающую силу, вотъ вся наша задача».—«Убѣжденное въ томъ, что освобожденіе народа и достиженіе счастья народнаго возможно только путемъ всесокрушающей народной революціи, товарищество наше всѣми силами и средствами будетъ способствовать развитію тѣхъ бѣдъ и тѣхъ золъ, которыя должны вывести, наконецъ, народъ изъ терпѣнія и понудить его къ поголовному возстанію».

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Ужасно и отвратительно убійство студента Иванова за простое недовѣріе и неповиновеніе. Иванова заманили въ ловушку, задушили; Нечаевъ прострѣлилъ задушенному голову, и трупъ былъ брошенъ съ привязанными къ шеѣ и ногамъ камнями въ прорубь.

А Бакунину на все это опять-таки возразить нечего. Его же собственную революціонную мысль Не-

чаевъ довелъ до конца: нѣтъ Бога, нѣтъ добра и зла, все позволено. «Я готовъ сдѣлаться прохвостомъ»,— готовность эту Нечаевъ исполнилъ.

Бакунинъ предался ему вмѣстѣ съ Огаревымъ, другомъ Герцена. Глаза у нихъ открылись только тогда, когда они залѣзли по-уши въ грязь. «Онъ обманулъ довѣренность всѣхъ насъ, онъ покралъ наши письма, онъ—плутъ... Нечего говорить, какую роль глупцовъ сыграли мы».

Съ Нечаева Достоевскій списалъ героя «Бѣсовъ». Ему казалось, что это не простой негодяй, а одержимый, бѣсноватый, и что вся революція—«бѣсы». Но «тутъ дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы— сердца людей». Это Достоевскій тоже зналъ, но не хотѣлъ знать.

Нечеловѣческое, божеское добро и нечеловѣческое, сатанинское зло. Самая черная тѣнь отъ самаго яркаго свѣта. По этой-то борьбѣ и видно, что революціонное народничество — явленіе религіозное. Его отношеніе къ религіи—положительное или отрицательное, но ни въ какомъ случаѣ не безразличное.

Судить о народничествѣ по Нечаеву, все равно что судить о христіанствѣ по «антихристу». Но Богучарскій ошибается, полагая, что «нечаевщина эпизодъ исключительный», случай. Нѣтъ, не случай, а дѣйствіе закона неизбѣжнаго: Нечаевщина—азефовщина. Исчезаетъ религія—исчезаетъ нравственность. Эта нечисть вѣчно будетъ гнѣздиться въ темныхъ углахъ, пока свѣтъ религіознаго сознанія не прогонитъ тьмы окончательно.

Отъ Нечаева къ Чайковскому—отъ самой черной тѣни къ самому яркому свѣту, безъ малѣйшихъ сумерокъ, съ тою внезапностью, похожей на чудо, которая

свойственна явленіямъ религіознымъ. Только что были «одержимые», «бѣсноватые»,—и вотъ вдругъ святые.

«Никогда не встрѣчалъ я такихъ чистыхъ людей, какъ эти»,—вспоминаетъ Крапоткинъ. «Кружокъ чайковцевъ возникъ изъ желанія противодѣйствовать нечаевскимъ способамъ дѣятельности». Противодѣйствіе почти сознательно. Тутъ одинъ волосокъ отдѣляетъ религіозное чувство отъ религіознаго сознанія; но все на этомъ волоскѣ держится: порвется онъ и опять все полетитъ въ нечаевщину—въ азефовщину.

Въ началѣ кружокъ состоялъ большею частью изъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ. «Софья Львовна Перовская—настоящая подвижница, монахиня въ міру; она всѣмъ существомъ своимъ—одна дѣятельная любовь къ людямъ». Живетъ съ рабочими подъ паспортомъ жены мастерового и дѣлается для нихъ «сестрой милосердія».—«Въ повязанной платкомъ мѣщанкѣ, въ ситцевомъ платьѣ, въ мужскихъ сапогахъ, таскавшей воду изъ Невы, никто не узналъ бы барышни, которая недавно блистала въ аристократическихъ петербургскихъ салонахъ». Похожа на одну изъ тѣхъ древнихъ римскихъ патриціанокъ, которыя шли къ рабамъ съ Благою Вѣстью.

— «Мы затѣяли большое дѣло; быть можетъ, двумъ поколѣніямъ придется лечь на немъ, но сдѣлать его надо»,—говорила она такъ же просто, какъ тѣ христіанскія мученицы первыхъ вѣковъ.

«Ни одна изъ женщинъ нашего кружка,—разсказываетъ Крапоткинъ,—не отступила бы передъ смертью на эшафотѣ. Каждая изъ нихъ взглянула бы ей прямо въ глаза».

Однажды вздумалъ онъ пошутить: вошелъ ночью къ одной изъ нихъ и сказалъ:

— «Мы пришли за вами. Мы хотимъ освободить товарищей изъ крѣпости.

«Она не задала ни одного вопроса. Спокойно поднялась и сказала:

— «Идемъ!

«Она произнесла это такъ просто, что я сразу понялъ, какъ глупа была моя шутка, и признался ей во всемъ. Она опустилась на стулъ, и на глазахъ у нея блеснули слезы.

— «Такъ это была только шутка? Какъ можно этимъ шутить?»

Очень живо и съ тѣмъ историческимъ пониманіемъ, которое дается сочувствіемъ, изображаетъ Богучарскій знаменитое «хожденіе въ народъ».

«Приглашаемъ васъ идти въ народъ,—говорилось въ воззваніи «Къ интеллигентнымъ людямъ».—Въ насъ живетъ вѣра въ вѣчность нашихъ догматовъ... Докажемъ, что наша вѣра горяча,—и нашъ примѣръ измѣнитъ лицо земли... Пусть люди, которымъ дорога правда, идутъ въ народъ, не страшась ни гоненій, ни смерти».

«Движеніе это,—писалъ одинъ изъ его участниковъ,—едва ли можно назвать политическимъ. Оно было какимъ-то крестовымъ походомъ... Типъ пропагандиста 70-хъ годовъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые выдвигаются скорѣе религіозными, чѣмъ революціонными движеніями... Соціализмъ былъ его вѣрой... Не взирая на всю очевидность противнаго, онъ твердо вѣрилъ, что не сегодня-завтра произойдетъ революція, подобно тому, какъ въ средніе вѣка люди иногда вѣрили въ приближеніе Страшнаго Суда».

Если бы съ этими «невѣрующими» заговорили о Страшномъ Судѣ, о концѣ міра, они разсмѣялись бы

или разсердились; но чувство конца, чувство Апокалипсиса,—«скоро всему конецъ»,—было главнымъ религіознымъ чувствомъ этихъ «крестоносцевъ»-народниковъ.

Зрѣлище единственное въ новѣйшей, можетъ быть, не только русской, но и всемірной исторіи. Какая-то сказка, сонъ на-яву. «Крестовый походъ дѣтей», въ которомъ даже взрослые становятся дѣтьми, а большею частью, и по возрасту,—все дѣвочки да мальчики. Нарядившись въ полушубки и сарафаны, идутъ они на Волгу, въ Оренбургскій край, въ Кіевскую, Подольскую, Екатеринославскую губерніи, доходятъ до самаго Крыма; идутъ отъ моря и до моря, по всей Европейской Россіи. Идутъ, безоружные. Ничего у нихъ нѣтъ, кромѣ нѣсколькихъ фальшивыхъ паспортовъ «да тридцати плохихъ револьверовъ». Ничего имъ и не нужно, потому что вѣрятъ по Бакунину, что стоитъ кликнуть кличъ, чтобы встала вся Россія, какъ одинъ человѣкъ.

Тутъ много дѣтскости, школьнической удали, мечтательнаго рыцарства и донъ-кихотства самаго невиннаго. Но министръ юстиціи гр. Паленъ, который съ этими Донъ-Кихотами борется, — Донъ-Кихотъ вдвойнѣ.

«Установлено,—говоритъ онъ въ своей секретной запискѣ,—что многіе молодые люди одѣлись въ крестьянскіе костюмы и въ качествѣ простыхъ чернорабочихъ двинулись, по ихъ выраженію, «въ народъ», имѣя задачею проводить въ немъ путемъ печатныхъ сочиненій и устной пропаганды революціонныя идеи... Къ концу 1874 года они успѣваютъ покрыть какъ бы сѣтью революціонныхъ кружковъ бо́льшую половину Россіи. Дознаніемъ раскрыта пропаганда въ 37 губер-

ніяхъ». Дочери дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ и генералъ-маіоровъ занимаются полевыми поденными работами, спятъ вмѣстѣ съ мужчинами-товарищами и за всѣ эти поступки не только не встрѣчаютъ порицаніе, а напротивъ, сочувствіе. Мировой судья Войнаральскій пожертвовалъ почти всѣмъ состояніемъ, до 40.000 рублей, на дѣло пропаганды. Устраиваются школы, мастерскія, рабочія артели, сходки, библіотеки, кассы. Пѣсни крайне возмутительнаго содержанія распѣваются на улицахъ. И цѣль всего этого—«ниспроверженіе существующаго порядка и водвореніе полнѣйшей анархіи».

Гр. Паленъ ошибался: существующему порядку не угрожало ни малѣйшей опасности. Отъ этой революціи безплотныхъ духовъ, призраковъ, ничто не шелохнулось—мертвый листъ не упалъ.

«Движеніе 1870—75 годовъ,—сознаются его участники,—не вызвало ни въ одномъ городѣ, ни въ одной деревнѣ не только бунта, но даже простого сопротивленія властямъ».

Артиллерійскій поручикъ Рогачевъ исколесилъ половину Россіи и даже тянулъ лямку съ бурлаками на Волгѣ,—не залучилъ ни одного крестьянина. «Нѣтъ, Россіи не грозитъ крестьянская революція, хотя бы всей интеллигенціи было предоставлено свободно двинуться въ народъ»,—говорилъ на судѣ Стефановичъ.

Рѣчи о соціализмѣ и анархіи крестьяне слушали, какъ любопытную сказку,—не любо не слушай, а врать не мѣшай. Но о возстаніи не думали и во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ обвиняли самихъ себя: «сами-де мы пьяницы, Бога забыли». И больше всего на царя надѣялись. А на ряженыхъ господъ смотрѣли, какъ на шутовъ гороховыхъ или на оборотней, выходцевъ съ того свѣта.

А тѣ все-таки шли да шли съ закрытыми глазами, какъ лунатики. Ничего не понимали, не видѣли. Одинъ поѣхалъ на Маркизскіе острова, другой—въ Америку основывать царствіе Божіе; но и Россія для тѣхъ, кто оставался въ ней, была такою же неизвѣстной страною, какъ Маркизскіе острова и Америка. Дѣйствительность проходила даже не мимо, а сквозь нихъ, какъ желѣзо сквозь тѣло призраковъ.

Можетъ быть, вѣрили въ одно съ народомъ, хотѣли съ нимъ одного, но говорили на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга.

Безграничную вѣру народа въ верховную власть все-таки замѣтили. Но и въ этомъ ничего не поняли,—не поняли, откуда это, въ какой связи съ религіозной вѣрой народа, не знали, что̀ съ этимъ дѣлать—только удивлялись и отмахивались, какъ Донъ-Кихотъ отъ крыльевъ мельницы. «Что̀ же такое въ сущности эта пресловутая вѣра?.. Не болѣе, какъ результатъ громаднаго недоразумѣнія».

Да, громадное недоразумѣніе не только въ народѣ, но и въ самихъ народникахъ. Идутъ въ народъ, не зная и не желая знать, чѣмъ онъ живетъ, во что вѣруетъ. Религіозная дѣйствительность, кровь и плоть народа для нихъ призракъ, и сами они проходятъ сквозь нее, какъ призраки. Налетѣли, пролетѣли—и ничто не шелехнулось, мертвый листъ не упалъ.

Какъ стеклянная стѣна, дурной проводникъ, между двумя электрическими полюсами,—это «громадное недоразумѣніе» — религіозное недомысліе, религіозная безсознательность. И не соединяются полюсы, не вспыхиваетъ между ними искра, и не вспыхнетъ, пока стѣна не будетъ сломана.

А что ее сломать можно, что народъ идетъ на-

встрѣчу народникамъ именно здѣсь и только здѣсь, въ религіи,—это видно по программѣ «Сѣвернаго Союза Русскихъ Рабочихъ», основаннаго въ концѣ 70-хъ годовъ.

«Въ члены Союза избираются исключительно только рабочіе»,—сказано въ программѣ. И далѣе:

«На насъ лежитъ великое дѣло освобожденія и обновленія міра... Вспомните, кто первый откликнулся на слова Христа... Простые поселяне. Мы тоже зовемъ къ проповѣди новаго, но въ сущности только непонятаго и позабытаго ученія Христа».

Исповѣданіе народника Желябова тутъ повторяетъ уже самъ народъ. Религіозный народъ идетъ навстрѣчу религіозному народничеству.

Вотъ урокъ, который можно извлечь изъ книги Богучарскаго. Но самъ онъ его не извлекъ, самъ своей книги не понялъ. Если бы понялъ, то не сдѣлалъ бы такого ложнаго и скуднаго вывода: «Въ Россіи не рѣшена еще политическая проблема. Съ рѣшеніемъ этой проблемы и рабочее движеніе пойдетъ несомнѣнно по тому же реалистическому пути, какъ на Западѣ. Столь же несомнѣнно, что тогда и освободившемуся отъ утопическихъ элементовъ народничеству предстоитъ еще въ Россіи широкая и плодотворная дѣятельность».

Началъ за здравіе, кончилъ за упокой. Если религія значитъ «утопія», т. е. никому ненужный историческій хламъ, то изъ-за чего же было огородъ городить, утверждать, какъ высшую цѣнность, религіозную основу народничества?

Тутъ у самого автора какое-то «громадное недоразумѣніе». Этимъ выводомъ онъ какъ будто зачеркиваетъ всю свою книгу, но такъ легко, такъ блѣдно, что и зачеркнутое можно прочесть.

Нѣтъ, религія—не утопія, душа человѣчества—не паръ. А если и паръ, то такой, которымъ все движется,—по крайней мѣрѣ, всѣ освобожденія, всѣ революціи.

И что̀ значитъ: Россія въ освобожденіи должна идти путемъ Запада?

Всякое освобожденіе всемірно и народно вмѣстѣ, чѣмъ болѣе народно, тѣмъ болѣе всемірно. Всемірность—не отрицаніе, а утвержденіе лица народнаго. Народъ потому и участвуетъ во всемірной жизни человѣчества, что не только беретъ отъ него, но и даетъ ему, вноситъ въ него свое лицо, свою особенность, единственность. Каждый изъ народовъ западныхъ шелъ своимъ путемъ къ освобожденію. Почему же одна Россія должна идти чужимъ,—все брать и ничего не давать?

Первая волна освобожденія въ Россіи отхлынула, разбилась и разсыпалась пѣною, не прорвавъ плотины.

. . . . . .

Но и вторая волна не прорветъ ея, если не достигнетъ высоты сознанія религіознаго, именно той, на которой плотина построена. Сознать или не сознать религіозный смыслъ освобожденія, значитъ для Россіи сейчасъ быть или не быть свободною.

Розановъ

Человѣкъ человѣка не можетъ судить послѣднимъ судомъ. Это долженъ помнить всякій судъ человѣческій, между прочимъ, и критика, поскольку судитъ она не только написанное, но и того, кто писалъ. Судъ потомства, живыхъ надъ умершими, можетъ быть правымъ; судъ живыхъ надъ живыми—всегда неправъ.

Современники для насъ, какъ плоскія фигуры на барельефахъ: мы видимъ ихъ съ одной стороны. Смерть должна отдѣлить человѣка отъ жизни, отъ плоскости, сдѣлать барельефъ изваяніемъ, чтобы мы увидѣли его со всѣхъ сторонъ и могли судить о немъ, какъ слѣдуетъ. А пока человѣкъ живъ, критика можетъ судить о томъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ, а не о немъ самомъ.

Бываютъ, однако, писатели, у которыхъ произведенія такъ сплетены съ личностью автора, что невозможно отдѣлить одно отъ другого. О такихъ надо молчать, чтобы не судить о живыхъ, какъ о мертвыхъ. Но что же дѣлать, когда и молчать нельзя, потому что молчать—значитъ потворствовать злу?

Такой писатель—Розановъ.

«Я весь субъектъ; субъективное развито во мнѣ

безконечно, какъ я не знаю никого, не предполагалъ ни у кого».

Изъ своей субъективности онъ дѣлаетъ неимовѣрный выводъ: право на ложь.

«Удивительно, какъ я удѣлывался съ ложью. Она никогда не мучила меня, и по странному мотиву: а какое вамъ дѣло до того, что я въ точности думаю, чѣмъ я обязанъ говорить свои настоящія мысли? Глубочайшая моя субъективность сдѣлала то, что я точно всю жизнь прожилъ за занавѣскою, неснимаемою, нераздираемою. До этой занавѣски никто не смѣетъ коснуться. Тамъ я жилъ, тамъ съ собою былъ правдивъ... А что говорилъ по сю сторону занавѣски,— до правды этого, мнѣ казалось, никому дѣла нѣтъ».

Это изъ книги «Уединенное». Книга тоже неимовѣрная—заживо загробная. Живой говоритъ о себѣ, какъ о мертвомъ, «вскрываетъ» себя, какъ мертваго. Человѣкъ, пока живъ, стыдится; только «мертвые срама не имутъ». Въ этой книгѣ безстыдство мертваго.

Розановъ, конечно, ошибается: никакая правдивость съ собою не даетъ права на ложь передъ другими.

Литература—дѣло общественное, злое или доброе: когда писатель лжетъ «по сю сторону занавѣски», онъ дѣлаетъ злое дѣло, и обязанность критики помѣшать злу, обличить ложь.

Критики Розанова, въ сущности, не было или почти не было, а былъ смѣхъ. Но смѣхъ ему не страшенъ: онъ самъ знаетъ, что смѣшонъ, и радъ смѣшить. Говоритъ о своемъ «мизерабельномъ» видѣ и о томъ, какъ въ юности плакалъ, глядя на себя въ зеркало: «Ну, кто такого противнаго полюбитъ?» А потомъ утѣшился: «Да просто я не имѣю формы (causa formalis Аристотеля). Какой-то «комокъ» или «мочалка». Но

это оттого, что я весь—духъ и весь—субъектъ... Я наименѣе рожденный человѣкъ: какъ бы еще лежу въ утробѣ матери и слушаю райскіе напѣвы... На кой чортъ мнѣ интересная физіономія, когда я самъ (въ себѣ, въ «комкѣ») безконечно интересенъ?»

Можетъ быть, онъ былъ бы еще интереснѣе, если бы объ этомъ не зналъ. Во всякомъ случаѣ, онъ не только смѣшонъ, но и серьезенъ —болѣе серьезенъ, чѣмъ кажется.

«Вы—юмористъ, и ваша религія юмористическая. По-моему, лучше никакой»,—писалъ ему однажды А. С. Суворинъ. Это обычная суворинская плоскость и пошлость: юмористическаго въ Розановѣ нѣтъ ничего—ничего веселаго, легкаго; его смѣшное—скорбно, тяжко, уродливо. «Я былъ въ жизни всегда ужасно неуклюжій. Во мнѣ есть ужасное уродство поведенія».

Уродство—отсутствіе мѣры. Вообще, у русскихъ людей мало мѣры: «Всѣ мы любили по краямъ и пропастямъ блуждать», по слову Крижанича. У Розанова—меньше, чѣмъ у кого-либо.

Онъ совѣтуетъ новобрачнымъ снимать съ себя фотографіи во время полового акта, чтобы «сохранить на старость изображеніе своего счастья въ молодости». Что это—райская невинность или порнографія? Смѣшное личико новорожденнаго или смѣшная рожа дьявола?

Существуетъ половое сумасшествіе — безстыдное обнаженіе. Кажется иногда, что у Розанова такое сумасшествіе. И смѣхомъ закутывается оно, какъ полупрозрачною дымкою, прикрывается, какъ фиговымъ листкомъ.

Ѳедоръ Павловичъ Карамазовъ—тоже «безстыд-

никъ», тоже любитъ смѣшить и не боится смѣха, смѣется надъ смѣхомъ. Смѣшонъ и страшенъ, похожъ на «огромнаго паука въ человѣческій ростъ» или «римлянина временъ упадка». Кто знаетъ, можетъ быть, на высотѣ власти, подобно Нерону и Геліогабалу, онъ не только насмѣшилъ бы, но и ужаснулъ бы міръ?

У Розанова и въ смерти смѣхъ, или даже не смѣхъ, а «смѣшокъ», безстыдный смѣшокъ Ѳедора Павловича. «Убирайтесь къ чорту съ вашей офиціальностью,—воображаетъ онъ себя лежащимъ въ гробу.—Непремѣнно въ землѣ скомкаю саванъ и колѣно выставлю впередъ. Скажутъ: «Иди на страшный судъ». Я скажу: «Не пойду». — «Страшно?» — «Ничего не страшно, а просто не хочу итти. Я хочу курить. Дайте адскаго уголька зажечь папироску». И далѣе разговоръ о «дѣвчонкахъ», уже совсѣмъ карамазовскій.

Малое уродство смѣшно; большое—страшно. Чѣмъ смѣшнѣе, тѣмъ страшнѣе. Недаромъ чортъ названъ ш у т о м ъ. Чортъ шутитъ, корчитъ смѣшныя рожи, чтобъ его не боялись: не такъ-де страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Чортъ ловитъ людей на удочку смѣха.

Нѣтъ, смѣхомъ не убить страшнаго въ Розановѣ, какъ персидскимъ порошкомъ не убить тѣхъ исполинскихъ насѣкомыхъ, пауковъ и тарантуловъ, которые снятся героямъ Достоевскаго.

Смѣхъ ему не страшенъ; не страшенъ ли гнѣвъ—судъ общественный?

«Общественность,—кричатъ вездѣ. Можетъ быть, я ничего не понимаю, но когда встрѣчаю человѣка съ «общественнымъ интересомъ», то не то что бы скучаю, не то что бы враждую съ нимъ, но просто умираю около него. «Весь смокнулъ» и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души. Умеръ. И пробуждаюсь, от-

крываю глаза, когда подозрѣваю, что общественность выскочила изъ человѣка»...

«Я уже давно пишу безъ читателя, просто потому, что нравится... И не буду ни плакать, ни сердиться, если читатель, ошибкой купившій книгу, броситъ ее въ корзину...

«Ну, читатель, не церемонюсь я съ тобой,—можешь и ты не церемониться со мной.

— «Къ чорту?

— «Къ чорту...».

Что дѣлать критикѣ съ писателемъ, который посылаетъ себя самого къ чорту?

«Я похожъ на младенца въ утробѣ матери, но которому вовсе не хочется родиться: мнѣ и тутъ тепло».

Зачѣмъ же утробный младенецъ стремится въ общественность? Лежалъ бы въ утробѣ матери. Но вотъ вылѣзъ и взыгралъ на виду всей Россіи, голенькій. Только и дѣлаетъ, что спрашиваетъ: «Чего изволите?» и поклоняется всякой силѣ торжествующей, всякой торжествующей подлости. «Ослабнувшій фетишъ» (фетишъ—старый порядокъ),—писалъ во время «смуты», а едва лишь смута кончилась,—началъ лягать мертваго льва. Самъ не вѣдаетъ, что творитъ. Все отъ младенчества.

«Изъ кабака—прямо въ церковь, а изъ церкви—прямо въ кабакъ»,—опредѣляетъ Суворинъ въ письмѣ къ Розанову сущность «русскаго духа». Надо имъ отдать справедливость: оба они, какъ никто, содѣйствовали этому сліянію кабака съ церковью. Напился въ кабакѣ и вошелъ въ церковь.

«Л. Толстой прожилъ, собственно, глубоко пошлую жизнь». «Гоголь—идіотъ». «Щедринъ, какъ матерой волкъ, наѣлся русской крови и сытый отвалился въ мо-

гилу». Это Розановъ плюетъ на иконы. Что же молящіеся? Ничего, продолжаютъ молиться. Вотъ она, та подлая терпимость, которая превратила русское общество въ домъ терпимости.

«Какъ мнѣ нравится Побѣдоносцевъ, который на слова: «Это вызоветъ дурные толки въ обществѣ»,—остановился и не плюнулъ, а какъ-то выпустилъ слюну на полъ, растеръ и, ничего не сказавъ, пошелъ дальше»,—восхищается Розановъ. Вся его общественность—плевокъ Побѣдоносцева. Побѣдоносцевъ, Катковъ, К. Леонтьевъ, всѣ наши «охранители»—за спиною Розанова. Онъ—дѣтище ихъ, плоть отъ плоти, кость отъ кости. Онъ раскрылъ то, что въ нихъ скрыто. Общественная безсовѣстность, общественное непотребство его отъ нихъ идетъ. И насколько этотъ нигилизмъ ужаснѣе стараго нигилизма нашихъ «разрушителей»!

Да, суду общественному съ Розанова взять нечего: мертвые срама не имутъ. Онъ это знаетъ и уходитъ изъ общественности въ частную жизнь.

«Народы, хотите ли, я вамъ скажу громовую истину? Частная жизнь выше всего».

Въ жизни общественной лжетъ, а «по ту сторону занавѣски», въ жизни личной, правдивъ. Но, кажется, у него и тамъ не одна, а тысячи правдъ, тысячи искренностей, одна на другой, какъ луковичныя кожицы: сниметъ одну—подъ ней другая; сниметъ другую—подъ ней третья, и такъ безъ конца. Онъ снимаетъ ихъ съ такою легкостью, какъ будто это не кожи, а платья. Платья, какого угодно цвѣта, смотря по надобности: И даже голое тѣло—не тѣло, а тѣлеснаго цвѣта трико, какъ у плясуна канатнаго. Плясунъ пляшетъ, зарабатывая хлѣбъ насущный: «только вырабатываю 50—80 руб-

лей недѣльныхъ, но никакого интереса къ написанному».

Гдѣ же нагота послѣдняя, послѣдняя искренность? А вотъ гдѣ.

«Страшное одиночество за всю жизнь. Съ дѣтства. Одинокія души суть затаенныя души. А затаенность отъ порочности. Страшная тяжесть одиночества». — «Точно я иностранецъ—во всякомъ мѣстѣ, во всякомъ часѣ, гдѣ бы ни былъ, когда бы ни былъ. Все мнѣ чуждо, и какой-то странной, на роду написанной отчужденностью».—«Такое сильное ощущеніе пустоты около себя,—пустоты, безмолвія и небытія вокругъ и вездѣ, что едва знаю, едва вѣрю, едва допускаю, что мнѣ «современничаютъ» другіе люди».

— «Что ты все думаешь о себѣ? Ты бы подумалъ о людяхъ».

— «Не хочется».

«Когда я одинъ, я полный, а когда со всѣми,—не полный. Одному мнѣ лучше».

Того, что мы называемъ индивидуализмомъ, утвержденіемъ одинокой личности, нельзя точнѣе выразить. И что это—нагота послѣдняя, не трико, а тѣло,—видно изъ того, что этимъ все объясняется. Безстыденъ, потому что стыдиться некого; при всѣхъ обнажается, потому что и при всѣхъ одинъ; безобщественъ, потому что не можетъ общаться съ людьми тотъ, кто не вѣритъ въ существованіе людей.

Свое одиночество онъ считаетъ необыкновеннымъ. Но оно обыкновеннѣе, чѣмъ онъ думаетъ. Какъ въ готическомъ зодчествѣ—всѣ зданія, такъ въ современной европейской культурѣ всѣ дѣла, чувства и мысли кончаются остріемъ—остріемъ личности.

Не количествомъ, а качествомъ индивидуализма

отличается Розановъ отъ своихъ современниковъ: у тѣхъ онъ стихійный, безсознательный и безрелигіозный, разрѣшающійся въ эстетизмъ, футуризмъ, акмеизмъ и прочія пошлости; Розановъ углубляетъ свое одиночество до сознанія религіознаго, до религіозной трагедіи.

«Одному мнѣ лучше, потому что, когда одинъ,—я съ Богомъ... Въ концѣ-концовъ, Богъ—моя жизнь. Я только живу для Него, черезъ Него. Внѣ Бога—меня нѣтъ».—«Мой Богъ—особенный. Это только мой Богъ, и еще ничей. Если еще чей-нибудь, то этого я не знаю и не интересуюсь. Мой Богъ—безконечная моя интимность, безконечная моя индивидуальность. Интимность похожа на воронку или даже двѣ воронки. Отъ моего общественнаго «я» идетъ воронка, суживающаяся до точки. Черезъ эту точку-просвѣтъ идетъ только одинъ лучъ: отъ Бога. За этой точкой другая воронка, уже не суживающаяся, а расширяющаяся въ безконечность. Это—Богъ».

Края первой, суживающейся воронки общественной—свалка нечистотъ, помойная яма. Но по мѣрѣ того, какъ воронка уходитъ вглубь, стѣны ея очищаются; мы видимъ, что это стѣны первозданной горной породы, и что въ глубинѣ ея — «просвѣтъ къ Богу».

Какъ можетъ это быть? Сознаемъ ли мы это, или не сознаемъ, но для насъ единственно возможный смыслъ религіи, смыслъ христіанства, смыслъ Христа —соединеніе любви къ Богу съ любовью къ людямъ. Богъ, какъ отрицаніе любви, намъ кажется чудовищнымъ. «Иногда чувствую что-то чудовищное въ себѣ», ужасается Розановъ. Если бы насѣкомое—паукъ или тарантулъ—могло имѣть религіозное сознаніе, то от-

носилось бы къ Богу, какъ Розановъ. Но какъ Богъ отнесся бы къ этому чудовищу?

Всякое существо надо судить въ его родной стихіи. Медуза въ водѣ—волшебный цвѣтокъ, а на берегу—слизь. Въ общественности Розановъ—такая слизь; тамъ его какъ будто вовсе нѣтъ, или лучше бы вовсе не было. Только въ своей родной стихіи, въ с в о е й религіи, онъ есть,—хорошъ или плохъ, но значителенъ.

О древнемъ Египтѣ, Іудеѣ, Греціи немного такихъ вѣщихъ страницъ во всемірной литературѣ, какія у него. Вслѣдствіе нѣкоторыхъ особенностей своего внутренняго опыта, онъ говоритъ о прошломъ не какъ историкъ, а какъ современникъ: чѣмъ оно дальше отъ насъ, тѣмъ ближе къ нему. Какъ будто вспоминаетъ то, что съ нимъ было въ иныхъ воплощеніяхъ. Мы знаемъ, что тѣло каждаго изъ насъ въ своей утробной жизни проходитъ всѣ ступени біологическаго развитія, отъ амёбы до человѣка. Не проходитъ ли и душа до рожденія всѣ тысячелѣтія всемірной исторіи? Если такъ, то наши историческія знанія—только в о с п о м и н а н і я. У Розанова они такъ живы, какъ ни у кого. Все, что мы уже забыли, онъ еще помнитъ, знаетъ не изъ книгъ, не изъ чужой, а изъ своей собственной памяти, изъ своей «ночной», «утробной» души,—той, которая жила до рожденія. И всѣ эти воспоминанія сводятся къ одному главному, религіозному.

Въ чемъ же религія Розанова?

Это религія пола. Полъ, какъ зажигательное стекло, собираетъ и сосредоточиваетъ всѣ разсѣянные въ мірѣ лучи Божественнаго въ одну огненную точку.

Сущность Ветхаго Завѣта—абсолютное религіозное утвержденіе пола, дѣторожденія. Сущность Новаго Завѣта—проклятіе пола, Безсѣменное Зачатіе, абсолют-

ное религіозное отрицаніе, ноль пола. «Какъ только въ половомъ мѣстѣ вы поставили значащую величину, вы ниспровергли Евангеліе». Въ мірѣ борются два свѣта—лунный и солнечный. Солнце—Ваалъ—богъ плодородія; луна—Астарта—вѣчно безплодная дѣва, богиня ночи, смерти и сладострастья. Іудейство—религія солнечнаго, христіанство—луннаго свѣта. Нужно выбрать между Ветхимъ и Новымъ Завѣтомъ, между семьей и содомомъ, дѣторожденіемъ и дѣтоубійствомъ, спасеніемъ и погубленіемъ рода человѣческаго. Иночество—скрытый содомъ—душа европейской цивилизаціи. «Мужественность, костяное, твердое начало наполовину хрустнуло, когда умеръ древній міръ».—«Нашъ содомскій идеалъ,—говорятъ, будто бы, иноки,—мы сбережемъ и осуществимъ цѣною погубленія всего человѣческаго рода». Блаженно чрево не родившее и сосцы не питавшіе. Не надо рожденій, не надо жизни; міру конецъ, міру предстоитъ погибнуть,—вотъ суть христіанской безсѣменности. «Иночество — нерастворимый кристаллъ въ христіанской цивилизаціи; оно ведетъ землю къ разрушенію и оставленію на землѣ немногихъ избранныхъ—царства безсѣменныхъ святыхъ».

Критика христіанства у Розанова кончается анаѳемой. «Проклятые содомляне!.. О, какая правда, что на такихъ, какъ вы, когда-то былъ просыпанъ сѣрный огонь съ неба!»—«Да провалитесь вы съ вашей «нравственной личностью», которая несетъ убійство, пьянство и развратъ!» — «Не правъ ли я, давно начавъ крикъ: смотрите, это идутъ погубители человѣчества, злодѣи въ образѣ ангеловъ, пантеры въ образѣ овецъ!»—«О, гады! О, дѣтоубійцы! Ироды!»

Вообще, въ религіозной мысли его нѣтъ діалектики, послѣдовательнаго хода: мысль его не идетъ, а пе-

рескакиваетъ, перелетываетъ съ вершины на вершину, съ острія на остріе. Мгновенныя прозрѣнія сверкаютъ, какъ молніи, а между ними—тьма, въ которой надо пробираться ощупью. Онъ путается въ противорѣчіяхъ не только антиномическихъ (въ смыслѣ антиномій кантовскихъ), но и логическихъ.

Всѣ эти противорѣчія сводятся къ вопросу объ отношеніи пола къ личности.

Въ метафизической сущности міра,—утверждаетъ онъ,—есть два начала: родовое, половое, безличное, и противоборствующее полу, личное. Личность, душа—не только явленіе, но и «вещь въ себѣ». Это—одно утвержденіе, а вотъ и другое: «душа (личность) есть только функція пола; полъ есть ноуменъ души, какъ своего феномена». Итакъ, личность—то явленіе, то не явленіе; то сущность, то не сущность.

Противорѣчіе въ основаніи, противорѣчіе и въ выводахъ.

Если душа, личность—«только функція пола», то функція (дѣйствіе) не можетъ не соотвѣтствовать своей причинѣ, не можетъ ей противоборствовать. А, между тѣмъ, личность,—утверждаетъ Розановъ,—есть противоборство полу: «индивидуумъ начался тамъ, гдѣ вдругъ сказано закону природы (закону пола): стопъ! не пускаю сюда». Отношеніе личности къ полу—то положительное, то отрицательное.

Путаница логическая отражается и въ нравственной, и въ религіозной путаницѣ. Изъ противоборства полу возникаетъ личность,—по Розанову,—«единственно живое начало міра». На какомъ же основаніи онъ ставитъ знакъ равенства между началомъ жизни и началомъ смерти, между противоборствомъ полу и извращеніемъ пола, между цѣломудріемъ и содомомъ?

Всѣ эти путаницы происходятъ изъ неясности отвѣта на главный вопросъ: что̀ къ чему относится, какъ явленіе къ сущности,—личность къ полу или полъ къ личности? Въ сознаніи своемъ Розановъ отвѣчаетъ надвое, но въ волѣ его одинъ отвѣтъ: полъ—сущность, личность—явленіе. И въ этомъ главная ошибка его. Не только по христіанской метафизикѣ, но и по здравому смыслу, личность, индивидуумъ, есть недѣлимое, цѣлое; полъ есть половина, двоеніе (два пола), дѣленіе, дробь личности. Совершенный человѣкъ, совершенная личность—не мужчина, только мужчина (самецъ) и не женщина, только женщина (самка), а что-то большее. Вѣдь, вотъ самъ же Розановъ знаетъ, что во всякомъ мужчинѣ есть женское, и во всякой женщинѣ—мужское. Соединеніе мужского и женскаго не въ половомъ актѣ, внѣ личности, а въ ней самой, и есть начало личности. Вотъ почему чувство пола такъ связано съ чувствомъ смерти: въ полѣ и въ смерти—конецъ личности.

Утверждать, что душа, личность есть только явленіе, «функція пола», что полъ больше личности,—значитъ утверждать, что часть больше цѣлаго. Христіанское цѣломудріе—не содомъ и не скопчество, какъ думаетъ Розановъ.

Ветхій Завѣтъ—движеніе человѣчества къ Абсолютной Личности. Когда цѣль движенія достигнута, оно прекращается; кто шелъ и дошелъ, перестаетъ итти. Цѣль Ветхаго Завѣта была достигнута, когда явился Христосъ. Если смерть непобѣдима, и невозможно безсмертіе личное, то вся надежда—на безсмертіе родовое, безличное, на чреду поколѣній во времени, передающихъ факелъ жизни, какъ въ «бѣгѣ факелоносцевъ»,—съ вѣчной надеждой, не раздуется ли вѣт-

ромъ бѣга тлѣющій факелъ въ огонь,—въ тотъ, о которомъ сказано: огонь пришелъ Я низвесть на землю. Абсолютно надо рождать, пока абсолютно надо умирать. Но если смерть побѣдима, то тѣмъ самымъ указанъ предѣлъ, за которымъ уже не надо будетъ рождать, потому что не надо будетъ умирать. Религіозная абсолютность пола, рода, рожденія, такъ же какъ смерти, отмѣняется Воскресеніемъ, безсмертіемъ личности. Это лишь предѣлъ, горизонтъ, край земли, «конецъ міра» не достигнутый; но христіанскій путь человѣчества есть путь къ этому предѣлу,—не «погубленію», какъ думаетъ Розановъ, а исполненію человѣчества. Безъ этого конца, дѣйствительно, нѣтъ христіанства.

Розановъ ничего не понимаетъ въ христіанствѣ, потому что ничего не понимаетъ въ личности. Непониманіе личности—свойство индивидуализма. Индивидуализмъ—кажущееся утвержденіе, дѣйствительное отрицаніе личности. «Суть «я» именно въ «я»,—утверждаетъ Розановъ. Нѣтъ, суть «я», — не только въ «я», но и въ «не-я». Я—только я, я—одинъ въ себѣ, я безъ всѣхъ, я противъ всѣхъ—не личность, а особь, не человѣкъ, а звѣрь. Я и не-я, я и всѣ, я со всѣми, я во всѣхъ,—вотъ личность, вотъ человѣкъ. Личность и общественность—двѣ стороны одного и того же. Розановъ не знаетъ, что такое личность, потому что не знаетъ, что такое общественность.

Если христіанство—ложь, то нельзя ли уничтожить эту ложь? Нельзя ли всю христіанскую цивилизацію «послать къ чорту на рога, какъ несомнѣнно отъ чорта она и происходитъ»? Нельзя ли отмѣнить Новый Завѣтъ и возстановить Ветхій?—спрашиваетъ Розановъ. Надо сойти съ ума, чтобы отвѣтить: можно. Здравый

смыслъ отвѣчаетъ: нельзя,—нельзя сдѣлать, чтобы не было того, что было. А если такъ, то, значитъ, все само идетъ къ чорту: діаволъ побѣдилъ Бога, и весь міръ—побѣда діавола.

А все-таки одинъ вопросъ не рѣшенъ—религіозный вопросъ о личности. Индивидуализмъ обходитъ его въ жизни, но смерть ставитъ вопросъ такъ, что обойти нельзя.

«Въ дѣтяхъ я живу... Только бы, значитъ, рождалось,—и я никогда не умру»,—утѣшается Розановъ. Но вотъ умираетъ «другъ»,—и «жажда безсмертія схватила меня за волосы»,—признается онъ, уже ничѣмъ не утѣшенный. Жажда безсмертія не родового, а личнаго.

«И вотъ горбикъ земли, подъ которымъ зарытъ человѣкъ... Эти два слова: «зарытъ человѣкъ, человѣкъ умеръ», своимъ потрясающимъ смысломъ, своимъ вѣчнымъ смысломъ, стонающимъ, преодолѣваютъ всю планету... Человѣкъ умеръ, и мы даже не знаемъ кто... Хочется сѣсть на горбикъ и выть на немъ униженно, собакою». Это значитъ: боли отъ личной смерти безсмертіе родовое, безличное не утоляетъ.

Вотъ когда обнаружилось, что религія пола, брака недостаточна. «Я говорилъ о бракѣ, бракѣ, бракѣ... а ко мнѣ шла смерть, смерть, смерть».—«Я конченъ,—зачѣмъ же я жилъ?»

«Запутался мой умъ, совершенно запутался».—«Душа моя—какая-то путаница, изъ которой я не умѣю вытащить ногу».

И на днѣ этой путаницы—послѣдній ужасъ, послѣднее отчаяніе. Одно изъ двухъ: или онъ, или весь міръ въ безуміи. Такъ лучше пусть онъ,—это все-таки легче. «Безуміе—вся моя прежняя жизнь...»—«Всю жизнь посвятить на разрушеніе того, что одно въ мірѣ

люблю!..» — «Церковь есть единственно-глубокое на землѣ... Боже, какое безуміе было, что я дѣлалъ всѣ усилія, чтобы ее разрушить!.. И какъ хорошо, что не удалось!»—«Какъ пустъ мой бунтъ противъ церкви!»—«Иду въ церковь! иду! иду!»

Куда онъ идетъ, къ кому? Къ «человѣкоубійцамъ, Иродамъ, содомлянамъ, злодѣямъ въ образѣ ангеловъ, пантерамъ въ образѣ овецъ?» Да, къ н и м ъ, потому что больше итти ему некуда. Идетъ и стонетъ: «болитъ душа, болитъ душа, болитъ душа, и что дѣлать съ этой болью,—я не знаю».

Доплясался канатный плясунъ—упалъ, расшибся, и брызнула кровь.

Идетъ въ церковь, а ко Христу идетъ ли? Или ему нужна только церковь—безъ Христа, помимо Христа? «Вѣдь, я ни въ воскресеніе, ни въ душу, ни особенно въ Него не вѣрилъ». Не вѣрилъ, когда уходилъ изъ церкви: что̀ если и теперь, когда идетъ въ нее, не вѣритъ? Можно ли такъ итти въ церковь? . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Какъ общественному дѣятелю, Розанову нѣтъ пощады. . . . . Но какъ человѣка, судить его не зачѣмъ: онъ самъ себя судитъ страшнымъ судомъ. «Я считаю себя дурнымъ человѣкомъ». Однажды кто-то сказалъ ему, и онъ соглашается: «какъ въ человѣкѣ, въ васъ есть что-то нехорошее».—«Боже мой, какъ съ неправдой умереть?.. А я съ неправдой».—«Я не хочу, чтобы меня помнили... Откуда такое чувство? Отъ чувства вины».—«Черезъ грѣхъ я познавалъ все въ мірѣ и черезъ грѣхъ относился ко всему въ мірѣ».

Онъ думаетъ, что грѣхъ его «не противъ Бога, а противъ человѣка». Нѣтъ, противъ Бога и человѣка

вмѣстѣ. Можетъ быть, открытый и честный религіозный бунтъ въ наши дни вовсе не грѣхъ. Но у Розанова бунтъ лукавый: изъ-за угла ненавидитъ и не смѣетъ поднять глаза на Того, Кого ненавидитъ.

Суворинъ и Чеховъ

Умеръ любимый. Письма умершаго читаетъ любящій и узнаетъ его вину передъ собою, свою—передъ нимъ. Но поздно: уже нельзя простить и быть прощеннымъ. Непоправимое, неискупимое. Какъ бы вторая смерть, болѣе страшная.

Такое чувство мы испытываемъ, читая письма Чехова къ Суворину.

Суворинъ и Чеховъ—соединеніе противоестественное: самое грубое и самое нѣжное. Пусть въ суворинскихъ злыхъ дѣлахъ Чеховъ неповиненъ, какъ младенецъ; но вотъ чортъ съ младенцемъ связался. Мы знали объ этомъ, но не хотѣли знать, старались не видѣть, закрывали глаза. Но увидѣли. И что намъ съ этимъ дѣлать? Какъ быть? Принять, какъ неизбѣжное? Соединить Суворина съ Чеховымъ въ вѣчности, такъ же, какъ соединялись они во времени? Любишь кататься,—люби саночки возить: чеховское катанье, суворинскія саночки?

Нѣтъ, страшно. И всего страшнѣе то, что эта связь не житейская, не случайная, не внѣшняя, а внутренняя, необходимая, метафизическая.

«Ахъ, поскорѣй бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ!»—вздыхаетъ Чеховъ. Стари-

чокъ—Суворинъ. Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться Суворинымъ!

Л. Толстой родилъ Чехова? Нѣтъ, не Толстой, а Суворинъ. Отъ Толстого Чеховъ отрекается, выдаетъ его съ головой Суворину.

«Я читалъ «Послѣсловіе» («Крейцеровой сонаты»). Убейте меня, но это глупѣе и душнѣе, чѣмъ «Письма къ губернаторшѣ» (Гоголя), которыя я презираю. Чортъ бы побралъ философію великихъ міра сего! Всѣ великіе мудрецы деспотичны, какъ генералы, и невѣжливы и неделикатны, какъ генералы, потому что увѣрены въ безнаказанности. Діогенъ плевалъ въ бороды, зная, что ему за это ничего не будетъ; Толстой ругаетъ докторовъ мерзавцами и невѣжничаетъ съ великими вопросами, потому что онъ—тотъ же Діогенъ, котораго въ участокъ не поведешь и въ газетахъ не выругаешь».

Толстой—невѣжда, варваръ, деспотъ, а Суворинъ—человѣкъ свободный, просвѣщенный.

«Я вамъ завидую... Я бы хотѣлъ теперь ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ. Увы! Никогда я не буду толстовцемъ! Въ женщинахъ я, прежде всего, люблю красоту, а въ исторіи человѣчества—культуру, выражающуюся въ коврахъ, рессорныхъ экипажахъ и остротѣ мысли».

Когда Розановъ утверждаетъ («Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову», 1913), что Суворинъ «ближе къ Богу», чѣмъ Толстой, это неудивительно. Но когда почти то же дѣлаетъ Чеховъ, это болѣе чѣмъ удивительно.

«Никого не хочу, кромѣ васъ, ибо съ вами только и можно говорить. Плещеева къ чорту!»... И Толстого къ чорту,—всѣхъ къ чорту, кромѣ Суворина.

Кто изъ нихъ любитъ, и кто позволяетъ себя любить? Позволяетъ Суворинъ, любитъ Чеховъ. Ничего не нужно ему отъ любимаго,—никакой корысти и выгоды. Суворинъ самъ по себѣ хорошъ, обаятеленъ.

«Сотрудничество въ «Новомъ Времени» не принесло мнѣ, какъ литератору, ничего, кромѣ зла. Тѣ отличныя отношенія, какія у меня существуютъ съ Суворинымъ, могли бы существовать и помимо моего сотрудничества въ его газетѣ... Ахъ, какъ я завертѣлся!»

Завертѣлся, запутался, но ясно одно въ этой путаницѣ: любовь къ Суворину. Въ самыя трудныя минуты прибѣгаетъ къ нему за помощью, кается ему, какъ отцу духовному, и вѣритъ, что онъ поддержитъ, спасетъ, распутаетъ.

Житейская помощь его сомнительна. Заграничная поѣздка съ Суворинымъ втянула Чехова въ долги. Онъ цѣлые годы выплачивалъ ихъ и все не могъ выплатить. «Знаете, сударь? Вѣдь, я вамъ еще долженъ 170 рублей! Вамъ лично, помимо газеты. Къ веснѣ расплачусь». А самъ сидитъ безъ гроша. «Надо въ Питеръ ѣхать, а у меня даже на билетъ нѣтъ... Просто хоть караулъ кричи!»

Суворинъ готовъ простить долгъ, снять петлю съ шеи друга. Но самъ Чеховъ этого не хочетъ. Пишетъ фельетоны въ «Новомъ Времени», по 15-ти копеекъ за строчку, рядомъ съ Буренинымъ, Бѣжецкимъ, Жителемъ. Работаетъ, какъ каторжный, а Суворинъ все-таки оказывается благодѣтелемъ. «Въ отношеніи денегъ и услугъ вы такой джентльменъ, какимъ я никогда не буду, потому что не сумѣю».

Чеховъ гордится Суворинымъ, какъ ученикъ—учителемъ, какъ сынъ—отцомъ. Однажды въ редакціи «Русскихъ Вѣдомостей» случилось ему заговорить о

немъ. «Памятуя о партійности, направленіяхъ и т. п., я, признаться, ожидалъ нѣкоторыя натянутости, но вышло совсѣмъ не то... Они называли васъ не Суворинымъ, а Алексѣемъ Сергѣевичемъ, говорили о вашей всегдашней искренности, добротѣ, отзывчивости и проч.».

«Голубчикъ», обращенное къ Суворину, не пустое слово въ устахъ Чехова; это ласка, почти влюбленная.

Самъ боленъ. «Кашляю неистово и сталъ худъ, какъ копченая стерлядь». Но лѣчиться не хочетъ. Суворинъ здоровъ, какъ быкъ. А Чеховъ все-таки лѣчитъ его, лелѣетъ, балуетъ, кутаетъ. «Одѣвайтесь возможно теплѣе, даже въ комнатѣ... Сквозняковъ избѣгайте... Ведите себя, какъ парниковое растеніе... Блюдите, чтобы запоровъ не было». Говорятъ, Александръ I собственноручно ставилъ промывательныя своему «сердечному другу», Аракчееву; такъ и Чеховъ—Суворину.

Всегда недовольный собой, какъ художникомъ, утѣшается Суворинымъ. «Я люблю ваши разсказы, потому что въ нихъ есть что-то такое, чего ни у кого нѣтъ. Что-то умилительное».

Глаза у него зоркіе, но стоитъ ему взглянуть на Суворина, чтобы ослѣпнуть, какъ слѣпнутъ влюбленные. «Какое великолѣпное вышло у васъ «Маленькое письмо»! Горячо и красиво написано, и мысли всѣ до одной вѣрны». Вдохновляется творчествомъ его, хотѣлъ бы творить вмѣстѣ. «Давайте, напишемте два-три разсказа: я—начало, вы—конецъ». Только счастливому случаю обязаны мы тѣмъ, что не увидѣли помѣси чеховской музы съ суворинской.

Въ лицѣ «голубчика», даже на глаза влюбленные, нѣтъ-нѣтъ—да и мелькнетъ что-то звѣриное, лѣшее.

Такъ, по поводу «Маленькаго письма» о Вл. Соловьевѣ: «Неожиданно пахнуло на меня жестокостью... Это такая гордыня, что мнѣ даже жутко стало»...

Но мелькнетъ, пропадетъ,—и влюбленный еще влюбленнѣе. «Мнѣ страстно хочется поговорить съ вами. Душа у меня кипитъ. Никого не хочу, кромѣ васъ».

О чемъ же онъ съ нимъ говоритъ? О любви къ Россіи. «Какъ дурно мы понимаемъ патріотизмъ! Пьяный, истасканный забулдыга-мужъ любитъ свою жену и дѣтей, но что толку отъ этой любви? Мы, говорятъ въ газетахъ, любимъ нашу великую родину, но въ чемъ выражается эта любовь? Вмѣсто знаній—нахальство и самомнѣніе, вмѣсто труда—лѣнь и свинство, справедливости нѣтъ»... Говорить съ Суворинымъ о любви къ Россіи,—говорить о веревкѣ въ домѣ повѣшеннаго. Кто же этотъ «пьяный забулдыга-мужъ», какъ не онъ самъ?

«Ахъ, какъ я люблю этотъ юморъ!—пишетъ Суворинъ В. Розанову.—Все къ чорту, все трынъ-трава!.. Изъ кабака прямо въ церковь, а изъ церкви прямо въ кабакъ».

— «Пріѣдешь въ Россію,—говаривалъ онъ тому же В. Розанову,—грязь, соръ, вонь, неудобства. Поживешь недѣли двѣ,—махнешь рукой: ничего,—привыкнешь и не чувствуешь».

«Русь, какъ стоитъ,—пусть стоитъ!» Хотя бы свинья-свиньей. Любовь къ Россіи—любовь къ «Свиньѣ-матушкѣ».

И Чеховъ—туда же.

Какое-то навожденіе, злая чара, колдовство проклятое, напоминающее сказку о «Лѣсномъ царѣ».

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглой?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой...
«Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ»?
— Родимый, лѣсной царь въ глаза мнѣ сверкнулъ...

«Хладная мгла»—«русскія потемки», какъ опредѣляетъ самъ Чеховъ безвременье 90-хъ годовъ, изъ котораго онъ вышелъ; вышелъ и Суворинъ.

«Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой».
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой...

Туманъ, рождающій призраки, нечисть, колдовство проклятое.

«Меня окружаетъ густая атмосфера злого чувства, крайне неопредѣленнаго и для меня непонятнаго. Меня кормятъ обѣдами и поютъ мнѣ пошлые диѳирамбы—и въ то же время готовы меня съѣсть. За что? Чортъ ихъ знаетъ. Если бы я застрѣлился, то доставилъ бы этимъ большое удовольствіе девяти десятымъ своихъ друзей и почитателей... Все это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плѣсень».

Плѣсень болотная,—въ нее-то и тянетъ, засасываетъ его лѣшій-Суворинъ. И Чеховъ знаетъ, что нѣтъ спасенія, и уже не борется, а только тихо стонетъ:

«Ахъ, подруженьки, какъ скучно! Если я врачъ, то мнѣ нужны больные и больница; если я литераторъ, то мнѣ нужно жить среди народа, а не на Малой Дмитровкѣ съ мангустомъ (животное, которое онъ привезъ съ Цейлона). Нуженъ хоть кусочекъ общественной и политической жизни, хоть маленькій кусочекъ, а эта жизнь въ четырехъ стѣнахъ, безъ природы, безъ людей, безъ отечества, безъ здоровья и аппетита, это—не жизнь, а какой-то... и больше ничего».

Безконечная покинутость, отверженность, оброшенность, одиночество, какъ нѣкогда у Пушкина: «Чортъ меня догадалъ родиться въ Россіи съ умомъ и талантомъ!» Лѣсная дебрь, лѣсная темь.

Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ;
Обнявъ его, держитъ и грѣетъ старикъ.

Плохо грѣетъ: не согрѣетъ отъ «хладной мглы», отъ лѣшей нечисти.

Тутъ наша вина передъ Чеховымъ,—вина русскаго общества. Но не только наша,—тутъ и его вина или, по крайней мѣрѣ, слабость, немощь.

Чѣмъ соблазнилъ его Суворинъ?

«Дитя, оглянися; младенецъ, ко мнѣ;
Веселаго много въ моей сторонѣ:
Цвѣты бирюзовы, жемчужны струи,
Изъ золота слиты чертоги мои»...

«Я вамъ завидую... Я бы хотѣлъ ковровъ, камина, бронзы и ученыхъ разговоровъ... Ахъ, поскорѣе бы сдѣлаться старичкомъ и сидѣть бы за большимъ столомъ!».

Это—соблазнъ внѣшній; онъ силенъ, но есть и другой, сильнѣйшій, внутренній.

Правдивость—главное свойство Чехова.

Тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже
Насъ возвышающій обманъ,—

вотъ чего никогда не сказалъ бы онъ: самая низкая истина для него дороже всѣхъ обмановъ возвышающихъ. Ко всякой неправдѣ онъ безконечно, болѣзненно чувствителенъ. Какъ сейсмографъ—на малѣйшія колебанія почвы за тысячи верстъ, сердце его отзывается

на всякую ложь. «Блаженны алчущіе и жаждущіе правды»,—это о такихъ, какъ онъ, сказано. Блаженны т а м ъ, а з д ѣ с ь несчастны: какъ-будто кожа съ нихъ содрана, и ложь на душу—какъ соль на рану.

Суворинъ безстыденъ, грязенъ, грубъ, но не лживъ, не «идеаленъ», не отвлеченъ.

«Если бы мнѣ предложили на выборъ что-нибудь изъ двухъ: идеалы знаменитыхъ 60-хъ годовъ или самую плохую земскую больницу настоящаго, то я, не задумываясь, взялъ бы вторую»,—говоритъ Чеховъ.

Отъ идеализма къ реализму, отъ созерцанія къ дѣйствію, отъ возвышающихъ обмановъ къ низкой истинѣ, отъ того, что кажется, къ тому, что есть,—таковъ соблазнъ Суворина.

Въ 1891 году въ «Новомъ Времени» напечатанъ фельетонъ Кисляева-Чехова. Святыя когда-то, а, можетъ быть, и теперь еще святыя слова: «идеалы, честность, убѣжденія»—здѣсь втоптаны въ грязь. И въ заключеніе, Кисляевъ, идеалистъ 60-хъ годовъ, произноситъ надъ собою приговоръ безжалостный: «Я—гнилая тряпка, дрянь, кислятина, московскій Гамлетъ. Тащите меня на Ваганьково!» Или, какъ сказалъ ему одинъ «реалистъ» 90-хъ годовъ, не тотъ же ли Суворинъ: «Возьмите вы кусокъ телефонной проволоки, и повѣсьтесь вы на первомъ попавшемся телеграфномъ столбѣ! Больше вамъ ничего не остается дѣлать!»

Таковъ приговоръ Чехова-Суворина. Надъ кѣмъ? Только ли надъ «московскимъ Гамлетомъ», Кисляевымъ, изболтавшимся до самоубійства дядей Ваней, «живымъ трупомъ», или также надъ живыми людьми, идеалистами 80-хъ, 90-хъ годовъ, Михайловскимъ, Успенскимъ, Гаршинымъ и надъ ихъ предтечами—Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ, Некрасовымъ? Неужели

же ничего не осталось отъ нихъ, кромѣ «гнилой тряпки«, Кисляева, «интеллигентной падали», какъ выразился однажды Суворинъ?

Ему-то все это—какъ масломъ по сердцу. Вотъ за что онъ и любитъ Чехова:

«Дитя, я плѣнился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой»!

Чеховъ—оправданіе Суворина.

— «Пусть я плохъ,—могъ бы онъ сказать русскому обществу,—но вотъ и лучшій изъ васъ, тоже со мной. Раздѣлите-ка насъ, попробуйте!»

Да, тутъ роковая ошибка, опять-таки если не вина Чехова, то слабость, немощь его. Ложь въ идеализмѣ 60-хъ годовъ онъ чувствуетъ, но не сознаетъ, въ чемъ ложь, потому что не сознаетъ, въ чемъ правда. Правда въ освобожденіи Россіи. Пока оно не совершилось, эта правда не можетъ сдѣлаться ложью, умереть, а можетъ только скрыться, уйти въ подполье. Такое подполье—революціонное народничество 70-хъ, 80-хъ, 90-хъ годовъ,—подлинный реализмъ, огненная дѣйственность русскаго освобожденія. Правда ушла въ подполье, а наверху, въ русской обывательщинѣ, въ «русскихъ потемкахъ», изъ которыхъ и вышелъ Чеховъ, остался идеализмъ отвлеченный, безкровный, безплотный, безогненный. Несоленая соль, невозвышающій обманъ. «Честно, но скучно»; идеально, но бездарно.

Ужъ полно, не лучше ли всѣхъ идеаловъ плохенькая земская больница, хотя бы имени Суворина?— Нѣтъ, не лучше. Суворинская больница хуже, чѣмъ публичный домъ; суворинская церковь хуже, чѣмъ кабакъ.

Ошибка Чехова — ошибка 90-хъ годовъ — отказъ отъ освобожденія, примиреніе съ дѣйствительностью, обывательщина, суворіновщина.

Отказъ отъ освобожденія—отказъ отъ религіи. Нигилизмъ общественный, нигилизмъ религіозный—вмѣстѣ. Недаромъ Чеховъ проходитъ не только мимо революціоннаго народничества 80-хъ, 90-хъ годовъ, но и мимо народничества религіознаго тѣхъ же годовъ, Л. Толстого и Достоевскаго (о Достоевскомъ даже не вспомнилъ ни разу въ «Письмахъ», какъ будто его вовсе не было).

У Суворина нѣтъ лжи въ словахъ, но ложь въ дѣлахъ; онъ весь—воплощенная ложь, обманъ, туманъ надъ водой.

«Онъ въ темной коронѣ, съ густой бородой»
— О, нѣтъ, то бѣлѣетъ туманъ надъ водой.

Онъ существуетъ, но не дѣйствителенъ. Лучше Кисляевъ, дядя Ваня, который уничтожаетъ себя, чѣмъ Суворинъ, который утверждаетъ себя, какъ единственную русскую дѣйствительность. «Все къ чорту, все трынъ-трава!»—развѣ это дѣйствительность? «Пріѣдешь въ Россію,—грязь, соръ, вонь... Проживешь недѣли двѣ,—махнешь рукой: ничего,—привыкаешь и не чувствуешь». И не только не чувствуешь, но и полюбишь, благословишь грязную, сорную, вонючую Россію—«Свинью-матушку».

«Суворинъ поклонился пыли»,—говоритъ В. Розановъ («Письма А. С. Суворина къ В. В. Розанову»).

Пыль—сухая грязь; грязь—мокрая пыль, часто, именно у насъ, въ Россіи, отъ крови человѣческой мокрая. Суворинъ поклонился этой кровавой грязи. Неужели же и Чеховъ съ нимъ?

А если нѣтъ, то какъ же не увидѣлъ онъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло? Можетъ быть, и увидѣлъ, но поздно.

Два письма его отъ 1892 года, 25-го ноября и 3-го декабря (IV т. «Писемъ»),—двѣ ослѣпляющія молніи въ «русскихъ потемкахъ». Эти четыре страницы даютъ заглянуть въ сердце его едва ли не глубже всего остального, что онъ написалъ.

«Я угостилъ васъ сладкимъ лимонадомъ, и вы, отдавая должное лимонаду, справедливо замѣчаете, что въ немъ нѣтъ спирта,—пишетъ онъ Суворину по поводу «Палаты № 6».—Въ нашихъ произведеніяхъ нѣтъ именно алкоголя, который бы пьянилъ и порабощалъ... Отчего нѣтъ?.. Будемъ говорить объ общихъ причинахъ, и давайте захватимъ цѣлую эпоху... Причины тутъ не въ глупости нашей, не въ бездарности... а въ болѣзни, которая для художника хуже сифилиса и полового истощенія. У насъ нѣтъ чего-то, это справедливо... Вспомните, что писатели, которыхъ мы называемъ вѣчными или даже просто хорошими, и которые пьянятъ насъ, имѣютъ одинъ общій и весьма важный признакъ: они куда-то идутъ и васъ зовутъ туда же, и вы чувствуете не умомъ, а всѣмъ существомъ, что у нихъ есть цѣль. У однихъ, смотря по калибру, цѣли ближайшія—крѣпостное право, освобожденіе родины, политика, красота или просто водка, какъ у Д. Давыдова; у другихъ—цѣли отдаленныя—Богъ, загробная жизнь, счастье человѣчества и т. п. Лучшіе изъ нихъ реальны и пишутъ жизнь такою, какъ она есть; но оттого, что каждая строка пропитана, какъ сокомъ, сознаніемъ цѣли, вы, кромѣ жизни, какая есть, чувству-

ете еще ту жизнь, какая должна быть, и это плѣняетъ васъ. А мы? Мы! Мы пишемъ жизнь такою, какъ она есть, а дальше ни тпру, ни ну... Дальше хоть плетьми насъ стегайте. У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей, и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ, Бога нѣтъ... Кто ничего не хочетъ, ни на что не надѣется и ничего не боится, тотъ не можетъ быть художникомъ... Я уменъ, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы не скрывать отъ себя своей болѣзни и не лгать себѣ, и не прикрывать своей пустоты чужими лоскутьями въ родѣ идей 60-хъ годовъ, и т. п. Я не брошусь, какъ Гаршинъ, въ пролетъ лѣстницы, но и не стану обольщать себя надеждами на лучшее будущее. Не я виноватъ въ своей болѣзни и не мнѣ лѣчить себя»...

Да, виноватъ не онъ. Кто же? Мы всѣ. «Въ революцію мы не вѣримъ, Бога у насъ нѣтъ»,—можетъ быть, не случайно для самого Чехова это соединеніе Бога съ революціей, а для насъ оно не случайно навѣрное.

Идеалисты 1905 года, такъ же какъ идеалисты 60-хъ годовъ, мы повѣрили въ общественность. И вотъ, такъ же, какъ они, перестали вѣрить; и опять «у насъ нѣтъ чего-то», опять «дальше ни тпру, ни ну, хоть плетьми насъ стегайте», опять вино сдѣлалось уксусомъ. Къ идеализму 1905 года мы относимся такъ же, какъ Чеховъ—къ идеализму 60-хъ годовъ. Старый опытъ повторяется. Неужели безъ пользы? О, если бы только безъ пользы!

Не потому ли мы перестали вѣрить, что не до конца вѣрили? И не потому ли не до конца вѣрили, что вѣра въ Бога и есть конецъ—конецъ и начало всѣхъ вѣръ? Вѣра была у насъ; можетъ быть, и сей-

часъ вѣра есть, но нѣтъ религіи, потому что религія есть сознаніе вѣры, исповѣданіе Бога.

Второе письмо—по поводу г-жи С., которой Суворинъ показалъ письмо Чехова, и которая обвинила его въ «неискренности».

«Если вамъ хочется неискренности, то въ письмѣ С. ея милліонъ пудовъ»... «Цѣль жизни, это—сама жизнь». Или: «Я вѣрю въ жизнь, въ ея свѣтлыя минуты, ради которыхъ не только можно, но и должно жить; вѣрю въ человѣка, въ хорошія стороны его души», и т. д. Неужели это искренно и значитъ что-нибудь? Это—не воззрѣніе, а монпасье. Она подчеркиваетъ «можно» и «должно», потому что боится говорить о томъ, что есть. Пусть она сначала скажетъ, что̀ есть, а потомъ ужъ я послушаю, что̀ можно и что̀ должно. Она вѣритъ «въ жизнь», а это значитъ, что она ни во что не вѣритъ, если она умна, или же попросту вѣритъ въ мужицкаго Бога и крестится въ потемкахъ, если она баба».

«Подъ вліяніемъ ея письма вы пишете мнѣ о «жизни для жизни». Покорно васъ благодарю. Вѣдь, ея жизнерадостное письмо въ 1,000 разъ больше похоже на могилу, чѣмъ мое. Я пишу, что нѣтъ цѣлей, и вы понимаете, что эти цѣли я считаю необходимыми и охотно бы пошелъ искать, а С. пишетъ, что не слѣдуетъ манить человѣка всякими благами, которыхъ онъ никогда не получитъ... «Цѣни то, что есть», и, по ея мнѣнію, вся наша бѣда въ томъ, что мы все ищемъ какихъ-то высшихъ и отдаленныхъ цѣлей. Если это не бабья логика, то, вѣдь, это—философія отчаянія. Кто искренно думаетъ, что высшія и отдаленныя цѣли человѣку нужны такъ же мало, какъ коровѣ, что въ этихъ цѣляхъ «вся наша бѣда», тому остается кушать, пить, спать,

или, когда это надоѣстъ, разбѣжаться и хватить лбомъ объ уголъ сундука».

Чеховъ этого не сдѣлалъ,—не бросился въ пролетъ лѣстницы, какъ Гаршинъ, не разбилъ себѣ голову камнемъ, какъ сумасшедшій Успенскій. Но уже понялъ или почти понялъ, что это—смерть, та «вторая смерть», отъ которой нѣтъ воскресенія. Понялъ или почти понялъ, что такое Суворинъ, и все-таки идетъ къ нему, потому что итти больше некуда. Идетъ и слышитъ издали чавканье, хрюканье «Свиньи-матушки»: «Я люблю этотъ юморъ,—все къ чорту, все трынъ-трава! Изъ кабака прямо въ церковь, а изъ церкви—прямо въ кабакъ!» И вдругъ самъ начинаетъ подхрюкивать: «Та-ра-ра-бумбія, сижу на тумбѣ я... Черезъ двѣсти, триста лѣтъ какая будетъ жизнь на землѣ!»

Да, Чеховъ понялъ или почти понялъ Суворина (въ этомъ «почти» весь ужасъ его). Но Суворинъ такъ и не понялъ Чехова. А если бы понялъ, то, можетъ быть, зааукалъ бы, загоготалъ на всю лѣсную дебрь:

— А, голубчикъ, попался! Узналъ, кто я,—ну, и знай! А я тебя не выпущу!

Неволей иль волей, а будешь ты мой!

Это—послѣдній ужасъ, послѣдняя судорога младенца въ лапахъ Лѣшаго. Онъ уже почти увидѣлъ лицо его звѣриное, но все еще не хочетъ видѣть. А звѣрь давитъ, душитъ его.

«Я продолжаю тупѣть, дурѣть, равнодушѣть и чахнуть». Суворинъ—чахотка, смерть Чехова: онъ его родилъ, онъ его убилъ.

«Ужъ вотъ онъ: мнѣ душно, мнѣ тяжко дышать»...
Ѣздокъ оробѣлый не скачетъ, летитъ;
Младенецъ тоскуетъ, младенецъ кричитъ.

Ѣздокъ погоняетъ, ѣздокъ доскакалъ...
Въ рукахъ его мертвый младенецъ лежалъ.

Мертвый Чеховъ. И наша любовь къ нему—любовь къ мертвому? Нѣтъ, къ живому. Оживить Чехова значитъ отдѣлить его отъ Суворина, преодолѣть въ самомъ Чеховѣ чеховщину, суворинощину, обывательщину,—тѣ «русскія потемки», въ которыхъ онъ погибъ.

«Въ освобожденіе мы не вѣримъ, Бога у насъ нѣтъ». Обѣ вѣры мы потеряли вмѣстѣ и только вмѣстѣ найдемъ.

Вотъ что хочетъ намъ сказать живой, безсмертный Чеховъ.

Національнизмъ и религія

Недавно Меньшиковъ сдѣлалъ открытіе, что Іисусъ Христосъ—индѣйскій богъ. При этомъ, конечно, пострадали Ветхій и Новый Завѣты. Но на эти маленькія поврежденія стоило ли обращать вниманіе, въ виду прекрасной цѣли—снять съ христіанства позорное клеймо—еврейство, или, какъ любитъ говорить Меньшиковъ, «жидовство» Іисуса Христа?

Архіепископъ Антоній Волынскій не понялъ добрыхъ намѣреній Меньшикова и возмутился.

«Конечно, среди русской публики, превосходящей своимъ невѣжествомъ въ Священномъ Писаніи всѣ народы, можно городить какую угодно чушь.—Прошу читателей не вѣрить, — нѣсколько наивно заключаетъ архіепископъ,—прошу повѣрить мнѣ, какъ бывшему профессору Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта»... Писатели, подобные Меньшикову, по мнѣнію архіепископа Антонія, только «морочатъ честной народъ» («Письмо» арх. Антонія въ редакцію «Колокола»).

Меньшиковъ — націоналистъ, арх. Антоній — тоже націоналистъ. Оба они считаютъ православіе оплотомъ русскаго «націонализма», и вотъ одинъ доказываетъ,

что Іисусъ Христосъ—не «жидъ»; другой возражаетъ, что Онъ, во всякомъ случаѣ, не индѣйскій богъ, а православіе остается незыблемымъ, продолжая объединять обоихъ противниковъ въ защитѣ «національнзма».

Но главнаго арх. Антоній все-таки не понялъ. Когда Меньшиковъ «городитъ чушь», то онъ хорошо знаетъ, что дѣлаетъ, и тутъ не простое невѣжество.

Не простое невѣжество и въ той «чуши», которую «нагородилъ» онъ (прошу извиненія, что пользуюсь неучтивыми выраженіями арх. Антонія) о еврейскомъ вопросѣ, по поводу нашего письма (Поликсены Соловьевой, З. Гиппіусъ, Д. Философова и моего).

Надо быть благодарнымъ нововременскимъ «націоналистамъ». Ежели до сихъ поръ не для всѣхъ былъ ясенъ религіозный смыслъ «національнзма», то теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это—атеизмъ, нигилизмъ чистѣйшей воды.

Добрые старые нигилисты зажигали папиросы о лампадку передъ образомъ; нынѣшніе—затепливаютъ ту-же лампадку передъ тѣмъ же образомъ, только съ Ликомъ Господнимъ, перемалеваннымъ въ индѣйскаго бога.

Перерожденіе «національнзма» въ нигилизмъ отнюдь не случайно, а логически неизбѣжно. Утверждать, во имя любви къ своему народу, какъ это дѣлаетъ А. Столыпинъ (и Меньшиковъ съ нимъ соглашается), что другой народъ—«звѣрь», «паукъ», «поддѣлка на человѣчество», «чортова кукла», ядовитая гадина, которую надо стереть съ лица земли,—значитъ, утверждать «національнзмъ», какъ открытое и всенародное человѣконенавистничество, человѣкоубійство. Всякій человѣкоубійца есть богоотступникъ, безбожникъ въ высшей степени. Какъ человѣкъ, такъ народъ: для

того, чтобы видѣть въ другомъ народѣ лицо звѣря, самъ онъ долженъ озвѣрѣть, утратить лицо человѣческое. «Націонализмъ» и есть призывъ къ звѣрству. Русскихъ людей увѣряютъ, что они и евреи—два паука въ банкѣ: одинъ другого съѣстъ. И весь вопросъ, кто кого.

«Истину говорю во Христѣ, не лгу, свидѣтельствуетъ мнѣ совѣсть моя въ Духѣ Святомъ: я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, то есть, Израильтянъ, которымъ принадлежитъ и усыновленіе, и слава, и завѣты, и законоположеніе, и богослуженіе, и обѣтованія; ихъ и отцы, и отъ нихъ Христосъ по плоти. (Рим., IX, 1—5). Это говоритъ тотъ самый апостолъ Павелъ, который оторвалъ христіанство отъ еврейства и сдѣлалъ его вселенскимъ. А въ Откровеніи Іоанновомъ перечисляются всѣ двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, запечатлѣнныхъ печатью Бога Живого (Откр., II, 2—8).

Можно бы спросить Столыпина: если всѣ евреи—не люди, а «звѣри», «пауки», «чертовы куклы», то какъ же апостолъ Павелъ желаетъ быть отлученнымъ отъ Христа за этихъ «чертовыхъ куколъ»? Можно бы спросить Меньшикова: если «жиды прокляты за то, что Христа распяли», то не благословенны ли мы, христіане, каждый день Его распинающіе?

Но въ религіи съ «націоналистовъ» спрашивать нечего.

Я никогда не забуду, какъ однажды въ Венеціи, въ соборѣ св. Марка, А. С. Суворинъ въ присутствіи А. П. Чехова, въ полушутливомъ разговорѣ со мной о безсмертіи, воскликнулъ съ простодушіемъ и лукавствомъ неподражаемымъ: «А кто его знаетъ, есть ли Богъ!»

На тотъ же вопросъ одинъ босяцкій философъ у

Горькаго отвѣчаетъ: «если хочешь, есть; если хочешь, нѣтъ». Босяцкій нигилизмъ—душа «націонализма».

Люди эти могутъ искренно утверждать православіе, какъ русскій стиль—кустарныя издѣлія, пѣтушки на избахъ, старинныя вышивки на полотенцахъ. И разумѣется, такое «потѣшное» христіанство не мѣшаетъ ни еврейскимъ погромамъ, ни смертнымъ казнямъ, никакому вообще звѣрству, какъ тѣ молебны, которые иногда служатъ благочестивыя содержательницы публичныхъ домовъ, не мѣшаютъ происходящему въ этихъ домахъ.

Но можно ли съ такими людьми серьезно говорить о религіи?

Вотъ въ чемъ главная трудность борьбы съ «націонализмомъ». Съ нимъ нельзя бороться оружіемъ мысли, потому что въ немъ самомъ нѣтъ мысли. Современные «націоналисты»—выродки покойныхъ славянофиловъ: у тѣхъ была мысль.

— «Не православный не можетъ быть русскимъ...

— «Я полагаю, что это славянофильская мысль.

— «Нѣтъ, нынѣшніе славянофилы отъ нея откажутся. Нынче народъ поумнѣлъ... Богъ есть синтетическая личность всего народа... Никогда еще не было, чтобы у всѣхъ или многихъ народовъ былъ одинъ общій Богъ, но всегда и у каждаго былъ особый... Всякій народъ до тѣхъ поръ только и народъ, пока имѣетъ своего бога особаго, а всѣхъ остальныхъ на свѣтѣ боговъ исключаетъ безъ всякаго примиренія; пока вѣруетъ, что своимъ богомъ побѣдитъ и изгонитъ изъ міра всѣхъ остальныхъ боговъ... Единый народъ «богоносецъ»—это русскій народъ»,—говоритъ Шатовъ Ставрогину въ «Бѣсахъ» Достоевскаго.

Мы знаемъ всемірно-историческій выводъ изъ

этой мысли: когда чужіе боги не покоряются единому Богу, то народы вмѣстѣ со своими богами подлежатъ истребленію мечемъ и огнемъ. Это главная мысль ветхозавѣтнаго еврейства и всего вообще семитства (Исламъ впослѣдствіи возродилъ ту же мысль): «разумѣйте, языци, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ». Арійское язычество (Римъ, какъ «миръ всего міра», не истребляющій, а соединяющій народы) и затѣмъ христіанство преодолѣло эту семитскую мысль. Если правъ Шатовъ, что «никогда еще не было, чтобы у многихъ народовъ былъ общій Богъ»,—то, значитъ, никогда не было христіанства. Но оно б ы л о. И чтобы вернуться къ ветхозавѣтному еврейству, надо отречься отъ христіанства.

Для славянофила Шатова—это трагедія; для нынѣшнихъ славянофиловъ, «націоналистовъ»—это водевиль. Давно уже научились они «готовить соусъ изъ зайца, не имѣя зайца»,—утверждать народъ «богоносецъ», не имѣя Бога.

Кто убилъ?

Въ судѣ надъ Бейлисомъ опять Россія раздѣлилась на двое: «они» и «мы».

Для нихъ и для «насъ» загорѣлось вѣщее знаменіе хотя и съ двумя разными, противоположными значеніями: для «нихъ» младенецъ-мученикъ, Андрюша Ющинскій, невинная жертва—вся христіанская Россія, весь христіанскій міръ, терзаемый, распинаемый «жидами», кроткій агнецъ, безгласный въ рукахъ палачей; а мучитель Бейлисъ, съ ножомъ въ рукахъ, источающій кровь изъ младенца—проклятый «жидъ», Вѣчный Жидъ, тотъ самый, который тогда, передъ судилищемъ Пилата, кричалъ: «Распни Его! Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»,—весь еврейскій народъ. Вотъ почему и этотъ судъ имѣетъ для нихъ міровое значеніе: весь міръ ждетъ, кого осудятъ, кого оправдаютъ.

Ожиданіе напрасное, потому что обвинительный актъ, признавая ритуальное убійство, тѣмъ самымъ произнесъ уже приговоръ до рѣшенія суда. Все-равно, убилъ или не убилъ еврей Бейлисъ: если и не убилъ, то тѣмъ хуже для васъ, евреи; значитъ вы всѣ убійцы Невиннаго; кровь Его на васъ и на дѣтяхъ вашихъ!

Преосвященный Сергій, архіепископъ финляндскій защищаетъ евреевъ двусмысленно: м о ж е т ъ б ы т ь,

и есть у нихъ ритуальное убійство; но это ничего не значитъ, — только бы покаялись, Богъ проститъ. Ученый профессоръ духовной академіи Бронзовъ столь же двусмысленно киваетъ на всю еврейскую нравственность («Завѣтъ Гиллеля»): можетъ ли быть что-нибудь доброе изъ Назарета? А «тайновидецъ» Розановъ уже совсѣмъ недвусмысленно выводитъ ритуальное убійство изъ обрѣзанія, изъ глубочайшей религіозной сущности Израиля.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое «ритуальное убійство»? Человѣческое жертвоприношеніе. Но религія, изъ которой могла (хотя бы только могла) возникнуть такая чудовищность, есть религія Молоха, Бога-Человѣкоубійца,—не Бога, а Дьявола. Неимовѣрный выводъ, дѣйствительно, «мірового значенія»!

«Есть вещи, есть храмы, которыхъ нельзя разрушать!» — восклицаютъ о н и же («Кіевлянинъ»), какъ будто не знаетъ кошка, чье мясо съѣла. Поздно хватились. Сами все разрушили, такъ что не осталось камня на камнѣ,—и вотъ: «нельзя разрушать». Слова эти на нихъ же обратятся. Да, есть святыни, надъ которыми нельзя кощунствовать: кощунство надъ святыней іудейства, надъ Ветхимъ Завѣтомъ, есть кощунство и надъ святыней христіанства—надъ Завѣтомъ Новымъ, ибо это два Завѣта Бога единаго. Христіанство—исполненіе Израиля. Что тамъ предсказано, то здѣсь исполнено. Кощунство надъ Израилемъ есть кощунство надъ П л о т ь ю Христа, ибо Плоть Христа и есть Израиль. Спасеніе—отъ іудеевъ. Мы всѣ во Христѣ «обрѣзаны», мы всѣ—во Христѣ іудеи. Божья воля связала насъ съ ними, и никакая человѣческая воля не развяжетъ. Отрекаться отъ іудейства, значитъ отрекаться отъ христіанства. Если Богъ Израиля—Человѣкоубійца, не Богъ, а

Діаволъ (метафизическій выводъ кроваваго навѣта именно таковъ), то кто же Сынъ Божій—Христосъ?

Для того, чтобы отвергнуть ритуальное убійство, какъ обвиненіе юридическое, не нужно религіознаго сознанія; для этого достаточно простого научнаго знанія, простого нравственнаго чувства. Но обвиненіе это, по существу своему, не только юридическое, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, религіозное. И оправданіе должно быть религіознымъ. Чей же голосъ въ Россіи сейчасъ могъ бы произнести такое оправданіе? Ужъ, во всякомъ случаѣ, не голосъ церкви. И вотъ именно теперь больше чѣмъ когда-либо чувствуется беззащитность, безоружность нашей религіозной совѣсти и необходимость, неизбѣжность ея возстанія.

«Мірового» значенія, въ томъ смыслѣ, какъ думаютъ они, этотъ судъ не имѣетъ: для «міра» давно рѣшенъ вопросъ о кровавомъ навѣтѣ. Но для Россіи, дѣйствительно, то, что сейчасъ происходитъ, есть «міровое» униженіе, міровой позоръ.

Представьте себѣ такую возможность, хотя бы только возможность: настоящіе убійцы «истинно-русскіе» злодѣи-провокаторы уличены и сознались, что совершили убійство, чтобы навести кровь на весь еврейскій народъ; и вотъ, признавъ клевету, вся Россія становится сообщницей этого злодѣйства, наводитъ на себя кровь: «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ»!

Апостолъ Павелъ хотѣлъ быть «отлученнымъ отъ Христа для братьевъ своихъ по плоти», т. е. для евреевъ. А мы хотимъ быть отъ Христа отлученными изъ ненависти къ братьямъ нашимъ по духу, къ тѣмъ же евреямъ. Но горе намъ, если то, чего мы хотимъ, исполнится.

. . . . . .

Горькій и Достоевскій

Споръ Горькаго съ Достоевскимъ (изъ-за постановки «Бѣсовъ» на сценѣ московскаго Художественнаго театра) важенъ и поучителенъ. Общественное вниманіе не ошибалось: недаромъ около этого спора возникло столько печатнаго и разговорнаго шума. Когда шумъ умолкнетъ, останутся вопросы немолчные, вѣчные, ибо и самый споръ вѣченъ.

Въ соціалъ-демократической газетѣ «Новая Жизнь», издававшейся въ 1905 году, Горькій напечаталъ статью о Достоевскомъ и Л. Толстомъ. Смыслъ ея почти тотъ же, какъ и теперешнихъ обвиненій Горькаго противъ Достоевскаго: Достоевскій, Л. Толстой, вся русская художественная литература связана съ духомъ реакціи, противообщественна и, слѣдовательно, для Россіи пагубна.

Прошло восемь лѣтъ,—и сколько воды утекло, какъ все измѣнилось въ Россіи, какъ измѣнился русскій воздухъ, а Горькій повторяетъ почти тѣ же слова тѣмъ же голосомъ.

Горькій чутокъ: многое видитъ и слышитъ издали,—многое, но не все. Измѣнившагося воздуха какъ-

будто не чувствуетъ: чтобы почувствовать его, надо имъ дышать, а онъ давно не дышалъ.

«И Достоевскій великъ, и Толстой геніаленъ... но Русь и народъ ея значительнѣе, дороже Толстого, Достоевскаго и даже Пушкина, не говоря обо всѣхъ насъ». Не значитъ ли это: есть высшая цѣнность, которой можно принести въ жертву Толстого, Достоевскаго,— всю русскую литературу?

Да, можно. Освобожденіе Россіи дороже русской литературы. Если бы оказалось, что она противъ освобожденія, то не только можно, но и должно ею пожертвовать. Весь вопросъ въ томъ, дѣйствительно ли русская литература противъ освобожденія. Восемь лѣтъ назадъ Горькій отвѣчалъ рѣшительно: противъ; теперь —уже не такъ рѣшительно, но сущность отвѣта и теперь та же.

«Одинъ литераторъ говоритъ, что если бы я былъ министромъ, то сжегъ бы Достоевскаго. Министромъ я не надѣюсь быть, но все-таки считаю долгомъ заранѣе успокоить взволнованнаго писателя: если и буду, то не сожгу. Не сожгу, ибо русскую литературу люблю».

Успокоился ли «взволнованный писатель», — не знаю, но, прочтя отповѣдь Горькаго, я такъ и не понялъ, почему бы ему не сжечь Достоевскаго. «Я русскую литературу люблю»,—этого мало. Если бы не любилъ,—сжегъ бы; но вотъ любитъ и милуетъ. А причина милости, повторяю, остается неизвѣстною.

Достоевскій—«ярый шовинистъ, антисемитъ, основоположникъ зоологическаго націонализма, врагъ Запада». Въ изображеніяхъ Достоевскаго, «на горе наше», есть правда, но это—«правда Салтычихи, Аракчеева, тюремныхъ смотрителей и околоточныхъ надзирателей». Излюбленный герой Достоевскаго, Алеша Кара-

мазовъ—будущій В. Розановъ, «подвизающійся на поприщѣ цинизма». Иванъ Карамазовъ—вовсе «не глубокая совѣсть», а «словоблудникъ, Обломовъ, принявшій нигилизмъ ради удобствъ плоти и по лѣни»; его «непріятіе міра»—просто словесный бунтъ; жалость его—«сантиментальная ложь, противное лицемѣріе». Вообще, Достоевскій «создаетъ человѣка по образу и подобію дикаго и злого животнаго». Это—клевета на Россію, на все человѣчество. «Я считаю это (дѣйствіе Достоевскаго на читателей—зрителей) соціально вреднымъ»,—заключаетъ Горькій.

Достоевскій великъ; но великъ и вредъ, зло, которое онъ причиняетъ, и чѣмъ больше онъ, тѣмъ больше зло. А такъ какъ Россія все-таки дороже русской литературы, то, казалось бы, неизбѣженъ выводъ: уничтожить зло, уничтожить, сжечь Достоевскаго.

Почему же Горькій не дѣлаетъ этого вывода теперь, какъ сдѣлалъ его въ 1905 году?

Попытку «сожженія» онъ, впрочемъ, и теперь дѣлаетъ. А если она не удается, то не по его винѣ: тогда онъ подносилъ огонь къ сухимъ дровамъ, теперь—къ сырымъ.

Книги Достоевскаго онъ сохранилъ бы, не сжегъ, но театральную постановку его уничтожилъ бы. Если бы желаніе Горькаго исполнилось,—произошелъ взрывъ общественнаго негодованія,—то пришлось бы, пожалуй, дѣйствительно, снять постановку. Понятіе «сожженія» — иносказательное и, слѣдовательно растяжимое. Во всякомъ случаѣ, искра огня сжигающаго тлѣетъ все такъ же, и природа его все та же, какъ въ 1905 г., когда Горькій говорилъ ясно и просто: сжечь.

Въ былыя времена—осужденныя цензурой книги

сжигались. Вотъ почему довольно естественно у иныхъ противниковъ Горькаго возникла мысль о «цензурѣ».

Онъ находитъ, что слова о цензурѣ—«гаденькія и даже весьма постыдныя для тѣхъ, кто ихъ придумалъ». Можетъ быть, слова, въ самомъ дѣлѣ, неудачныя. Но смыслъ того, что хотѣли сказать люди, несогласные съ Горькимъ, ничего «постыднаго» въ себѣ не заключаетъ. Разумѣется, внѣшняя цензура правительственная, постыдна и отвратительна. Но, вѣдь, не о ней идетъ рѣчь, а объ утонченной, внутренней «цензурѣ нравовъ», censura morum, судѣ общественнаго мнѣнія, которое можетъ быть правымъ, но можетъ и ошибаться, стѣсняя свободу личную тамъ, гдѣ стѣснять ее вовсе не нужно. Соединеніе личной свободы съ общественной есть метафизическій предѣлъ, вѣчно достигаемый, но недостижимый.

Совершенная свобода—совершенная истина. «Познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными». Свобода—святость. Никто не святъ,—никто не свободенъ. Всѣ стѣсняютъ свою и чужую свободу. Дѣйствовать—значитъ двигаться, а двигаться—значитъ занимать чужое мѣсто, стѣснять другихъ. И чѣмъ шире, общественнѣе дѣйствіе, тѣмъ оно стѣснительнѣе. Вотъ почему величайшіе любители свободы общественной, такіе республиканцы, какъ Робеспьеръ, Кальвинъ, Кромвель, были страшно стѣснительны для свободы личной. Таковъ первородный грѣхъ человѣчества. Это грустно, но не постыдно. Постыдно только сознательное нежеланіе свободы, сознательное насиліе. А въ этомъ никто не обвиняетъ Горькаго; его лишь предостерегаютъ въ возможномъ безсознательномъ, нечаянномъ стѣсненіи чужой свободы. Что Горькій любитъ свободу и хочетъ ея,—никто не сомнѣвается;

но всѣ имѣютъ право усомниться,—да онъ и самъ не будетъ утверждать,—что обладаетъ непогрѣшимымъ мѣриломъ свободы.

Когда онъ смѣшиваетъ театръ Станиславскаго съ театромъ Суворина, то погрѣшаетъ излишнею «цензурою нравовъ».

«Почему то, что въ грѣхъ Суворину, Немировичу-Данченко во спасеніе?»—спрашиваетъ онъ по поводу постановки «Бѣсовъ» на обоихъ театрахъ. Странный вопросъ. Неужели Горькій не чувствуетъ, что сопоставленіе этихъ двухъ именъ, Суворина и Станиславскаго, невозможно?

Почему Станиславскому прощается то, что не простилось Суворину? Да потому именно, что Станиславскій—не Суворинъ, такъ же какъ Достоевскій—не кн. Мещерскій. Не говоря уже о художественныхъ цѣнностяхъ, даже въ смыслѣ общественномъ, театръ Суворина—уличная грязь, а театръ Станиславскаго—чистое золото. Смѣшивать золото съ грязью не слѣдуетъ ни для какой «цензуры нравовъ».

Горькій ошибся, не учелъ перемѣны въ русскомъ воздухѣ. До 1905 г. русское общество, можетъ быть, согласилось бы на такую «цензуру»,—теперь уже не соглашается. И хорошо дѣлаетъ.

Чтобы не смѣшивать золото съ грязью, вовсе не нужно «послѣдней свободы» анархической, свободы «отъ всѣхъ обязанностей человѣка и гражданина», какъ думаетъ Горькій; для этого достаточно свободы личной и общественной, весьма умѣренной.

Если бы Горькій дышалъ сейчасъ русскимъ воздухомъ,—онъ понялъ бы то, что мы всѣ понимаемъ: почему не только русскіе «эстеты», но и люди общественные любятъ театръ Станиславскаго, какъ одно

изъ благороднѣйшихъ явленій русскаго духа. Этого мы «сжечь» не дадимъ, не только во имя «свободы искусства», свободы личной, но и во имя какой-то высшей свободы общественной.

Да, Горькій ошибается, слишкомъ презираетъ своихъ обвинителей, думая, что всѣ они сплошь возстали на него только во имя свободы анархической.

— «А вы отъ чего желаете освободиться? Не отъ всѣхъ ли обязанностей человѣка и гражданина?

«Ибо русское пониманіе послѣдней свободы почти всегда скрываетъ за собою стремленіе отъ дѣянія къ самосозерцанію, отъ культуры къ дикости и варварству».

Вотъ важное признаніе въ устахъ Горькаго. Вѣдь, онъ и сдѣлался Горькимъ, благодаря проповѣди этой именно «послѣдней свободы». Въ самомъ дѣлѣ, что такое «босяки», какъ не люди, желающіе «освободиться отъ всѣхъ обязанностей человѣка и гражданина»? Что такое «босячество», какъ не «стремленіе отъ культуры къ дикости и варварству»? И вотъ отецъ «босяковъ» отъ нихъ отрекается. Когда-то повторяли они на разные лады тѣ самыя слова Ивана Карамазова, которыя Горькій теперь такъ презираетъ: «все дозволено».—Нѣтъ, не все,—возражаетъ Горькій. Хорошо, что онъ понялъ это, понялъ, что «босячество»—вовсе не перлъ созданія, не новая идея общественная, а отсутствіе всякихъ идей и всякой общественности,—то же «хулиганство», только позолоченное фальшивымъ золотомъ Ивана Карамазова — «человѣкобожествомъ»: «Человѣкъ, это гордо, человѣкъ—Богъ, я—Богъ; гдѣ стану я, тамъ сейчасъ мѣсто Божье, и все дозволено».

«Довольно анархизма»,—рѣшаетъ Горькій. Не значитъ ли это: довольно босячества?

Жаль только, что онъ употребляетъ при этомъ святое слово «свобода»: оно такъ свято, такъ утвердительно, что не слѣдовало бы употреблять его, даже съ полнымъ сознаніемъ, въ смыслѣ отрицательномъ.

Мнимая «свобода» босяковъ—не свобода, а своеволіе («Я обязанъ оказать своеволіе!»—говоритъ Кириловъ у Достоевскаго). А своеволіе—начало всякаго рабства. Свободенъ только тотъ, кто не самъ себѣ Богъ, кто сознаетъ, что есть надъ нимъ нѣчто Высшее, его отъ него самого освобождающее. Тутъ уже начинается не мнимая, не «босяцкая», а истинная послѣдняя свобода, предѣлъ свободы личной и общественной, недостижимый, но вѣчно достигаемый. И отрекаться отъ нея не должно. Въ ней, и только въ ней—живое дыханіе всѣхъ освобожденій, которыя свято хотятъ этого предѣла, «конца» и никогда не примирятся съ либеральной серединкой на половинкѣ.

Понялъ ли все это Горькій? Если понялъ, то, вѣдь, пожалуй, не безъ Достоевскаго. А если такъ, то не «сжигать» и не миловать надо его, а любить, хотя бы любовью ревнующей, ненавидящей, ибо есть и такая любовь,—Горькій это знаетъ, помнитъ, потому что знаетъ и помнитъ Россію.

«Нехорошо на Руси, господа,—заключаетъ онъ свой споръ съ Достоевскимъ.—Не Ставрогиныхъ надобно ей показывать теперь, а что-то другое. Необходима проповѣдь бодрости, необходимо духовное здоровье, дѣяніе, а не самосозерцаніе; необходимъ возвратъ къ источнику энергіи,—къ демократіи, къ народу, къ общественности и наукѣ».

Устами бы Горькаго медъ пить! Да, все, что онъ

говоритъ, необходимо. Но какъ это сдѣлать,—вотъ вопросъ. И можно ли вернуться къ старому безъ новаго, къ бывшему безъ будущаго? Нѣтъ, нельзя,—отвѣчаетъ Горькій. «Хотя снова наблюдается подъемъ настроенія, но этотъ подъемъ требуетъ организующихъ идей и силъ больше и болѣе мощныхъ, чѣмъ требовалъ назадъ тому восемь лѣтъ».

Гдѣ же взять этихъ новыхъ идей, новыхъ силъ? Горькій не отвѣчаетъ. А, вѣдь, самый споръ съ Достоевскимъ только изъ-за этого вопроса и поднятъ. Не отвѣчаетъ, потому что нельзя же считать отвѣтомъ слѣдующихъ насмѣшливыхъ и загадочныхъ словъ, обращенныхъ, кажется, не только къ Достоевскому, но и къ современному поколѣнію русскихъ людей:

«А богоискательство надо на-время отложить,—это занятіе безполезное: нечего искать, гдѣ не положено. Не посѣявъ, не сожнешь. Бога у васъ нѣтъ, вы еще не создали его. Боговъ не ищутъ—ихъ создаютъ».

Въ этой насмѣшкѣ или загадкѣ ясно одно: «богоискательство»—вздоръ, съ чѣмъ, пожалуй, можно согласиться, потому что «богоискательство» не дѣло, а глупая кличка.

Въ послѣднее время часто употребляется слово «богоискатели» то насмѣшливо, то серьезно или какъ-будто серьезно. Слово это можетъ быть пригодно для употребленія насмѣшливаго, но не для серьезнаго,—вотъ почему.

Ищутъ Бога тѣ, кто не имѣетъ Его и желалъ бы имѣть. Утверждать, что мы имѣемъ Бога въ сердцѣ, въ волѣ, въ чувствахъ, въ жизни—было бы великою нескромностью. Въ этомъ и только въ этомъ смыслѣ исканіе Бога есть необходимая предпосылка и общее

мѣсто всѣхъ религій. Но не объ этомъ идетъ рѣчь, когда употребляется слово «богоискатели».

Сердечное признаніе Бога есть тайна между человѣкомъ и Богомъ, и никакая литературная критика не можетъ здѣсь притязать на сердцевѣдѣніе. Слово «богоискатели», поскольку оно употребляется безъ насмѣшки и залѣзанія въ чужую совѣсть, имѣетъ въ виду не это первоначальное, тайное, а послѣдующее, явное, сознательное соглашеніе съ тѣмъ религіознымъ опытомъ, который выражается понятіемъ: Богъ. Но соглашеніе въ этомъ смыслѣ современными русскими «богоискателями» давно уже сдѣлано: имъ не зачѣмъ «искать Бога», потому что они уже нашли Его, имѣютъ. И не можетъ быть никакой нескромности въ томъ, чтобы заявить объ этомъ. Было бы трусостью мысли, уже имѣя Бога, дѣлать видъ, что ищещь Его, и принимать на себя искажающую, плодящую соблазны и недоразумѣнія, кличку «богоискатели».

Нельзя требовать серьезнаго вниманія отъ тѣхъ, кто не желаетъ быть серьезнымъ и внимательнымъ. Пусть же насмѣшливые критики продолжаютъ называть русское религіозное движеніе «богоискательствомъ». Но можно и должно требовать, чтобы люди серьезные и внимательные оцѣнили эту кличку по достоинству, какъ легкій полемическій пріемъ, ничего по существу невыясняющій—какъ брань и насмѣшку, вольное или невольное искаженіе самаго яснаго и несомненнаго изъ утвержденій людей вѣрующихъ: есть Богъ.

«У васъ нѣтъ Бога»,—рѣшаетъ Горькій. Вотъ страшныя слова, которыя могутъ быть произнесены и услышаны развѣ только на Страшномъ Судѣ, предполагающемъ сердцевѣдѣніе, человѣку недоступное. И надъ кѣмъ эти слова произносятся,—только ли надъ совре-

меннымъ «богоискательствомъ», или надъ Достоевскимъ тоже? Если человѣкъ, исповѣдующій Бога на словахъ, оказывается на дѣлѣ безбожникомъ, это значитъ, что онъ—ханжа и лицемѣръ. Неужели таково мнѣніе Горькаго о Достоевскомъ?

Существуетъ законъ религіознаго опыта, слишкомъ часто забываемый, по которому невѣрующіе не вѣрятъ въ чужую вѣру и легко подозрѣваютъ вѣрующихъ въ неискренности, въ ханжествѣ и лицемѣріи. Всякое религіозное утвержденіе предполагаетъ не только согласіе ума, но и болѣе глубокое, первичное согласіе воли. Кто самъ не пережилъ его, тотъ съ трудомъ понимаетъ и еще съ бо̀льшимъ трудомъ вѣритъ, что оно пережито другими. Вѣра для невѣрующаго—какъ для глухого музыка. Самое щедрое, на что способенъ скептикъ, это—сказать о вѣрующемъ: онъ только хочетъ вѣрить, но не вѣритъ. Это часто говорятъ о Достоевскомъ и о современныхъ «богоискателяхъ».

— У насъ нѣтъ Бога,—могли бы они отвѣтить,—а у васъ есть? Если и у васъ нѣтъ, то зачѣмъ вы говорите о Богѣ? А если есть, то зачѣмъ «создаете боговъ»?

И что это значитъ: создавать боговъ?

Не слѣдуетъ произносить имени Божьяго всуе не только потому, что оно свято, но и потому, что употребленіе слова, ничего не значащаго, производитъ путаницу понятій.

Богъ—или ничто, или нѣчто высшее для человѣка, чѣмъ онъ самъ. Но можетъ ли быть созданіе выше своего создателя, тварь—выше творца? Богъ-тварь—не Богъ, а идолъ. И притомъ самый поганый изъ «поганыхъ идоловъ». Человѣкъ, поклонившійся такому богу, творецъ, поклонившійся твари,—жалкое зрѣлище.

Нѣтъ, боговъ не «создаютъ», не «строятъ». Если

«богоискательство»—глупое слово, то «богостроительствое» глупое дѣло. Скудоуменъ дикарь, «строящій» идола изъ птичьихъ перьевъ, рыбьихъ костей и тряпокъ; но еще скудоумнѣе культурный человѣкъ, «создающій» Бога изъ хлама старыхъ метафизикъ и религій. Изобрѣтаютъ и строятъ машины, между прочимъ, автоматовъ. Но не только Бога живого,—блохи живой построить нельзя. Такой построенный богъ—гомункулъ въ алхимической склянкѣ педанта Вагнера, самый мертвый изъ мертвецовъ.

А если кто и создаетъ боговъ, то развѣ только «Великіе Инквизиторы», т.-е. тѣ же Иваны Карамазовы, которые считаютъ религію необходимою частью политики.

— «Если хочешь, есть Богъ; если хочешь, нѣтъ Бога»,—виляетъ и подмигиваетъ маленькій «Великій Инквизиторъ», старецъ Лука («На днѣ»). Но отъ старца Луки добра ждать нечего: онъ, кажется, давно уже сдѣлался Гришкой Распутинымъ, и если мы сейчасъ всѣ подъ нимъ ходимъ, то отъ этого тоже радости мало.

Отвѣтъ Луки двусмысленъ, потому что безчестенъ. А надо быть честнымъ въ религіи,—по крайней мѣрѣ, такъ же, какъ во всемъ остальномъ. Нечего вилять и подмигивать: слѣдуетъ отвѣтить прямо на прямой вопросъ: есть Богъ или нѣтъ? Если есть, то «богостроительство»—глупое или злое дѣло; а если нѣтъ, то не слѣдуетъ употреблять имени Божьяго всуе, потому что имя это свято, хотя бы только человѣческой святостью крови и слезъ.

Хорошо сдѣлалъ Горькій, что началъ или, вѣрнѣе, возобновилъ споръ съ Достоевскимъ о русской общественности. Въ Достоевскомъ воплотилась вѣчная метафизическая сила русской реакціи, сила сопротивленія

стараго порядка новому. Не сломивъ этой силы, не преодолѣвъ Достоевскаго и достоевщины, нельзя итти къ будущему. Но, чтобы побѣдить врага, надо встрѣтиться съ нимъ на той почвѣ, на которой онъ стоитъ. А почва Достоевскаго—религіозная. Горькій на нее не становится, а потому не только не побѣждаетъ врага, но даже не встрѣчается съ нимъ, идетъ не противъ, а мимо него.

Вопросъ о человѣкѣ, о человѣчествѣ связанъ для Достоевскаго съ вопросомъ о Богочеловѣкѣ, о Богочеловѣчествѣ. Горькій эту связь разрываетъ, и самый вопросъ падаетъ, становится безсмысленнымъ. Человѣкъ—Богъ или звѣрь,—говоритъ Достоевскій. Горькій не слышитъ перваго, и остается второе: человѣкъ—звѣрь.

Достоевскій поднялъ вопросъ о религіозной личности и отвѣтилъ на него, какъ слѣдуетъ,—въ этомъ правда его. Горькій этой правды не видитъ. Достоевскій поднялъ также вопросъ о религіозной общественности и далъ на него ложный отвѣтъ. Горькій видитъ ложь Достоевскаго, но религіознаго начала ея не видитъ, а потому и преодолѣть не можетъ. Всѣ вообще попытки преодолѣть Достоевскаго внѣ религіи—покушенія съ негодными средствами.

Если употреблять кличку «богоискатели», то, конечно, Достоевскій—первый и величайшій изъ русскихъ «богоискателей». Можетъ-быть, «богоискательство»—вздоръ; тогда все творчество Достоевскаго, и не только Достоевскаго, но и Л. Толстого, Гоголя, всѣхъ великихъ русскихъ писателей—тоже вздоръ, потому что глубочайшая религіозная сущность ихъ та же, что у Достоевскаго. Этого слова изъ пѣсни не выкинешь. Можетъ-быть, дѣло Достоевскаго, дѣло всей

русской литературы—безполезное, даже вредное. Тогда надо его истребить—«сжечь». «Нѣтъ, я бы не сжегъ», —успокаиваетъ Горькій. Но опять-таки: почему?

Если бы онъ дышалъ русскимъ воздухомъ, то сумѣлъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, понялъ бы, что сейчасъ въ Россіи религіозное движеніе—не вздоръ; можно отрицать его, считать вреднымъ, бороться съ нимъ, но нельзя отъ него отдѣлываться насмѣшливой кличкой «богоискательство». И если бы Горькій понялъ это, то пристальнѣе вглядѣлся бы въ то, что отрицаетъ, и, можетъ-быть, увидѣлъ бы здѣсь тотъ возвратъ къ народу, источникъ новыхъ идей, новыхъ силъ, котораго ищетъ.

Несоленая соль

И въ этомъ году, такъ же какъ въ прошломъ и позапрошломъ, Л. Толстого читаютъ меньше, чѣмъ г-жу Вербицкую, если вѣрить, статистическимъ отчетамъ разныхъ библіотекъ, пошехонскихъ и глуповскихъ. Вотъ новогодній подарокъ русскимъ писателямъ.

Библіотеки, которыя дарятъ насъ этими отчетами,—демократическія, полународныя. Не отходящая буржуазія, а грядущая демократія колеблется, кому отдать пальму первенства—Л. Толстому или Вербицкой: въ пошехонскихъ читальняхъ на первомъ мѣстѣ—Толстой, въ глуповскихъ—Вербицкая. И такъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Кажется, Вербицкая процвѣла еще до освобожденія и вотъ, пройдя сквозь него, не только не облетѣла, но распустилась пышнымъ цвѣтомъ. Земля и небо колебались, а вѣрность читателя Вербицкой осталась непоколебленной. Толстой хорошъ, а Вербицкая—лучше. Толстой—прошлое, Вербицкая—будущее: въ ней—пророчество, въ ней—апокалипсисъ. Тѣ многотысячныя полчища, которыя стремятся въ знаменитый «Вѣстникъ Невѣжества» («Вѣстникъ Знанія») г. Битнера, украшенныя таинственными «значками» всемірнаго ордена, держатъ въ рукахъ сво-

ихъ, какъ новый коранъ, «Ключи счастья» Вербицкой. И неизвѣстно, что̀ тамъ написано, потому что никто не можетъ прочесть этой книги, кромѣ запечатлѣнныхъ, имѣющихъ на челѣ и на десницѣ печать г. Битнера.

Такъ было, такъ есть и будетъ. А еще жалуются на недостатокъ охранительныхъ началъ въ русской интеллигенціи.

Не ошибся ли Гёте, утверждая, что «вѣчно-женственное влечетъ насъ къ небу»? Ежели опять-таки вѣрить пошехонской и глуповской статистикѣ, то вѣчно-глупое, вѣчно-пошлое влечетъ насъ въ преисподнюю.

Что люди вообще не глупы и не пошлы,—я всегда думалъ и теперь думаю. Вотъ и современный читатель все же колеблется между Толстымъ и Вербицкою, еще не рѣшилъ,—дастъ Богъ, когда-нибудь рѣшитъ.

Есть у меня и надежда на то, что пошехонская и глуповская статистика не окончательна: можетъ-быть, тутъ что-нибудь чортъ напуталъ, какъ онъ вообще въ статистикѣ часто путаетъ. Невозможно, несправедливо, кощунственно измѣрять спросъ на духовныя цѣнности подсчетомъ ариѳметическимъ. Можетъ быть, успѣхъ Вербицкой свидѣтельствуетъ не о «грядущемъ хамствѣ», а о первобытной дикости, первобытномъ невѣжествѣ полуинтеллигентнаго читателя, о той простонародной безвкусицѣ, отъ которой зависитъ успѣхъ лубочной литературы,—Еруслана и Бовы-королевича. Нѣтъ сомнѣнія, что Бова лучше, умнѣе, благороднѣе Вербицкой. Но кто виноватъ въ этомъ опошленіи и одичаніи вкуса? Небезопасно и неблагонадежно то просвѣщеніе, которое шагаетъ отъ Бовы къ Вербицкой, а отъ Вербицкой куда—неизвѣстно.

Да, кто виноватъ? Кажется, вина падаетъ не только на обманутыхъ, но и на попустившихъ обманъ,—на

русскую критику, русскую литературу вообще. Нечего грѣха таить, мы всѣ удобряли ту почву, на которой расцвѣла Вербицкая. Разсѣянные лучи нашей собственной глупости и пошлости сосредоточились въ ней, какъ въ лучезарномъ фокусѣ. Статистика—палка о двухъ концахъ,—все-таки, пожалуй, бьетъ насъ вѣрнымъ концомъ, и чортъ на этотъ разъ не пугаетъ, а смѣется надъ нами.

Не такъ-то легко отчураться отъ Вербицкой; мы съ нею кровно связаны.

Страшно сказать, но что же дѣлать,—надо: въ послѣднее время русская литература о г л у п ѣ л а. Таланты не изсякли, напротивъ: ихъ множество; «нынче всѣ талантливы». Какъ адъ мощенъ добрыми намѣреніями, такъ русская литература — талантами. Можетъ быть, въ томъ и горе наше, что талантъ нынче дешевъ сталъ. Талантовъ множество, но вотъ у м н ы х ъ т а л а н т о в ъ нѣтъ или почти нѣтъ. Не то, чтобы всѣ они рождались глупыми: есть умные, есть глупые. Но какъ-будто всѣ вдругъ поняли вѣчное русское горе—«горе отъ ума», горе отъ сознанья, отъ совѣсти. Разбуженная мысль — разбуженная совѣсть. А бываютъ времена, когда будить совѣсть опасно, когда въ совѣсти, какъ въ геенне, «огонь не угасающій и червь не умирающій». Какъ-будто всѣ сговорились поменьше думать: думать больно, стыдно, страшно. Какъ задумаешься, то уже не перестанешь думать, пока не дойдешь до того, что и свѣту не взвидишь, и себя и талантъ свой погубишь. Сознаніе, совѣсть — «когтистый звѣрь», который вотъ-вотъ накинется на свою жертву и загрызетъ. То ли дѣло жить, не думая; писать, не думая; не писать, а описывать.

Правъ Антонъ Крайній (не за эту ли правоту не-

осторожную его и не взлюбили такъ?), когда утверждаетъ, что современные русскіе писатели—не столько писатели, сколько о п и с а т е л и. Писать—трудно, описывать—легко. Чтобы писать, надо переживать, сознавать, страдать; чтобы описывать, надо только ясно видѣть; а ясновидѣніе и есть уже первое данное всякаго таланта. Будь просто талантливъ, ясновидящъ; не пиши, не трудись, не страдай, не думай, не бойся,—главное, не бойся и не думай,—а бездумно и безбоязненно описывай то, что у тебя передъ глазами мечется,—и благо тебѣ и твоимъ читателямъ. «Писатель пописываетъ, читатель почитываетъ»,—и оба другъ другомъ довольны. Да и какая польза въ думаньѣ? Отъ Гоголя до Л. Толстого и Достоевскаго сколько передумано, а въ русской жизни с у щ е с т в е н н о лучше не стало. Вѣдь, недумающаго «стараго порядка» не проймешь никакими думами. Думай, не думай,—все будетъ попрежнему. И, во всякомъ случаѣ, на нашъ вѣкъ хватитъ. Зачѣмъ же себя изнурять? Выше головы не прыгнешь, плетью обуха не перешибешь: обухъ неперешибаемый—русская жизнь, плеть—русская литература.

Оглупѣла она или, вѣрнѣе, оглупила себя, вытравила сознаніе и совѣсть, потому что мука сознанія, мука совѣсти сдѣлалась чрезмѣрною, убійственной. Думать—не жить; жить—не думать. Русская литература оглупила себя, чтобы жить.

Началось оглупленіе не съ литературы, а съ жизни.

Въ послѣднее время русская интеллигенція какъ-будто устала до-смерти быть собою, т.-е. сознаніемъ и совѣстью русскаго общества, и въ смертельной усталости потянулась къ своей вѣчной противоположности, къ безсознательной, безобщественной и опять-

таки, что грѣха таить, безсовѣстной обывательщинѣ. Соль земли устала быть соленою, забывъ страшное слово: «соль—добрая вещь, но ежели соль не солона будетъ, чѣмъ вы ее поправите? Ни въ землю, ни въ навозъ не годится; вонъ выбрасываютъ ее».

Въ оправданіе русской интеллигенціи можно сказать, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ. А что одна шкура содрана 1905 годомъ,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Какъ бы то ни было, но утративъ, не по своей волѣ, шкуру верхнюю, русскій интеллигентъ началъ уже самъ, для собственнаго удобства, сбрасывать и шкуру нижнюю; началъ линять, какъ пушной звѣрь линяетъ по веснамъ, превращаясь въ русскаго о б ы в а т е л я, существо бездумное и безпечное, у коего сложныя идеологіи замѣняются коротенькою житейскою мудростью: день да ночь—сутки прочь; выше лба уши не растутъ; а главное, опять-таки: плетью обуха не перешибешь.

Интеллигентъ превращался въ обывателя, а писатель—въ «описателя». Въ этомъ превращеніи русская литература только отражала, какъ точное зеркало, русскую жизнь, русскую общественность. Вотъ и явилась г-жа Вербицкая и, въ качествѣ неожиданной соперницы Л. Толстого, потребовала себѣ не второго, а перваго мѣста въ пошехонской и глуповской статистикѣ.

Это линяніе русской интеллигенціи уже давно началось: еще «хмурые люди» Чехова не что иное, какъ линяющіе русскіе интеллигенты, будущіе русскіе обыватели; это они первые, ополоумѣвъ отъ собственной «хмурости», отъ страшной тоски, отъ страшной, потому что безплодной и неразрѣшимой, муки совѣсти, муки сознанія, отказались отъ всякой идеологіи (неда-

ромъ самъ Чеховъ подозрѣвалъ во всѣхъ интеллигентскихъ идеологіяхъ только «общія мѣста», «общія слова»), оглуплялись добровольно и дошли, наконецъ, до того, что могли только пѣть идіотски-унылую, идіотски-веселую пѣсенку:

Та-ра-ра-бум-бія!
Сижу на тумбѣ я...

Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ съ послѣднимъ отчаяніемъ рванулись назадъ, къ свѣту, къ сознанію, къ интеллигенціи, къ идеологіи, къ «общимъ мѣстамъ» и «общимъ словамъ». Босяцкое «богоборчество» Горькаго и андреевское: «стыдно быть хорошимъ!» («Тьма»)—не Богъ вѣсть какая идеологія. Но все же хоть что-нибудь. Пусть покушеніе съ негодными средствами, но во всякомъ случаѣ, менѣе ужасно и безысходно, чѣмъ обывательская «тарара-бумбія». Это—послѣднія вспышки угасающаго пламени, послѣдніе проблески сознанія и совѣсти, которые борются съ наступающимъ обморокомъ.

А за Горькимъ и Андреевымъ идутъ уже современные недумающіе таланты, слѣпые «ясновидцы», безотвѣтственные «описатели». Отъ Чехова—къ Андрееву, отъ Андреева—къ Куприну, отъ Куприна—къ Арцыбашеву, отъ Арцыбашева—къ Вербицкой,—вотъ нисходящія ступени отъ интеллигенціи къ обывательщинѣ.

Чувственное ясновидѣніе Куприна, бытовое ясновидѣніе Алексѣя Толстого, археологическое ясновидѣніе Алексѣя Ремизова, энтографическое ясновидѣніе Пришвина. Есть то, что есть, и больше ничего не надо. Я знаю, что они видятъ, но что они думаютъ и чего хотятъ,—не знаю. Не потому, что это великіе, объективные художники (величіе и объективность Л. Толсто-

го не мѣшаютъ знать, что онъ думаетъ и чего хочетъ), а потому, что они сами не знаютъ, что думаютъ и чего хотятъ. Это какъ извѣстная картинка: «Дѣвушка и попугай». Можно любоваться картинкой, но нечего искать въ ней смысла. Дѣвушка есть дѣвушка, попугай есть попугай,—только и всего. Неунывающіе критики и въ самыхъ невинныхъ картинкахъ находятъ смыслъ. Имъ и книги въ руки. Если очень искать, найдешь; очень скрести, наскребешь. Но для этого надо быть неунывающимъ критикомъ. А унывающему читателю все-таки продолжаетъ казаться, что утонченный, углубленный, ясновидящій и недумающій,—главное, недумающій — натурализмъ нынѣшнихъ «описателей» есть не что иное, какъ невинная картинка «Дѣвушка и попугай», возведенная въ «перлъ созданія». И читателю все-таки жаль сознательной, совѣстливой литературы; жаль думающихъ писателей; жаль унывающихъ критиковъ; жаль русской интеллигенціи; жаль соли, которая была соленою.

Не надо ума, не надо сознанья, не надо идеологіи, не надо интеллигенціи,—вотъ тайный кличъ еще не на устахъ, но уже въ сердцахъ обывателей-описателей. И вотъ почему Вербицкая, у которой все-таки есть своя «идеологія», побѣдила всѣхъ.

Побѣда, разумѣется, недолгая. А все-таки не мѣшаетъ подумать, что она значитъ.

Несоленая соль ни въ землю, ни въ навозъ не годится; вонъ выбрасываютъ ее.

Востокъ или Западъ?

I

Вотъ книга, которая не скоро дойдетъ до читателей, но не пропадетъ, потому что обладаетъ главнымъ достоинствомъ книгъ: она есть,—тогда какъ многихъ, которыя слишкомъ скоро доходятъ до читателей, вовсе нѣтъ.

Я, впрочемъ, уже и теперь знаю одну московскую барышню-курсистку, которая объявила, что «Серебряный Голубь» (повѣсть Андрея Бѣлаго, я о ней говорю) «выше всего Достоевскаго». Знаю также одного критика въ «Аполлонѣ», который мимоходомъ и безъ всякихъ доказательствъ, какъ будто это само собой разумѣется, назвалъ ее «геніальной».

Привожу эти отзывы безъ насмѣшки, хотя такія похвалы и напоминаютъ булыжникъ, убивающій муху на дружескомъ лбу. Есть доля правды и въ нихъ, какъ во всякой брани и во всякой похвалѣ: дыма безъ огня не бываетъ.

Можно бы даже, въ извѣстномъ смыслѣ, согласиться съ критикомъ, что повѣсть А. Бѣлаго геніальна,—не талантлива, а именно «геніальна».

Что такое талантъ и геній? Обыкновенно думаютъ, что очень большой талантъ—геній, а небольшой геній—талантъ. Но это не такъ. Сколько ни увеличивай таланта, не получится геній; и сколько ни уменьшай генія, не получится талантъ. Тутъ не количественная, а качественная разница,—явленія двухъ разныхъ порядковъ.

Художникъ талантливый отражаетъ бытіе, то, что есть; геніальный — самъ есть новое бытіе, то, чего никогда раньше не было и никогда больше не будетъ. Талантъ все видитъ снова; геній все видитъ въ первый разъ, какъ только-что глаза открывшій Адамъ. Талантъ—какъ всѣ, только просвѣтленное и облагороженное «какъ всѣ»; вотъ почему за нимъ—успѣхъ, удача, побѣда, слава. Геній—вопреки всѣмъ, противъ всѣхъ. Только смерть, и смерть крестная можетъ примирить людей съ геніемъ. Люди и природа не любятъ его—и подѣломъ: геній противозаконенъ, противоестественъ, преступенъ, разрушителенъ, чудовищенъ. Вотъ почему законы естественные и человѣческіе заранѣе принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры противъ генія: убиваютъ его въ колыбели. На двухъ великихъ удачниковъ, только двухъ за цѣлые вѣка—Л. Толстого и Гёте,—сколько убитыхъ!

Думаютъ также, что талантовъ больше, чѣмъ геніевъ. Можетъ быть, наоборотъ. Таланты всѣ на-виду, на-перечетъ. А незримыхъ геніевъ такое же безчисленное множество, какъ незримыхъ чудесъ въ мірѣ, звѣздъ въ дневномъ небѣ. Сила генія подобна силѣ радія, который драгоцѣннѣе всѣхъ металловъ, но въ безконечно-малыхъ количествахъ есть всюду, гдѣ жизнь. Л. Толстой, Гёте, куски радія, рѣже талантовъ; но безконечномалыя дроби, дробинки, атомы генія разсѣяны всюду.

За каждымъ явленіемъ—чудо; за каждымъ человѣкомъ—геній, то единственное, неповторяемое, неисповѣдимое, чудесное, что называется личностью, что родилось и умретъ съ человѣкомъ, чего никогда раньше не было и никогда больше не будетъ, кромѣ вотъ этого Петра и вотъ этого Ивана. Доведите до конца, до совершенства Петрово, Иваново,—и получите чудесное, чудовищное, небывалое, невиданное, геніальное. Всякій геній—завершенная личность; всякая личность—незавершенный геній.

У Раскольникова, можетъ быть, не менѣе геніальная мысль, чѣмъ у Наполеона; вся разница въ томъ, что одинъ погибъ, послѣ многихъ удачъ и неудачъ, а другой погибъ сразу. Достоевскій—почти удавшійся геній; но въ главномъ для него самого, въ религіозной проповѣди, тоже потерпѣлъ неудачу. До сихъ поръ мы не можемъ его проглотить: слишкомъ жёстокъ, жестокъ, болѣзненъ, опасенъ, чудовищенъ, геніаленъ. А какъ проглотили Чехова! Это потому, что великій талантъ Чехова—мы же сами, только въ «прославленномъ тѣлѣ», свѣтлое золото нашихъ сердецъ; а Достоевскій—не мы, а что-то совсѣмъ другое; не свѣтлое золото, а темный радій.

Если быть «геніальнымъ» еще не значитъ быть великимъ, если существуютъ геніи, такъ же, какъ таланты, всѣхъ размѣровъ—отъ солнца до атома,—то никому не въ обиду и безъ чрезмѣрныхъ похвалъ можно сказать, что А. Бѣлый—«геніаленъ». Сразу ли онъ потерпитъ неудачу или не сразу (это «не сразу» послѣ смерти генія называется «геніальнымъ творчествомъ»),—не берусь предсказывать. Но уже и теперь видно, что успѣха, сочувствія, славы—всего, что свойственно талантамъ,—у него не будетъ или будетъ не скоро. Арцы-

башева, Л. Андреева, Куприна глотаютъ съ легкостью; Андрея Бѣлаго глотать даже не пробуютъ. Художественная дикость его, шершавость, нелѣпость, чудовищность такъ очевидны, что указывать на нихъ почти не стоитъ. Да и не въ нихъ дѣло. Если бы онъ избавился отъ всѣхъ своихъ недостатковъ, никого бы это не порадовало и не примирило съ нимъ; пожалуй, напротивъ, ожесточило бы. Главная вина его не въ томъ, что онъ хуже всѣхъ, а въ томъ, что на всѣхъ непохожъ,—малъ, плохъ, дикъ, шершавъ, уродливъ, все, что хотите,—но единственъ, неповторяемъ, не талантливъ, а «геніаленъ».

II

«Настоящая повѣсть,—говоритъ авторъ въ предисловіи,—есть первая часть задуманной трилогіи «Востокъ или Западъ».

Вотъ одинъ изъ примѣровъ художественной слабости А. Бѣлаго: то, что должно быть сердцемъ произведенія, онъ дѣлаетъ заглавіемъ, вывѣской. Востокъ или Западъ? Такова, дѣйствительно, кратчайшая математическая формула вопроса; но о глубинѣ его нельзя судить по ней, такъ же, какъ по химической формулѣ воздуха о глубинѣ воздушной дали.

А, между тѣмъ, вопросъ, дѣйствительно, глубокъ, можетъ быть, глубже всѣхъ стоящихъ сейчасъ передъ нами вопросовъ о судьбахъ Россіи. И какъ бы А. Бѣлый ни коснулся его, уже то, что онъ это сдѣлалъ, въ русской художественной литературѣ послѣднихъ годовъ принадлежитъ ему,—единственно, «геніально»,

хотя бы въ томъ условномъ смыслѣ, о которомъ я предупредилъ.

Споръ западниковъ и восточниковъ (славянофиловъ) проходитъ, какъ мечъ разсѣкающій, черезъ всю исторію русскаго сознанія, русской интеллигенціи; но остріе меча касается здѣсь же, именно въ этомъ вопросѣ, и сердца народнаго. Онъ былъ, когда еще не было ни славянофиловъ, ни западниковъ, ни даже самой Россіи: съ нимъ она родилась.

Призваніе варяговъ—вотъ первое движеніе того, что будетъ Россіей, съ Востока на Западъ. И тотчасъ, въ принятіи византійскаго восточнаго христіанства, православія, обратное движеніе, отъ Запада на Востокъ.

Восемь вѣковъ, вплоть до Петра, наполнены борьбою тѣхъ же двухъ началъ. Петръ засталъ Россію въ такомъ положеніи, что еще одинъ шагъ, и она оторвалась бы окончательно отъ европейскаго человѣчества, отпала бы отъ него, какъ высохшая вѣтвь отъ лозы. Петръ понялъ, что это вопросъ жизни и смерти для Россіи. И судорожнымъ усиліемъ, съ вывихомъ суставовъ и трескомъ костей, повернулъ ее лицо къ Западу. Кровавымъ кесаревымъ сѣченіемъ, убивая мать, спасъ ребенка—новую Россію.

Но и въ ней борьба двухъ началъ, двухъ свѣтовъ, какъ въ сумракѣ бѣлыхъ ночей, не прекратилась, а только ушла внутрь и сдѣлалась еще болѣе изнурительной, какъ вогнанная внутрь болѣзнь. Интеллигенція и народъ, народъ-«богоносецъ» и «безбожная» интеллигенція—въ новомъ видѣ тотъ же вопросъ.

За два вѣка петербургскаго періода преемники Петровы сдѣлали все, что могли, чтобы опустошить, выхолостить реформу, вынуть изъ нея живую душу и

оставить лишь мертвое тѣло—восточное самовластье съ европейской техникой, «Тамерлана съ телеграфами». Эта вогнанная внутрь болѣзнь, подземное тяготѣніе петербургскаго Запада къ «Дальнему Востоку» на нашихъ глазахъ кончились великимъ разгромомъ—Портъ-Артуромъ и Цусимою.

И почти съ такою же судорогою, кровавою ломкою, съ такимъ же вывихомъ суставовъ и трескомъ костей, какъ во дни Петра, опять рванулись мы къ Западу—въ революціи. И опять не дорвались, безсильно рухнули, какъ будто покорствуя закону мертвыхъ тѣлъ—уголъ паденія равенъ углу отраженія,—отшатнулись къ Востоку. Въ переживаемой нами реакціи совершается это именно обратное движеніе раскачнувшагося маятника. А, можетъ быть, и въ глубинѣ самой революціи уже невидимо скрещивались два подводныя теченія, образуя бездонный водоворотъ.

Встрѣча этихъ двухъ теченій, столкновеніе революціоннаго Запада съ религіознымъ Востокомъ—такова тема «Серебрянаго Голубя»—тоже, въ своемъ родѣ, единственная, «геніальная».

Канва повѣсти подъ многоцвѣтной вышивкой проста.

Молодого писателя Петра Дарьяльскаго баба Матрена, жена столяра Кудеярова, совращаетъ въ секту «голубей». Секта эта, напоминающая хлыстовъ, ожидаетъ пришествія и воплощенія Духа въ плоть человѣческую, именно въ наши дни, въ Россіи. Матренинъ мужъ, столяръ Кудеяровъ, основатель и глава секты, надѣется, что отъ его жены и ея любовника родится ожидаемый Младенецъ—Бѣлый Голубь. Съ этою цѣлью онъ и сводитъ ихъ. Дарьяльскій сперва увлекается ученіемъ «голубей», но потомъ, разглядѣвъ въ немъ дикое

изувѣрство—«ужасъ, петлю и яму»,—хочетъ бѣжать. Сектанты заманиваютъ его въ ловушку и убиваютъ.

«Секта эта мистическая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, революціонная»,—замѣчаетъ одинъ остроумный агентъ сыскного отдѣленія и въ доказательство приводитъ воззваніе «голубей»:

«Осѣни себя крестомъ, народъ православный, ибо времена близки: подними мечъ на слугъ вельзевуловыхъ, отъ нихъ же дворяне первые суть. Огнемъ попаляющимъ пройди по землѣ русской; разумѣй и молись: рождается Духъ Святъ. Жги усадьбы отчадія бѣсовскаго, ибо земля твоя, какъ и Духъ твой».

«Освобожденіе народа приходитъ черезъ Духъ Святъ,—проповѣдуютъ голуби.—Примкнуть голубямъ къ забастовщикамъ пора... Съ сицилистами итти рука-объ-руку, не открываясь до сроку и даже, наоборотъ, направляя, гдѣ нужно, сицилистовъ этихъ, потому что и они, хотя правду видятъ, да только подъ однимъ своимъ носомъ; а прочее все у сицилистовъ дрянь...»

Происходитъ такой діалогъ:

— «Такъ-то оно такъ; хорошо это у васъ писано, только есть ли у васъ свой сицилистическій Богъ?

— «Предоставимъ небо воробьямъ и водрузимъ красное знамя пролетаріата...

— «Ой ли, а не красный ли гробъ?»

Для «голубей» соціализмъ—такое же «царство Звѣря», какъ и старый порядокъ.

Что «въ народѣ новыя народились души», что «строится, собирается Русь, чтобы разразиться громами»,—въ этомъ убѣжденъ и Дарьяльскій.

— «По глазамъ вижу—нашъ: и онъ все о тайнахъ,—говоритъ столяръ Кудеяровъ.—Да онъ изъ господъ: не можетъ обмозговать, кака така тайна; отто-

го что учился,—умъ за разумъ зашелъ; а тайна нонече съ нашимъ братомъ, съ мужикомъ».

Таковъ разрывъ Востока съ Западомъ, народа съ интеллигенціей, что и «Духовъ огонь» не можетъ ихъ спаять. Въ своемъ религіозномъ творчествѣ народъ чувствуетъ себя выше интеллигенціи: тутъ уже не она —его, а онъ ее ведетъ.

Было ли все это? Кто знаетъ? Кто видѣлъ? Подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, подъ которымъ до сихъ поръ намъ являлся народъ, не могли бы мы этого увидѣть, если бы оно и было. Но пусть не было; не могло ли быть? Вчера не было; не будетъ ли завтра? Во всякомъ случаѣ, А. Бѣлый заставляетъ насъ вѣрить, хотя на мигъ, въ эту возможность, какъ въ дѣйствительность.

Страшная или желанная дѣйствительность,—вотъ вопросъ, связанный все съ тѣмъ же основнымъ, всеобъемлющимъ, все рѣшающимъ въ русскихъ судьбахъ вопросомъ: Востокъ или Западъ?

III

— «Проснитесь, вернитесь...

— «Куда?

— «Какъ, куда? На Западъ... Вы—человѣкъ Запада...

— «Отыди отъ меня Сатана, я иду на Востокъ».

Такой разговоръ происходитъ между «бритымъ бариномъ», западникомъ, и героемъ повѣсти.

«Этотъ путь,—объясняетъ героя авторъ,—для него былъ путемъ Россіи, въ которой начинается міра преображеніе или міра погибель».

Что же именно—преображеніе или погибель? Герой не знаетъ. Знаетъ ли авторъ? Повѣсть А. Бѣлаго —не чистое искусство, но и не проповѣдь. Главная

ошибка, какъ художника, такъ и проповѣдника, та, что оба они не отдѣлили себя отъ своего героя. Это раскалываетъ художественное созерцаніе и проповѣдь дѣлаетъ двусмысленной.

Кажется иногда, что авторъ могъ бы повторить вслѣдъ за героемъ: «я иду на Востокъ»; что для нихъ обоихъ пути европейскаго Запада и русскаго Востока именно здѣсь, въ религіозныхъ исканіяхъ, безповоротно расходятся.

«Множество словъ выбросилъ Западъ на удивленіе міру»... Но всѣ слова эти—«сказанныя». Россія же томится о несказанномъ... «Россія есть то, о что разбивается книга, распыляется знаніе, да и самая сжигается жизнь. Въ тотъ день, когда къ Россіи привьется Западъ, всемірный его охватитъ пожаръ: сгоритъ все, что можетъ сгорѣть, потому что только изъ пепельной смерти вылетитъ райская душенька—Жаръ-Птица... О, русское поле, русское поле!.. Убѣгаютъ твои сыны отъ тебя, широкій твой забываютъ просторъ въ краю иноземномъ; и когда они возвращаются послѣ, кто ихъ узнаетъ! Чужія у нихъ слова, чужія у нихъ глаза... Но въ душѣ они твои, о поле!.. Знаетъ ли каждый изъ насъ, чѣмъ онъ кончитъ?.. Полуживой убѣжитъ за границу... и тамъ покоя ему не найти никогда. Изрыдается душа, умъ засохнетъ... Кончитъ же тѣмъ, что вернется къ тебѣ, о русское поле!»

Вотъ страничка, отъ которой взыграло бы сердце старыхъ славянофиловъ, а, можетъ-быть, и новыхъ «истинно-русскихъ людей». Если этому повѣрить, то отвѣтъ на вопросъ, Востокъ или Западъ, слишкомъ простъ.

Гречневая каша сама себя хвалитъ; Русь сама себя называетъ «святою»,—такъ искони повелось. Но въ

томъ положеніи, въ какомъ мы сейчасъ находимся, прежняя увѣренность въ собственной святости едва-ли кому-нибудь можетъ казаться основательной,

Положимъ, скоро—завтра наступитъ у насъ царствіе Божіе. Но, вѣдь, вотъ сегодня, по собственному признанію А. Бѣлаго, русскіе люди «складомъ жизни не радуютъ взора: слово ихъ, что ни есть,—сквернословіе; жизни складъ пьяный... неряшество, голодъ, нѣмота, тьма»...

Все это онъ видитъ, но не смущается: при всѣхъ нашихъ грѣхахъ, мы лучше всѣхъ, ибо знаемъ «слово несказанное»; сидя на своемъ гноищѣ, мы можетъ быть увѣрены, что навозная куча наша «разразится громами», подобно Синаю; что «преображеніе или погибель міра» зависитъ отъ насъ однихъ: захотимъ,—преобразимъ; захотимъ,—погубимъ.

И всего утѣшительнѣе то, что намъ для этого ничего дѣлать не надо: мы избранники Духа, а «духово дѣло есть б е з д ѣ л ь е с в я т о е». Европѣ наше бездѣлье кажется просто свинствомъ; мы же знаемъ, что это свинство святое.

— «Такъ оно, какъ-то тово: мы—што... мы іетта, можно сказать, тово—не тово, опчее прочее такое, и все какъ есть»... Вотъ какимъ «несказаннымъ словомъ» побѣдили мы всѣ «сказанныя» слова Запада!

— «Говорятъ о молчаніи, потому что не умѣютъ членораздѣльно выражаться... Когда говорятъ о несказанномъ, это доказываетъ лишь то, что человѣкъ впадаетъ въ скотоподобное состояніе»,—предостерегаетъ «бритый баринъ»; но ни герой, ни авторъ не внемлютъ.

«Въ православіи и въ отсталыхъ, именно, понятіяхъ православнаго мужичка видѣлъ онъ (Дарьяльскій)

новый свѣточъ въ міръ грядущаго Града». Но, немного спустя, тутъ же, въ этихъ самыхъ понятіяхъ, увидитъ «смѣсь свинописи съ иконописью»—русской «свинописи» съ византійской «иконописью».

И ничѣмъ не лучше старыхъ византійскихъ—«новыя народившіяся въ Россіи души». Даже не смѣсь съ иконописью, а голая свинопись. Сначала герой сомнѣвается, кого, собственно, ждутъ онѣ — «бѣлаго голубя или чернаго ворона»: «бездна то, или высота поднебесная»; «міра преображеніе или міра погибель?» Но, наконецъ, приходитъ къ убѣжденію, что все это «ужасъ, петля и яма»; что «какая-то темная бездна съ Востока претъ на Русь».

И бѣжитъ отъ Востока, такъ же, какъ бѣжалъ отъ Запада. А съ героемъ, кажется, и авторъ. Начавъ за здравіе, оба кончаютъ за упокой Востока: отыди отъ меня Сатана,—я и д у н а З а п а д ъ.

Такъ изъ-за чего же было огородъ городить? Надъ чѣмъ отъ умиленія захлебываться: «о, русское поле, русское поле»? Что шапками всѣхъ закидаемъ, и что мы святѣе всѣхъ народовъ,—это мы и такъ знали, безъ А. Бѣлаго и Бѣлаго Голубя. Но если намъ не на что больше надѣяться, то дѣла наши плохи, и не о спасеніи міра слѣдуетъ намъ думать, а о томъ, какъ бы самимъ не погибнуть. Говорить: «Господи, Господи!» —и не творить воли Господней,—этого еще недостаточно, чтобы сдѣлаться народомъ-богоносцемъ. Лучше молчать о Богѣ, нежели кощунствовать. А что же такое это «неслыханное слово», какъ не сплошное кощунство, сатанинская гордыня?

Мало насъ учила исторія, какъ школьниковъ,—рубцы еще на тѣлѣ не зажили, — и вотъ мы опять за то же.

Ошибка А. Бѣлаго—ошибка всѣхъ старыхъ и новыхъ славянофиловъ: русскому Востоку противополагается европейскій Западъ, какъ религіозной полнотѣ—пустое мѣсто. Но «бритый баринъ» —такая же карикатура на Западъ, какъ столяръ Кудеяровъ—на Востокъ. Это не двѣ правды, а двѣ лжи. Какая лучше? Обѣ хуже.

Нѣтъ, Востокъ—не религіозная полнота, и Западъ —не пустое мѣсто. Міръ до сихъ поръ не зналъ бы, что такое личность, лицо человѣческое, образъ и подобіе Божіе, если бы не религіозное творчество Запада, ибо весь Востокъ, въ томъ числѣ и русскій, попиралъ и попираетъ личность, жертвовалъ и жертвуетъ ею безличному, мнимо-соборному, мнимо-церковному. Свѣтъ нисходящій, западный—правда о землѣ, о человѣкѣ— не меньшій свѣтъ, чѣмъ восходящій, восточный—правда о небѣ, о Богѣ. Только соединеніе этихъ двухъ свѣтовъ, двухъ правдъ—дастъ полуденный свѣтъ, совершенную правду о Богочеловѣчествѣ.

На вопросъ: Востокъ или Западъ?—единственный отвѣтъ—отрицаніе самаго вопроса: не Востокъ или Западъ?—а Востокъ и Западъ.

Таковъ предѣлъ отвлеченнаго созерцанія; но для жизненнаго дѣйствія нужно въ каждую минуту знать, съ какой ноги ступить, куда итти. Нужна воля.

Въ своемъ теперешнемъ,—будемъ надѣяться, не окончательномъ—состояніи, А. Бѣлый—человѣкъ безъ воли. Если онъ какъ-будто рѣшаетъ вмѣстѣ со своимъ героемъ: «иду на Востокъ», то не по своей волѣ, а по вѣтру, качнувшему его,—вѣтру, сегодня въ Россіи дующему въ ту сторону. Но тотчасъ же готовъ качнуться и въ противоположную—на Западъ. А, въ концѣ концовъ, ни на Востокъ, ни на Западъ; ни туда, ни

сюда. Неподвижное равновѣсіе, мертвая точка. «Святое бездѣлье», святое безволье.

Это наше общее проклятье. Страшенъ человѣкъ, —но еще страшнѣе народъ безъ воли. Не по своей винѣ двигалась донынѣ Россія между Востокомъ и Западомъ, а какъ маятникъ раскачивалась или какъ то мертвое тѣло, которымъ «хоть заборъ подпирай». Куда качнутъ, туда и валится. Если это продлится, то участь наша — участь всѣхъ мертвыхъ тѣлъ,—разложеніе.

Всякая геніальность есть, прежде всего, явленіе воли, неизбѣжный переходъ отъ созерцанія къ дѣйствію. Если А. Бѣлый не выйдетъ изъ своего неподвижнаго равновѣсія, если не рѣшитъ волею, что ему дѣлать, куда итти, съ какой ноги ступить, то такъ и останется неудавшимся «геніемъ».

О черныхъ колодцахъ

Если бы меня спросили, какое главное свойство русскихъ людей въ наши дни, я отвѣтилъ бы: одиночество. Никогда и нигдѣ не было столько одинокихъ, какъ сейчасъ въ Россіи. Даже тѣ, кто еще недавно были общественными, сдѣлались вдругъ одинокими. Люди разсыпаются, какъ сцѣпленныя магнитомъ желѣзныя опилки, когда магнитъ потерялъ силу; выпадаютъ изъ общественности, какъ рыба изъ дыряваго невода.

Все, что соединяло людей, рвется, какъ гнилыя нитки, а все, что разъединяетъ, разобщаетъ ихъ, уплотнилось, окрѣпло, встало между людьми, какъ стѣна.

Человѣкъ человѣку волкъ? Нѣтъ, «человѣкъ человѣку бревно». (А. Ремизовъ).

Каждый, сидя въ своей норѣ, въ своей дырѣ, въ своей щели, не видитъ, не слышитъ сидящаго рядомъ. Иногда перестукиваются сквозь глухую стѣну, какъ арестанты въ одиночныхъ камерахъ. А большею частью молчатъ.

И сторожитъ Молчанья демонъ
Колодцы черные свои.

Такъ отощали, ослабѣли, что если опустить въ колодецъ веревку, чтобы помочь сидящему въ немъ вылѣзти, то онъ не имѣетъ силы ухватиться за нее и тихо стонетъ: «Оставьте меня въ покоѣ, не мучайте!»

Каждый видитъ надъ своей головой клочокъ неба съ дневными звѣздами, потому что изъ очень глубокихъ и узкихъ колодцевъ дневное небо кажется ночнымъ. У каждаго свое небо—своя религія.

За мой сравнительно недолгій вѣкъ я встрѣтилъ, по крайней мѣрѣ, дюжину творцовъ новыхъ религій. Каждый считалъ всѣхъ другихъ сумасшедшими, а себя умнѣе Сократа, Моисея, Будды и Конфуція. Гдѣ, кромѣ Россіи, можно встрѣтить что-либо подобное?

Такъ-называемое декадентство есть отраженіе въ искусствѣ того, что происходитъ въ жизни,—самоутвержденія одинокой личности. Въ декадентскомъ искусствѣ всякъ молодецъ на свой образецъ: «я одинъ единственный, я не хочу быть, какъ всѣ; я хочу, чтобы всѣ были, какъ я».

Критика, глумясь надъ декадентствомъ, проглядѣла его огромное значеніе. Не считаться съ декаденствомъ —не считаться съ жизнью. Не ему принадлежитъ будущее: судя по многимъ признакамъ, конецъ декадентства близится, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему принадлежитъ настоящее.

Одинокій изъ одинокихъ, декадентъ изъ декадентовъ—Александръ Блокъ. Но есть у него одна особенность, которая отдѣляетъ его отъ прочихъ. Въ своемъ одиночествѣ, въ своемъ глубокомъ колодцѣ, можетъ-быть, самомъ глубокомъ и узкомъ изъ всѣхъ, онъ первый понялъ, а если еще не понялъ ясно, то уже смутно почувствовалъ, что «не добро быть человѣку одному», что самоутвержденіе личности, доведенное до крайности, переходитъ въ свою противоположность—въ самоотрицаніе, самоистребленіе; первый опомнился и ужаснулся. Знаетъ, что ему одному изъ колодца не вылѣзти — стѣны гладкія, скользкія, ухватиться не за что,

—а все-таки хватается, карабкается, лѣзетъ на стѣну, зоветъ на помощь.

Такой зовъ—статья «Искусство и газета» (въ «Русской Молвѣ»).

Заглавіе слишкомъ узко. Можно бы расширить: «Искусство и политика. Искусство и общественность. Искусство и жизнь».

Главная мысль статьи: не внѣшняя, эмпирическая противоположность, а внутренняя, метафизическая противорѣчивость, антиномичность искусства и жизни. Это —не двѣ враждующія стихіи, а два порядка бытія, двѣ категоріи, навѣки другъ другу чуждыя, несоизмѣримыя. Между искусствомъ и жизнью не можетъ быть соединеній, примиреній, мостовъ.

«Мосты между ними,—говоритъ Блокъ,—были до сихъ поръ только легкими, воздушными, радужными мостами, которые исчезали, едва проходили тѣ великолѣпныя грозы, которыя создавали ихъ, едва умирали тѣ міровые геніи, которые лишь силою своей геніальности создавали эти мосты, соединяя въ самихъ себѣ и жизнь, и искусство».

И тутъ—гладкая стѣна колодца: геніи соединяютъ искусство и жизнь только въ самихъ себѣ, въ своей одинокой личности.

Искусство самобытно, самовластно: «имъ нельзя поступиться для чего бы то ни было»,—слѣдовательно, и для жизни, для общественности, для политики.

> Служенье музъ не терпитъ суеты;
> Прекрасное должно быть величаво.

А политика—суета: «Искусство не имѣетъ ничего общаго съ политикой и даже не враждуетъ съ ней, потому что міръ искусства относится къ политикѣ при-

близительно такъ же, какъ море относится къ кораблю». Это значитъ: искусство относится къ политикѣ, къ общественности, къ жизни, какъ безконечное относится къ малому; искусство надъ жизнью, какъ небо надъ землею. Жизнь говоритъ о временномъ, здѣшнемъ, человѣческомъ, искусство—о вѣчномъ, божественномъ, нездѣшнемъ. «Геніи суть инструменты Божества». Жизнь —явленіе; искусство—«вещь въ себѣ». Искусство—религія, художникъ—жрецъ.

Старая-старая пѣсня, пушкинскій діалогъ: «Поэтъ и чернь»:

Procul este, profani!
Изыдите, оглашенные!

Я такъ понялъ, и, кажется, иначе нельзя понять. Одного не понимаю: если Блокъ доволенъ такимъ положеніемъ вещей, зачѣмъ же онъ все-таки идетъ съ «искусствомъ» въ «газету», въ политику, въ общественность, въ жизнь? Зачѣмъ не сидитъ смирно въ своемъ колодцѣ? Зачѣмъ хватается за гладкую стѣну, карабкается, лѣзетъ на стѣну?

«Здѣсь какая-то путаница, — говоритъ Философовъ въ своемъ отвѣтѣ Блоку «Уединенный эстетизмъ».—Блокъ смѣшиваетъ вульгаризацію съ демократизаціей, боясь вульгарности, проповѣдуетъ ложный аристократизмъ и этимъ какъ-разъ содѣйствуетъ превращенію Прекраснаго въ красивость, любезную мѣщанамъ... Подлинное искусство всенародно».

Философовъ опустилъ веревку въ колодецъ, можетъ-быть, неловко, неумѣло, но съ добрымъ намѣреніемъ помочь Блоку вылѣзти, а тотъ принялъ спасительную веревку за бичъ карающій и тихо стонетъ: «Оставьте меня въ покоѣ!»

«Непониманіе или нежеланіе понять?»—спрашиваетъ онъ, озаглавивъ этимъ вопросомъ вторую статью свою, отвѣтъ Философову. «Уединенный эстетизмъ» кажется Блоку «сочетаніемъ двухъ жупельныхъ словечекъ, жаргономъ, которымъ стращаютъ тѣхъ, кто согласенъ трепетать передъ словами». Блокъ трепетать не согласенъ.

«Могло казаться,—поясняетъ онъ,—что я говорю о безмѣрной пропасти, которая лежитъ между искусствомъ и жизнью, для того, чтобы унизить жизнь насчетъ искусства, принести ее искусству въ жертву. Жаль, если кто-нибудь подумалъ такъ».

Но какъ же не подумать, если политика, общественность, жизнь относятся къ искусству, «какъ къ морю корабль», то-есть, какъ малое, ничтожное—къ безконечному? Нельзя болѣе унизить жизнь насчетъ искусства, чѣмъ онъ это дѣлаетъ.

«Не во имя о д н о г о изъ этихъ міровъ говорилъ я, а во имя обоихъ,—продолжаетъ онъ какъ-будто поясняя, а на самомъ дѣлѣ измѣняя смыслъ первой статьи.—Чѣмъ глубже любишь искусство, тѣмъ оно становится несоизмѣримѣе съ жизнью; чѣмъ сильнѣе любишь жизнь, тѣмъ бездоннѣе становится пропасть между нею и искусствомъ. Когда любишь то и другое вмѣстѣ съ одинаковой силою,—такая любовь трагична. Любовь къ двумъ братьямъ, одинаково не знающимъ другъ о другѣ, одинаково пребывающимъ въ смертельной враждѣ, готовымъ къ смертному бою до послѣдняго часа, когда придетъ третій, подниметъ ихъ забрала, и они взглянутъ другъ-другу въ лицо. Но когда придетъ третій? Мы не знаемъ».

Третій—не искусство и не жизнь. Кто же? Опять «не знаемъ»? А, можетъ-быть, и нѣтъ вовсе третьяго?

Между красотой и жизнью нѣтъ соединенія: надо выбирать между безобразной жизнью и красотой безжизненной. И какой выборъ ни сдѣлаешь,—все равно, погибнешь. Нѣтъ выбора, нѣтъ выхода. Стѣна спереди, стѣна сзади, и по обѣимъ сторонамъ стѣны: четыре стѣны гладкія, скользкія,—ухватиться не за что, изъ колодца не вылѣзти.

«Въ такой остротѣ я ставлю вопросъ»,—заключаетъ Блокъ. Въ такой остротѣ, въ такой глубинѣ и узости. Глубина и узость тѣхъ черныхъ колодцевъ, въ которыхъ сидятъ одинокіе.

Страшно, и всего страшнѣе то, что Блокъ говоритъ не общія слова, что онъ говоритъ по опыту.

«Я слушаю музыку, положимъ, Вагнера... Въ тѣ рѣдкія для человѣка минуты, когда ему удается услышать музыку дѣйствительно,—онъ для жизни непригоденъ... глухъ и нѣмъ для этого міра... Мнѣ извѣстно доподлинно, что въ высшій моментъ художественнаго воспріятія—жизни не надо, жизнь постыла. Точно такъ же доподлинно извѣстно мнѣ, что когда я живу, дышу, люблю, ревную, плачу,—мнѣ не нужно искусства... Итакъ, въ послѣднемъ счетѣ искусства съ жизнью не помирить, до сихъ поръ—не помирить. Трагедія останется трагедіей до какого-то срока».

До какого же именно? Въ этомъ весь вопросъ. Философовъ отвѣчаетъ: пока искусство не сдѣлается всенароднымъ. И Блокъ во второй статьѣ, по существу, согласенъ съ нимъ. На это есть и въ первой намекъ, правда, очень слабый и смутный, главнаго смысла статьи не мѣняющій: «разрѣшеніе противорѣчія между искусствомъ и жизнью—дѣло будущаго и дѣло соборное».

Но ни Блокъ, ни Философовъ не договариваютъ глав-

наго, не произносятъ слова религія, а этимъ все рѣшается. Высшее искусство «всенародно», «соборно», но соборнымъ и всенароднымъ можетъ быть и дѣйствительно уже было когда-то искусство религіозное.

Ошибка Блока заключается въ томъ, что онъ считаетъ свой собственный опытъ въ искусствѣ единственнымъ,—опять ошибка одиночества. Ему «доподлинно извѣстно», что когда онъ слушаетъ музыку Вагнера, то «жизни не надо, жизнь постыла». Но вотъ старушка немудреная, ничего не смыслящая въ музыкѣ Вагнера, положимъ, няня Пушкина, Арина Родіоновна, слушаетъ въ церкви во время обѣдни херувимскую,—и жизнь не «постыла» ей, жизнь ей нужна,—можетъ-быть, до херувимской постыла, а послѣ опять нужна, полна уже иного, святого смысла; между красотой божественной и жизнью человѣческой есть для нея примиреніе, соединеніе послѣднее.

И мнѣ, такъ же какъ Блоку, «доподлинно извѣстно», что ея художественное воспріятіе—высшее, по типу высшее, чѣмъ все, что можетъ дать музыка Вагнера.

И когда древній грекъ слушалъ Эсхиловыхъ «Персовъ», ему жизнь тоже не постыла: ему жизнь нужна была, чтобы отдать ее за то, что выше, чѣмъ жизнь.

Въ «Крейцеровой сонатѣ» Позднышевъ ужасается и негодуетъ на музыку за то, что она возбуждаетъ волю безцѣльно, безсмысленно, зоветъ куда-то, велитъ дѣлать что-то, но неизвѣстно куда, неизвѣстно что. А вотъ древній грекъ, слушая «Персовъ», и Арина Родіоновна, слушая херувимскую, знаютъ, куда зоветъ музыка, и что надо дѣлать. Для нихъ, обоихъ искусство —не религія, а служитъ религіи. Это было,

—было, есть и будетъ; но, чтобы это увидѣть, надо изъ колодца вылѣзти.

«Когда я живу, дышу, люблю, ревную, плачу,—мнѣ не нужно искусства», потому что оно говоритъ о нездѣшнемъ, а жизнь—только о здѣшнемъ. Вотъ вторая ошибка Блока. Неужели поэтъ «Прекрасной дамы», когда любилъ земную женщину, не чувствовалъ въ этой земной ту, другую, Нездѣшнюю? И неужели ему не «извѣстно доподлинно», что Она ходитъ по всѣмъ путямъ земнымъ не только въ «прекрасно-величавыхъ», но и въ смиренныхъ, униженныхъ и оскорбленныхъ человѣческихъ образахъ? Какъ же онъ объ этомъ забылъ? Какъ забылъ и о другомъ, самомъ глубокомъ откровеніи своемъ,—о томъ, что Она не только Невѣста, но и Мать?

Туда, гдѣ смертей и болѣзней
Лихая прошла колея,
Исчезни въ пространство, исчезни,
Россія, Россія моя!

(А. Бѣлый).

Въ этой Странницѣ, идущей по лихой колеѣ, неужели не узналъ онъ Ея, только потому, что тѣло ея въ нищенскомъ рубищѣ, и ноги изранены, въ крови, въ грязи? Эта грязь и кровь—не та ли самая «политика», которая, будто бы, «съ искусствомъ не можетъ имѣть ничего общаго»?

Служенье музъ не терпитъ суеты;
Прекрасное должно быть величаво.

Но вотъ муза Некрасова—

...эта блѣдная, въ крови,
Кнутомъ изсѣченная Муза.

Поэту «заниматься политикой» въ этомъ смыслѣ—не значитъ ли цѣловать израненныя, окровавленныя ноги Ея же, Вѣчной, Нездѣшней, Божественной?

Въ глубинѣ искусства—религія, и въ глубинѣ жизни—тоже религія. Религія соединяетъ искусство съ жизнью, и никакого другого соединенія быть не можетъ. Религія—religio—и значитъ соединеніе, связь. Это—первая и послѣдняя связь всѣхъ вещей, соединеніе всего разъединеннаго. Если вынуть ее, то все распадется. Распадъ искусства и жизни—только частный случай распада общаго.

Религія соединяетъ искусство съ жизнью не мимолетною радугой мимолетныхъ грозъ, а вѣчною твердью всенароднаго творчества, подъ которой проходятъ всѣ грозы, сіяютъ всѣ радуги личнаго генія.

«Въ моей статьѣ,—говоритъ Блокъ,—есть намекъ на такую вѣру. Но такъ какъ это—область вѣры, трудно и тяжело говорить объ этомъ. Гадать объ этомъ—не знаю, можно ли и надо ли. Говорить утвердительно—значитъ проповѣдывать».

Но, вѣдь, всякая критика, изъ глубины идущая (а критика Блока идетъ изъ глубины), есть «проповѣдь».

Прекрасное должно быть величаво,—тоже проповѣдь. И когда онъ утверждаетъ, что «искусствомъ нельзя поступаться ни для чего»,—онъ проповѣдуетъ.

Противорѣчіе искусства и жизни трагично. А трагедіи безъ жертвы не бываетъ. Трагедія заключается въ борьбѣ двухъ вѣчныхъ правдъ и въ необходимости пожертвовать одной изъ нихъ. Только зритель можетъ утверждать обѣ правды, ни одной не жертвуя. Но дѣйствующее лицо должно сдѣлать выборъ.

Я вѣрю, что Блокъ—художникъ, т.-е. дѣйствующее лицо трагедіи искусства и жизни; я также вѣрю, что не

хочетъ онъ безжертвенной, благополучной трагедіи—«балаганчика». Какой же выборъ онъ дѣлаетъ? Чѣмъ жертвуетъ?

Надо отвѣтить прямо на прямой вопросъ: чѣмъ жертвовать? Блокъ отвѣчаетъ не прямо: жизнью. Религіозный человѣкъ отвѣчаетъ прямо: искусствомъ.

Жизнь первѣе искусства. Сначала растеніе, потомъ цвѣтокъ: погибнетъ растеніе, и цвѣтка не будетъ. Говорить объ искусствѣ, когда нѣтъ жизни, по меньшей мѣрѣ, безполезно, а то и жестоко.

Красота—царица міра, но и она служитъ тому, что выше міра, а если хочетъ не служить, только царствовать, то становится самозванкой, бунтующей рабыней. И тогда:

Мы, вольные, свергаемъ власть рабыни,
Свергаемъ Красоту.

Что это? Новая писаревщина? «Разрушеніе эстетики»? Пусть такъ. Бываютъ времена, когда художникъ долженъ приносить въ жертву красоту чему-то высшему, какъ Агамемнонъ приноситъ дочь свою Ифигенію въ жертву богамъ, а милосердные боги спасаютъ ее и уносятъ на далекій берегъ, гдѣ будетъ она жрицей боговъ.

И неужели не видитъ Блокъ, что сейчасъ въ Россіи, утверждая искусство, уходящее отъ жизни, онъ ломится въ открытую дверь? Насъ хлѣбомъ не корми, —только бы уйти намъ отъ жизни. «Искусствомъ нельзя поступиться ни для чего», искусство—абсолютная цѣнность, искусство—религія,—да, вѣдь, это общее мѣсто всѣхъ «лакееобразныхъ эстетовъ» (выраженіе Блока), всѣхъ отступниковъ. Плоскость изъ плоскостей, пошлость изъ пошлостей.

Вонъ полотно Рѣпина порѣзали,—и вся Россія,—о, конечно, въ суворинскомъ смыслѣ «вся Россія»,—содрогнулась, закричала отъ боли, какъ-будто ея собственное тѣло порѣзали. Не потому ли именно, что искусство для насъ живѣе, чѣмъ жизнь, нарисованная кровь живѣе живой? Полотно рѣжутъ,—больно, кричимъ; а живыхъ людей,—ничего, привыкли, молчимъ.

Молчимъ «до какого-то срока»,—утѣшаетъ Блокъ. До какого же? И не отъ того ли молчимъ, что веревка на шеѣ? Не пропустить бы срока, не задохнуться бы. И ужъ, во всякомъ случаѣ, съ веревкой на шеѣ нельзя пѣть гимнъ красотѣ божественной: сначала надо снять веревку.

А все-таки спасибо Блоку за то, что онъ опомнился и ужаснулся въ своемъ черномъ колодцѣ. Можетъ-быть, и другіе ужаснутся, закричатъ отъ ужаса, «полѣзутъ на стѣну». Дай Богъ! Только бы не молчали, не покорялись тому страшному демону, о которомъ сказано:

И сторожитъ Молчанья демонъ
Колодцы черные свои.

Ночью о солнцѣ

Богъ создалъ Еву изъ ребра Адамова. Отъ начала міра этому повѣрили и вѣрятъ до сего дня. Она—въ немъ, она—онъ; безъ него ея нѣтъ.

Дѣвочка, на краю обрыва,
Плачетъ свивая вѣнокъ...
— Дѣвочка, кто тебя обидѣлъ?
Она испугалась, что я увидѣлъ,
Пролепетала странный отвѣтъ:
— Меня Сотворившій меня обидѣлъ,
Я плачу оттого, что меня нѣтъ...
О, зачѣмъ ты меня тревожишь?
Мнѣ твоего не дано пути.
Ты для меня ничего не можешь:
Того, кого нѣтъ, нельзя спасти.
Ты душу за меня положишь, —
А я останусь вѣнокъ свой вить.
Ну, скажи, что же ты можешь?
Это Богъ не далъ мнѣ — быть.

Вообще, господа критики—любезные кавалеры съ дамами, даже у насъ, въ Россіи, гдѣ нельзя упрекнуть ихъ въ излишней любезности. Пока писательница—только писательница, женщина—только женщина,—ей многое прощается. Если бы о н ъ, а не о н а писала,—сочли бы посредственнымъ или никуда негоднымъ; ну, а для н е я ндурно.

Но горе той, которая не захотѣла этой чести, выступила изъ-за щита своей женской слабости, усомнилась въ томъ, что «Богъ не далъ ей быть».

Вотъ главная вина З. Гиппіусъ. Все простили бы, только не это. Она коснулась тайны, которой нельзя касаться, древней-древней, семью печатями запечатанной,—тайны о бракѣ, о полѣ, о немъ, который есть, и о ней, которая не должна, не можетъ, не хочетъ быть. Тутъ вовсе не эмпирическій, не нравственный, не общественный вопросъ о равенствѣ или неравенствѣ, о свободѣ или несвободѣ женщинъ, а неизмѣримо болѣе глубокій, метафизическій вопросъ о двухъ полюсахъ міра, о бытіи и небытіи, о мужскомъ и женскомъ въ ихъ вѣчной, нездѣшней противоположности.

Мужчина все позволитъ женщинѣ—преклонитъ колѣни и отдастъ ей всѣ права, свободы, почести,—только не позволитъ ей быть. Быть ей—ему не быть: вотъ западня дьявола, которая кажется заповѣдью Божьей. «Глава женѣ—мужъ». Это, вѣдь, и значитъ: онъ есть, а ея нѣтъ.

И вовсе не литературная критика, не бытовая нравственность, не общественное мнѣніе возстали бы на нее, если бы удостоили прислушаться къ тому, что она говоритъ, а, вотъ, эта именно древняя тайна пола, тайна «женскаго»—какъ бы сама природа, законъ естества.

— А, ты захотѣла быть. Такъ будешь же. Но будешь притчей во языцѣхъ, позоромъ среди женъ. Твоя смерть—смѣхъ. Смѣхомъ тебя казню. И затоскуешь о своемъ ничтожествѣ, опять захочешь не быть. И не сможешь. Будешь имѣть душу. Но посмотри на нее, на душу свою:

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она—змѣя.

Меня изранила противно жгучая
Ея колѣнчатая чешуя...
Своими кольцами она, упорная,
Ко мнѣ ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная—моя душа.

Таковъ законъ естества, порядокъ необходимости. Но что же такое религія, какъ не борьба съ необходимостью, во имя чуда, во имя иного порядка? И вотъ Она же—въ этомъ иномъ порядкѣ:

Кто увидѣлъ Утреннюю, Бѣлую
Средь расцвѣтающихъ небесъ,
Тотъ не забудетъ тайну смѣлую,
Обѣтованіе чудесъ...
Душа моя, душа свободная,
Ты чище пролитой воды,
Ты — твердъ зеленая, восходная,
Для свѣтлой Утренней Звѣзды.

Недаромъ оба стихотворенія поставлены рядомъ и озаглавлены: «Она». Между этими двумя полюсами—«вѣчно женскимъ» и «вѣчно женственнымъ»—колеблется игла вѣсовъ, тонкая, острая,—вся поэзія Гиппіусъ.

Въ романѣ Уэллса «Путешествіе на луну» описываются лунные люди, похожіе на исполинскихъ муравьевъ, почти въ ростъ человѣческій, но такіе слабые, хрупкіе и валкіе, что одному земному человѣку легко истребить ихъ цѣлое полчище: стоитъ любого ударить или даже просто пальцемъ ткнуть,—онъ ужъ и готовъ: подломились лапки, хрустнулъ, завалился и подохъ.

Въ одномъ недавно напечатанномъ разсказѣ, З. Гип-

піусъ съ этими «лунными муравьями» сравниваетъ тѣхъ современныхъ русскихъ людей, изъ которыхъ набирается нынѣшнее небывалое множество самоубійцъ. Такіе же они слабые, хрупкіе, валкіе: чуть тронешь—хрустнулъ, завалился и подохъ. Ужасающая готовность къ саморазрушенію, самоуничтоженію; любовь къ смерти, влюбленность въ смерть.

О, почему Тебя любить
Мнѣ суждено неодолимо?..
Теряетъ блѣдные листы
Мой садъ, Тобой завороженный...
Въ моемъ саду проходишь Ты,—
И я тоскую, какъ влюбленный.

Такъ сильна у нея самой эта влюбленность въ смерть, что иногда начинаетъ казаться, что и она той же неземной породы, что ея собственная поэзія—поэзія «лунныхъ муравьевъ». Со всѣхъ «цвѣтовъ зла» сочащійся, невидимо разлитый въ воздухѣ ядъ, который превращаетъ кости человѣческія въ скорлупу насѣкомыхъ, собираетъ она и складываетъ въ стихи, какъ медъ въ соты. И куда только ни залетаетъ, въ какія страшныя орхидеи-мухоловки ни забирается, чтобы пососать этого смертнаго яду.

Любовь къ смерти — и это все? Стоитъ немного пристальнѣе вглядѣться въ поэзію Гиппіусъ, чтобы увидѣть, что это не все, что она ищетъ не только яда, но и противоядія. Нашла ли, найдетъ ли,—вопросъ иной, но что ищетъ, нѣтъ сомнѣнія. Можетъ быть, для того только и продѣлываетъ надъ собою всѣ эти опасные, почти преступные опыты, чтобы изучить заразу, побѣдить ее изнутри, подобно врачу, который прививаетъ себѣ болѣзнь, чтобы найти лѣкарство.

Коренное свойство «лунныхъ муравьевъ»—невинность, невѣдѣніе того, что съ ними дѣлается: гибнутъ и не знаютъ,—какъ, отчего и за что. З. Гиппіусъ знаетъ, во всякомъ случаѣ, знаетъ, откуда все пошло, гдѣ и когда началось.

Жадны звонкія копыта;
Шумно, дико и темно...
Тамъ—веселье съ кровью слито,
Тѣло въ тѣло вплетено...
Все разбито, все забыто,—
Пейте новое вино.
Жадны звонкія копыта...
Будь, что будетъ,—все равно.

Это въ октябрѣ 1905 года, а въ декабрѣ того же года:

Тайна есть великая, запретная,
Есть обѣты—ихъ нельзя развязывать.
Человѣческая кровь—завѣтная:
Солнцу кровь не велѣно показывать.

Такъ вотъ, откуда пошло, гдѣ и когда началось. Лунно-муравьиная чума отъ крови, показанной солнцу. Самоубійство—за убійство, казнь—за казнь, кровь—за кровь.

Тѣ пятна ржавыя вкипѣли,
Ихъ ни забыть, ни затоптать.
Горитъ, горитъ на темномъ тѣлѣ
Неугасимая печать.

О, конечно, можно бы перевести и на прозу эту поэзію...

Сначала кровавый, потомъ пыльный вихрь:

Ѣдко, сладко дышетъ тлѣнье...
Въ сѣромъ вихрѣ таетъ плоть.
Помяни мое паденье
На судѣ Твоемъ, Господь!

И, наконецъ, сѣрая слякоть:

Тучны, грязны и слезливы,
Осѣдаютъ небеса.
Веселы и шопотливы
Дождевые голоса...
О гніеньи, разложеньи
Все твердятъ,—не устаютъ,
О всеобщемъ разрушеньи,
Умираніи поютъ.

Та самая слякоть, въ которой мы и сейчасъ находимся.

Мы, тихіе, въ себѣ стыдимся Бога,
Надменные, мы тлѣемъ, не горя...
О, страшная и рабская дорога!
О, мутная, послѣдняя заря!

Подписано 1904—до «освобожденія», но можно бы подписать и 1910—11—12 и еще Богъ вѣсть какимъ годомъ, потому что въ этой неподвижной сѣрости, однозвучной слякоти само время какъ будто остановилось, сдѣлалось вѣчностью.

Единый мигъ застылъ—и длится,
Какъ вѣчное раскаянье.
Нельзя ни плакать, ни молиться...
Отчаянье! Отчаянье!
Сомкни плотнѣй пустыя очи
И тлѣй скорѣй, мертвецъ.
Нѣтъ утръ, нѣтъ дней, есть только ночи...
Конецъ.

Конецъ «лунныхъ муравьевъ»: подломились лапки, хрустнулъ, завалился и подохъ.

Какая-то московская барышня изъ краснаго знамени, съ которымъ въ 1905 году шла на похоронахъ Баумана, въ 1910 году сшила себѣ декадентское платье

для маскарада. Вотъ въ кратчайшемъ символѣ судьба всѣхъ «лунныхъ муравьевъ», тотъ хваленый отказъ отъ общественности, возвратъ къ личности, о которомъ такъ хлопочутъ «Вѣхи».

Бывшіе декаденты въ искусствѣ—теперешніе «лунные муравьи» въ жизни. Слѣпое самоутвержденіе приводитъ къ саморазрушенію, къ самоубійству личности. Это двѣ стороны одного и того же. Единый первоисточникъ обоихъ ядовъ, и декадентскаго, и «лунно-муравьинаго». Вотъ что знаетъ З. Гиппіусъ, вотъ съ чѣмъ она борется. Вся ея поэзія—удачная или неудачная, но несомнѣнная попытка борьбы именно съ этою заразою, поиски за противоядіемъ именно отъ этихъ ядовъ.

Только въ самомъ концѣ декадентства стараго, слѣпого, нерелигіознаго утвержденія личности — ея острѣйшее остріе ломается, или, вѣрнѣе, сама личность переламываетъ, перебарываетъ, преодолѣваетъ себя, чтобы выйти въ общественность, уже не старую, слѣпую, а новую, зрячую религіознымъ зрѣніемъ. Вотъ чѣмъ отличается З. Гиппіусъ отъ всѣхъ своихъ сверстниковъ, русскихъ декадентовъ. У нихъ у всѣхъ личное остается личнымъ.

Отъ уединенія къ соединенію, отъ себя ко всѣмъ,— таковъ путь З. Гиппіусъ, еще не пройденный, но уже начатый.

Чтобы спастись, надо знать, отчего гибнешь. На вопросъ: отчего?—нельзя точнѣе отвѣтить, чѣмъ отвѣчаетъ поэтъ:

Кѣмъ не владѣетъ Богъ, — владѣетъ Рокъ.

Это вѣрно не только о каждомъ человѣкѣ въ отдѣльности, но и о цѣлыхъ поколѣніяхъ, о цѣлыхъ народахъ.

Страшное, грубое, липкое, грязное,
Жестко-тупое, всегда безобразное...
Трупно-холодное, жалко-ничтожное,
Непереносное, ложное, ложное.
Но жалобъ не надо; что радости въ плачѣ?
Мы знаемъ, мы знаемъ: все будетъ иначе.

Было и будетъ. Святое въ бывшемъ, святое въ будущемъ.

И вижу я: на комъ-то загораются
Сіяньемъ новымъ бѣлые вѣнцы...
Надъ временемъ, во мнѣ, соприкасаются
Начала и концы.

Было начало, будетъ конецъ. Соприкоснется святыня со святынею, бывшее съ будущимъ.

А пока—

Мы ни тамъ, ни тутъ.
Дѣло наше такое, бездомное.
Пѣтухи поютъ, поютъ...
Но лицо небесъ—еще темное.
На деревья гляди, на верхи;
Не колеблетъ ихъ близость разсвѣтная.
Все поютъ, поютъ пѣтухи;
Но земля молчитъ, неотвѣтная...

Пусть молчитъ, только бы этотъ крикъ пѣтуховъ, ночью о солнцѣ, не умолкалъ.

Напророчили вѣщія птицы,
Отмерцали ночныя зарницы,—
Солнце встаетъ вдали...
Какою мѣрою любовь измѣрить?
О, дай мнѣ, о, дай мнѣ вѣрить
Въ силу моей земли!

Только бы вѣра была, и сила будетъ, солнце встанетъ. Тогда-то отвѣтитъ земля на крики вѣщихъ птицъ...

Мертвая точка

— Поклонитесь же отъ насъ Россіи! — кричалъ намъ, отъѣзжающимъ, въ окно вагона одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ изгнанниковъ, для которыхъ маленькая рѣчка между Вержболовымъ и Эйдкуненомъ—бездонный Ахеронъ, рѣка смерти, а Россія—тотъ свѣтъ, «страна, откуда путникъ не возвращался къ намъ».

Мы забываемъ объ изгнанникахъ, какъ живые—о мертвыхъ; но мертвые помнятъ живыхъ. «Поклонитесь же отъ насъ Россіи!»—я никогда не забуду этого голоса.

Сколько бы ни увѣряли меня Достоевскій большой и Достоевскіе маленькіе, что въ изгнанникахъ—«бѣсы», стоитъ мнѣ вспомнить этотъ голосъ, эти глаза, смотрѣвшіе на меня въ окно вагона, чтобы почувствовать, что легенда о «бѣсахъ» давно уже потеряла соль.

Въ нихъ «бѣсы» вошли, а изъ насъ вышли? «Когда нечистый духъ выйдетъ изъ человѣка, то ходитъ по безводнымъ мѣстамъ, ища покоя, и не находитъ. Тогда говоритъ: «возвращусь въ домъ мой, откуда я вышелъ». И пришедши, находитъ его незанятымъ, выметеннымъ и убраннымъ. Тогда идетъ и беретъ съ собою семь другихъ духовъ сильнѣйшихъ себя, и вошедши,

живутъ тамъ; и бываетъ для человѣка того послѣднее хуже перваго». Сколько нынче такихъ домовъ убранныхъ!

Если вѣрить богословамъ, то у каждаго человѣка—свой бѣсъ. И въ просвѣщеннѣйшемъ Петрѣ Бернгардовичѣ Струве, который вообще въ бѣсовъ не вѣритъ, а вѣритъ въ «Великую Россію», можетъ быть, тоже сидитъ «маленькій бѣсенокъ съ насморкомъ».

Но бѣсы бѣсами, а люди людьми. Не пора ли сказать всей этой нечисти: «не запугаете!»

Я не изгнанникъ, но когда въ Вержболовѣ слышу голосъ Харона: «паспортъ пожалуйте»,—сердце у меня ёкаетъ, какъ будто изъ одной категоріи бытія я вдругъ попадаю въ другую, изъ царства закона—въ царство благодати. Что̀ именно со мной по благодати сдѣлаютъ,—высѣкутъ или помилуютъ,—я не знаю, но ко всему готовъ и долженъ сознаться, что чувство это не безъ привычной сладости. «По сему одному узнаю, что я русскій», какъ говорилъ одинъ вольнодумецъ 20-хъ годовъ.

Съ этимъ чувствомъ, послѣ границы, качаюсь на широкихъ колеяхъ родного пути, убаюканный, какъ въ мягкой люльки старою нянею.

А вотъ и Варшавскій вокзалъ, и Забалканскій проспектъ и синій, какъ синька, съ нелѣпыми звѣздами сусальнаго золота, куполъ Измайловскаго собора на пыльно-голубомъ, точно полиняломъ и выцвѣтшемъ, небѣ.

Я самъ, друзья мои, дань сердцу заплатилъ,
Когда, волненьями судьбины
Въ отчизну брошенный изъ дальнихъ странъ чужбины,
Увидѣлъ наконецъ Адмиралтейскій шпицъ,
Фонтанку, этотъ домъ и столько милыхъ лицъ.

Что «Петербургу быть пусту», я знаю, а все-таки люблю его, люблю—«жалѣю». Жалкій, жалкій, а все-таки мой, родной, и не только мой, но и Петра, Достоевскаго, Пушкина. Призрачный, несуществующій и страшно-существенный. Какъ слова изъ пѣсни, такъ Петербурга изъ Россіи не выкинешь. Но надо вглядѣться, вдуматься, вжиться въ него, чтобы понять чудовищную прелесть этого «Парадиза» Петровскаго; надо обтерпѣться, чтобы сквозь холерную вонь Фонтанки почувствовать весенній запахъ клейкихъ листочковъ березовыхъ. А первое, что лѣзетъ въ глаза послѣ большихъ городовъ европейскихъ,—нищета, убожество, «мизерность». И дома, и люди, и лошади, и вывѣски, и улицы, и площади, и садики—все обшарканное, заплёванное, заплюзганное, пришибленное, прощелыжное. Гляжу на прохожихъ и удивляюсь: какіе замухрышки несчастныя! Лица — больныя-больныя, сѣро-зеленыя, послѣ страшной зимы семимѣсячной, какъ послѣ тюрьмы или голода. «Боже, какъ грустна наша Россія!»—вспоминается воздыханіе Гоголя.

Нигдѣ такъ рано, какъ здѣсь, зима не кончается, зима, конечно, въ умахъ и сердцахъ, а не въ воздухѣ. Уже въ началѣ мая весь Петербургъ на отлетѣ. Всѣ куда-то спѣшатъ, какъ будто исполняя пророчество: «Петербургу быть пусту»,—разъѣзжаются, разбѣгаются, какъ изъ зачумленнаго города. Устали, измучились, озлобились, перессорились, возненавидѣли себя и другъ друга. У всѣхъ отвращеніе къ виду своихъ улицъ, своихъ комнатъ, своихъ обоевъ, своей обветшавшей и полинявшей вдругъ на яркомъ солнцѣ мебели, къ лицамъ друзей и недруговъ: не глядѣли бы на все это глаза! Вонъ изъ проклятаго города! На четыре лѣтнихъ мѣсяца всѣ какъ будто умираютъ, на-

вѣки разлучаются, чтобы встрѣтиться осенью съ такимъ удивленіемъ, съ какимъ, должно быть, на томъ свѣтѣ встрѣчаются покойники.

— А-а, Иванъ Иваничъ! Ну, какъ лѣто провели въ Финляндіи? А у насъ, въ Новгородской губерніи, представьте себѣ, подъ самую Троицу, мокрый снѣгъ. У Сонечки плевритъ, у Васеньки коклюшъ...

Рука руку жметъ, а глаза удивляются: «живъ еще, старый хрычъ!»

Я не былъ въ Россіи три мѣсяца. Три мѣсяца—мигъ, особенно, въ такія времена, какъ наше, когда «улита ѣдетъ». Но въ мигѣ—вѣчность,—не мертвое, часовое время, а живая, внутренняя «длительность» («durée», по Бергсону). Мигами бьется сердце, ткется живая ткань жизни, и цвѣтъ каждаго мига—всей ткани цвѣтъ. Дифференціальное исчисленіе миговъ—высшая математика общественности: въ безконечно-маломъ—безконечно-великое. Именно здѣсь, въ этихъ мельчайшихъ дробяхъ, атомахъ времени, зачинается то, что, можетъ быть, потомъ выростетъ въ глыбы событій.

Вотъ почему захотѣлось мнѣ приникнуть ухомъ и прислушаться къ біенію русскаго сердца, русскаго мига за эти три мѣсяца.

Несмотря на запустѣніе майское, я кое-кого засталъ еще въ городѣ. Между прочимъ, двухъ моихъ пріятелей: Гераклита плачущаго и Демокрита смѣющагося.

Гераклитъ—умѣренно лѣвый и безпартійный, до мозга костей интеллигентъ-общественникъ, весь обросшій тѣмъ, что Бѣлинскій называлъ «соціальностью», какъ старые деревья—мохомъ.

— Ну, что новенькаго?—началъ я его распрашивать.

— Да ничего, все по старому.

— А «оживленіе»?

Онъ посмотрѣлъ на меня и только рукой махнулъ.

— Неужели кончилось? А забастовки рабочихъ, а послѣднія событія въ Думѣ, а проэкты «объединенной оппозиціи» и проч., и проч.—вы же сами говорили, помните?

— Помню.

— Ну, такъ какъ же?

— Что какъ?

— Да вообще все? Чѣмъ пахнетъ въ воздухѣ?

— Лучше не говорить, чѣмъ.

— Ну, а все-таки?

— Мертвечиною...

Я замолчалъ, огорошенный. Онъ, тоже молча и не глядя на меня, наклонившись низко надъ стаканомъ чаю, помѣшивалъ сахаръ ложечкой. Я вглядѣлся въ него: да, усталъ человѣкъ за зиму; и не то что въ лицѣ осунулся, а какъ-то весь в п а л ъ, вотъ какъ щеки впадаютъ.

Послѣ молчанія мы заговорили оба сразу. Это была одна изъ тѣхъ бесѣдъ косноязычныхъ, корявыхъ, заплетающихся, мямлящихъ, которыя возможны только въ Россіи, только въ Петербургѣ, въ бѣлыя ночи,—

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогна града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда...

Смыслъ такихъ бесѣдъ нельзя словами выразить, да пожалуй, и нѣтъ смысла, а есть только «пѣсня безъ

словъ», заунывная, за сердце хватающая музыка: «Боже, какъ грустна наша Россія!»

— Скверно у всѣхъ на душѣ,—говорилъ—п ѣ л ъ мой собесѣдникъ.—И даже не скверно, а «трупно», вотъ именно трупно! На послѣднемъ банкетѣ N-скихъ дѣятелей такая скучища была, что стыдно было смотрѣть другъ другу въ глаза. Что-то въ родѣ «Бобка» Достоевскаго, до резолюціи: «ничего не стыдиться». И что такое сдѣлалось, понять нельзя: все тѣ же ораторы, что нѣкогда «глаголомъ жгли сердца людей», а теперь слушаемъ ихъ и зѣваемъ до вывиха челюстей или «спимъ отъ печали», какъ ученики Господни въ саду Геѳсиманскомъ. А слова объ «оживленіи»,—какъ подкожныя вспрыскиванья мускусомъ умирающему, почти трупу: мускусъ—мускусомъ, а трупъ—трупомъ. Одинъ изъ ораторовъ свои впечатлѣнія разсказывалъ отъ поѣздки по городамъ Южной Россіи, тѣмъ самымъ, что̀ были очагами движенья въ 1905 году. И какъ бы вы думали, что̀ поразило его больше всего?

— Ну, что же?

— «Аполитизмъ», невозмутимость, неуязвимость, непроницаемость для всѣхъ вопросовъ общественныхъ. Никому ни до чего дѣла нѣтъ, хоть колъ на головѣ теши! «Ну ее къ чорту политику!»

— Какой же выводъ?

— Выводъ—мертвая точка—ни тпру, ни ну... Вотъ какъ въ механикѣ, когда два рычага въ прямую линію сходятся и, чѣмъ больше сила, тѣмъ рычаги неподвижнѣе: нуженъ внѣшній толчокъ, чтобы съ мертвой точки сдвинуться.

— Откуда же будетъ толчокъ?

— Въ томъ-то и вопросъ, откуда! Сидимъ у моря и ждемъ погоды... Ну, да что объ этомъ! Разскажите

ка лучше, какъ наши друзья поживаютъ, изгнанники...

И началъ о нихъ разспрашивать съ такою жадностью, какъ будто захотѣлось и ему приникнуть ухомъ, прислушаться къ біенію русскаго сердца, русскаго мига, но уже не здѣсь, въ Россіи, а тамъ, за рубежомъ таинственнымъ...

Первая бесѣда—съ Гераклитомъ плачущимъ, вторая—съ Демокритомъ смѣющимся. Бывшій марксистъ, теперь тоже умѣренно лѣвый и безпартійный. Человѣкъ умный, добрый, отзывчивый и, что̀ всего удивительнѣе, счастливый, но видомъ счастья своего не оскорбляющій. Если Гераклитъ—весь впалый, ущербленный, какъ луна въ послѣдней четверти, то Демокритъ—выпуклый, круглый, какъ та же луна въ полнолуніи.

— Какая часть Россіи въ кооперативномъ движеніи участвуетъ, какъ вы полагаете?—чуть ли не съ перваго слова задалъ онъ мнѣ свой любимый вопросъ.

Я зналъ, но притворился незнающимъ, чтобы сдѣлать ему удовольствіе.

— Сотая?

— Какъ бы не такъ!

— Десятая?

— Какъ бы не такъ!

— Пятая?

— Какъ бы не такъ.

Я онѣмѣлъ отъ удивленія, а онъ лукаво прищурился.

— Третья, батенька, третья часть Россіи!

И принялся мнѣ разсказывать о кооперації маслобойныхъ артелей такъ увлекательно, что, казалось, я слушаю новую «поэзу» Игоря Сѣверянина.

— А существуетъ ли связь между кооперативнымъ

движеніемъ и политикой?—робко вставилъ я, чтобы свести разговоръ къ тому, что мнѣ хотѣлось вывѣдать.

— Какъ вамъ сказать? Прямой связи нѣтъ. Сами посудите: какая можетъ быть связь между способами хранить свѣжее мясо или цѣнами на «задки» и «передки» бычачьи (задки для богатыхъ, передки для бѣдныхъ) и вопросами общей политики? Представьте себѣ соціалъ-демократа, попавшаго въ кооперацію: нѣкогда царствіе Божіе по Марксу и Энгельсу, а теперь задки и передки,—тутъ ужъ ни съ какимъ соціализмомъ не разгуляешься: «смирись, гордый человѣкъ!»

— Такъ нѣтъ ли связи косвенной?—вставилъ я опять, чтобы какъ-нибудь изъ задковъ и передковъ бычачьихъ выбраться.

— Косвенная—огромная. Кооперація, какъ всякое живое явленіе, сталкивается съ условіями русской дѣйствительности, и каждое изъ такихъ столкновеній для десятковъ, сотенъ тысячъ людей—нагляднѣйшій урокъ политики: когда человѣкъ стукнется лбомъ объ стѣну, какъ слѣдуетъ, то начинаетъ понимать, гдѣ раки зимуютъ. Недовольство въ массахъ ростетъ, копится, какъ электричество въ воздухѣ. Правда, вся эта энергія до сихъ поръ — статическая, неподвижная, и, чтобы перейти въ кинетическую, движущую, ей нуженъ толчокъ...

— А сейчасъ—мертвая точка?

— Вотъ именно. Чему вы улыбаетесь?

— Ивана Ивановича вспомнилъ: онъ совсѣмъ, какъ вы, насчетъ мертвой точки...

— Ну, что же? Значитъ, «прекрасные умы сходятся».

— Откуда же толчокъ будетъ?

Я думалъ, что Демокритъ смутится отъ этого вопроса, такъ же какъ Гераклитъ. Ничуть не бывало.

— Толчокъ можетъ быть съ трехъ сторонъ,—отвѣчалъ онъ безъ малѣйшей запинки:—отъ Государственной Думы, отъ внѣшней политики, да и мало ли еще откуда...

Въ концѣ бесѣды, можетъ быть, по той же связи мыслей, какъ Гераклитъ намедни, заговорилъ и Демокритъ объ изгнанникахъ и началъ о нихъ разспрашивать съ такою жадностью, какъ будто и ему захотѣлось проникнуть ухомъ, прислушаться къ біенію русскаго сердца, русскаго мига, уже не здѣсь, на родинѣ, а тамъ, въ изгнаніи...

Когда онъ ушелъ, я открылъ окно и выглянулъ на улицу. У подъѣзда торчалъ незнакомецъ таинственный въ дрянномъ пальтишкѣ, какъ-то нелѣпо и жалобно сзади подшлёпнутомъ, тотъ самый, что̀ каждый разъ, по возвращеніи моемъ на родину, тутъ какъ тутъ... А на небѣ остеклившемся, какъ незакрытые глаза покойника,чешуя облаковъ свѣтлѣла свѣтомъ невиданнымъ, ни вечернимъ, ни утреннимъ. И пустынная улица, и стѣны, и крыши, и окна домовъ, и понурая кляча извощика, и незнакомецъ въ пальтишкѣ подшлепнутомъ—все голубѣло голубизною прозрачною, какъ внутри сапфира. И такая грусть была во всемъ, что хотѣлось плакать...

«Поклонитесь же отъ насъ Россіи!»—вспомнилъ я и почувствовалъ, что съ мертвой точки не сдвинуться намъ, пока не дойдетъ до Россіи поклонъ изгнанниковъ, и не сольются въ одно два біенія русскаго сердца, русскаго мига—у насъ и у нихъ...

Маленькія мысли

I

Только простое вѣчно.

Изъ многихъ розъ—капля масла, изъ многихъ мукъ—капля мудрости.

Не любить въ жизни—быть сухимъ въ морѣ.

Всѣ счастливы, всѣ дышатъ воздухомъ; но никто не знаетъ своего счастья, никто не видитъ воздуха.

Въ прошломъ нѣтъ страха,—вотъ почему оно такъ мило.

Одинъ только страхъ—страхъ смерти; одна только надежда—надежда безсмертія.

«Надежда—кормилица старыхъ» (Пиндаръ).

Чѣмъ дальше въ жизнь, тѣмъ больше за спиною туча покойниковъ.

Смерть нелѣпе, чѣмъ 2×2=5, а все-таки вотъ она смерть!

Мы знаемъ, но не вѣримъ, что умремъ. И, вѣдь, правда: не умремъ.

Безсмертія нельзя доказать, какъ 2×2=4. И хорошо, что нельзя: оно вѣрнѣе, т.-е. должно быть вѣрнѣе.

Что тамъ, за гробомъ? То же, что здѣсь, только въ иномъ измѣреніи.

Быть или не быть—лукавый вопросъ: кто объ этомъ спрашиваетъ, тотъ уже рѣшилъ: не быть.

Невѣрующій не понимаетъ, что можно вѣрить; вѣрующій не понимаетъ, что можно не вѣрить.

Нельзя доказать, что есть внѣшній міръ (Бёрклей, Кантъ); точно такъ же нельзя доказать, что есть Богъ. И то, и другое надо принять на вѣру; и то, и другое одинаково возможно или невозможно.

Всѣ доказательства бытія Божія никуда не годятся; но «я знаю, что есть Богъ, какъ стрѣлка на компасѣ знаетъ, что есть полюсъ» (Байронъ). Надо только, чтобы рядомъ съ компасною стрѣлкою не было другого магнита, болѣе сильнаго.

Богъ всемогущъ пока еще только для Себя, а не для насъ, не для міра. Новалисъ хорошо сказалъ, что люди должны «помогать Богу».

«Я—Ты», обращеніе человѣка къ Богу (изреченіе индійской мудрости). «Я—это Ты, въ моемъ сердцѣ Обиженный» (З. Гиппіусъ).

«Богоискатели»—глупая кличка: нельзя искать,—можно только имѣть или не имѣть Бога.

Въ Россіи сейчасъ много религіозныхъ людей, но между ними нѣтъ связи: каждый думаетъ, что онъ одинъ.

Въ наше время всякій вѣрующій имѣетъ видъ глуповатый. Вотъ почему такъ мало вѣрующихъ; но все-таки больше, чѣмъ кажется.

Страхъ смѣшного и глупаго дѣлаетъ людей смѣшными и глупыми.

Если бы меня спросили, какая книга самая свободная, самая мятежная,—я отвѣтилъ бы, не задумавшись: Библія. Недаромъ католикамъ запрещено ее читать, а мы не смѣемъ или не умѣемъ.

Око за око, зубъ за зубъ,—это всѣ помнятъ, а вотъ чего никто: «Если попадется тебѣ на дорогѣ птичье гнѣздо съ птенцами, и мать сидитъ на птенцахъ или на яйцахъ, то не бери матери» (Второзак., 22, 6). Тутъ уже «птички-сестрички» св. Франциска, да и все христіанство.

Трагедія іудейства—между человѣкомъ и Богомъ: человѣкъ борется съ Богомъ (Израиль — «богоборецъ»). Трагедія христіанства—внутри человѣка: человѣкъ борется съ самимъ собою.

Евангеліе не говоритъ одному «да», другому «нѣтъ», но одному и тому же «да» и «нѣтъ». На кажущихся противорѣчіяхъ, на антиноміяхъ, держится Евангеліе, какъ птица на крыльяхъ.

Евангеліе, т.-е. одно уже то, что такая книга е с т ь, не меньшее чудо, чѣмъ воскрешеніе Лазаря.

Христосъ никогда не смѣялся?—Да, въ Евангеліи нѣтъ смѣха, но на всемъ улыбка.

Я пришелъ къ Евангелію черезъ древне-греческія трагедіи. Когда я читалъ ихъ, мнѣ казалось, что нѣтъ ничего выше; но прочелъ Евагеліе и увидѣлъ, что оно надъ ними, какъ звѣзды надъ горными вершинами.

Христосъ говоритъ съ лодки, потому что по водѣ слышнѣе звукъ. Есть такія слова въ Нагорной проповѣди, которыя не могли быть на равнинѣ сказаны.

Музыка иногда убѣдительнѣе логики.

Пиѳагорейцы знали, что музыка—математика въ звукахъ. Съ такою же точностью, какъ математика объ этомъ мірѣ, говоритъ музыка о мірахъ иныхъ.

Христіанство терпитъ пораженіе за пораженіемъ. Но терпитъ пораженія то, съ чѣмъ борются, а борются съ тѣмъ, что живо.

Міръ, по крайней мѣрѣ, нашъ земной міръ, к о н е ч е н ъ, а, слѣдовательно, к о н ч и т с я. Хорошо или дурно кончится,—это зависитъ отчасти отъ насъ.

Животный не знаютъ смерти. Человѣкъ сталъ человѣкомъ, когда онъ узналъ, что смертенъ; и человѣчество станетъ человѣчествомъ, когда оно узнаетъ, что смертно, т.-е. что «кончина міра»—не пустая басня.

Какъ умные люди (Достоевскій, Вл. Соловьевъ, Паскаль) могутъ вѣрить въ «чорта»? Но если Богъ—абсолютное добро въ Личности, то почему бы не быть и абсолютному злу тоже въ личности?

«Чортъ» хитеръ: ему надо быть невидимкою, и онъ дѣлаетъ смѣшными тѣхъ, кто на него указываетъ.

Какое же лицо у «чорта»?—Для тебя твое, для меня мое, для каждаго свое.

Что человѣку самое страшное?—Онъ самъ.

Ты себя жалѣешь, какъ мать больное дитя. Но разбей дитя о камень, и увидишь, что это діаволовъ щенокъ.

Что такое «хамъ»? «Земля трясется и не можетъ вынести раба, когда онъ дѣлается царемъ» («Притчи Соломона») Рабъ на царствѣ—хамъ.

Въ вѣчность мукъ можно было вѣрить, но уже нельзя: тутъ невѣріе выше вѣры.

Дьяволъ судитъ насъ по злымъ дѣламъ, а Богъ—по добрымъ намѣреніямъ: ими рай, а не адъ мощенъ.

II

Люди подлы, люди благородны. Но подлы ли въ корнѣ, или въ корнѣ благородны,—это еще вопросъ.

Даже самые грубые люди съ удивительною тонкостью угадываютъ, что мы о нихъ думаемъ.

Я себѣ кажусь то лучше, то хуже другихъ, но это —обманъ самолюбія; я ни лучше, ни хуже другихъ: я какъ всѣ.

Легче простить другого, чѣмъ себя.

Въ тщеславіи дурная любовь, но все же любовь къ людямъ.

Слава—отрыжка: съѣдено, переварено,—забыто; съѣдено, не переварено,—помнится.

Духовно, какъ и тѣлесно, въ молодости мы лучше видимъ вблизи, въ старости—издали.

Больные и несчастные чувствуютъ себя виноватыми: если мнѣ плохо, значитъ, я плохъ.

Чѣмъ больше живешь, тѣмъ больнѣе и радостнѣе; все глубже забираешь сердцемъ въ жизнь, какъ плугомъ въ землю.

Боль—всегда ростъ души или тѣла.

Въ уединеніи пріобрѣтаешь, въ общеніи отдаешь теплоту; но отдавай, не жалѣя: чѣмъ больше отдаешь, тѣмъ больше пріобрѣтаешь.

Жизнь—со всячинкой. «Жизнь такова, что нельзя сказать ни того, что она очень хороша, ни того, что она очень дурна» (Софоклъ).

Я бы вынесъ всѣ муки жизни, но какъ вынести грубость жизни?

Когда слышишь разговоръ на улицѣ, то почти всегда о деньгахъ.

У дураковъ—своя логика, съ которой иногда и умникамъ не справиться.

Есть люди съ планеты Сатурнъ, гдѣ все тяжелѣе, чѣмъ на землѣ,—имъ здѣсь легко (Катковы—Бисмарки); есть люди съ планеты Меркурій, гдѣ все легче, —имъ здѣсь тяжело (Лермонтовы—Байроны).

Мы считаемъ время по часамъ и думаемъ что оно для всѣхъ одно. Но для каждаго человѣка—свое время, и всѣ времена разныя. Современники отдѣлены другъ отъ друга вѣками. Вотъ почему такъ трудно столковаться.

Изъ записокъ XX вѣка:

«Наша мысль—отточенная бритва, наша воля—гнилая нитка. Съ этимъ жить нельзя; можно только медленно сходить съ ума, что̀ мы и дѣлаемъ».

Сейчасъ такая же анархія въ полѣ, какъ и въ политикѣ. Терроръ пола. «Нельзя и надо убить»,—нельзя и надо любить. «Еще необходимо любить и убивать» (Бальмонтъ).

Половая любовь—поединокъ впотьмахъ.

Стыдъ въ любви прикрываетъ самое святое или самое грѣшное. Но никогда не знаешь навѣрное, что именно. Въ любви—желѣзная грубость и воздушная нѣжность: на что попадешь.

Въ любви, даже самой добродѣтельной, дозволенной, что-то есть, съ чѣмъ люди (нѣкоторые) никогда не примирятся, и отъ чего ихъ мутитъ, точно «живую рыбку съѣлъ».

Монахи ошибаются: страхъ вѣчности не угашаетъ,

а раздуваетъ уголь похоти, какъ вѣтеръ кузнечныхъ мѣховъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Парижѣ въ Отёйль, на улицѣ Буленвилліе, я встрѣтилъ старушку. Сошлись и разошлись—одно мгновеніе. Но я никогда не забуду лица ея: такое милое! И все почему-то кажется, что мы еще встрѣтимся.

Величайшія горести и величайшія радости я испыталъ во снѣ.

Разлука—маленькая смерть.

Любовь къ природѣ? Нѣтъ, не любовь, а влюбленность. Я никогда не сомнѣвался, что природа—существо личное, и что ей можно сказать: «Ты».

III

Августовскій вечеръ. Я иду проселочной дорогой въ полѣ. Пахнетъ мятой, пылью, дегтемъ и зрѣющимъ овсомъ. По этому запаху я и на томъ свѣтѣ узнаю Россію.

Ужасный звукъ гармоники,—сумасшедшій смѣхъ и плачъ вмѣстѣ,—вся Россія.

Тысячелѣтіе виситъ въ воздухѣ немолчная брань —самое гнустное о самомъ святомъ—о матери.

Англійское лицемѣріе (cant) и русское безстыдство.

Лицемѣріе, «невольная дань порока добродѣтели»,— все-таки лучше. Мы погибаемъ отъ безстыдства.

Русская терпимость—домъ терпимости.

Когда долго не видѣлъ Россію, то каждый разъ удивляешься, какъ она несчастна. Хуже мы или лучше другихъ, но, навѣрное, несчастнѣе всѣхъ.

Государство, по существу своему, разсчитано на средній человѣческій уровень, а мы—люди бездонныхъ крайностей. Вотъ почему государство Россіи не удается.

Побѣдоносцевъ за чайнымъ столомъ у митрополита Антонія:

— Россія—ледяная пустыня, по которой ходитъ лихой человѣкъ.

Недавно въ Петербургѣ, въ центрѣ города, нашли трехъ молодыхъ дѣвущекъ, безработныхъ, отравившихся, чтобы не умереть съ голода. И никто не обратилъ на это вниманія. А, вѣдь, это страшнѣе Цусимы.

Нельзя говорить противъ смертной казни,—можно только кричать отъ ужаса.

Разговоръ наединѣ съ цензоромъ:

— Это въ Евангеліи сказано...

— А вы думаете, что мы разрѣшили бы Евангеліе?

Цензура—смертная казнь слова.

Единственное завоеваніе—то, что нѣсколько запретныхъ словъ вошло въ печать. Но и это отнято: было, какъ бы не было.

— А все-таки лучше, чѣмъ было?

— Нѣтъ, хуже. Извнѣ какъ-будто лучше, а внутри, навѣрное, хуже.

И всего ужаснѣе, что нельзя себѣ даже представить, какъ выйти изъ того положенія, въ которое сейчасъ попала Россія. Ни въ кузовъ, ни изъ кузова.

— Развѣ можно быть слишкомъ русскимъ?

— Да, можно: почти всѣ русскіе—слишкомъ русскіе.

Русскіе ничего не дѣлаютъ,—съ ними все дѣлается.

Соединить свободу съ Богомъ,—въ этомъ спасеніе Россіи. Но какъ это трудно понять!

IV

Русская литература сейчасъ такъ же больна, какъ вся Россія: или свобода безъ Бога, или Богъ безъ свободы.

Мы почти преодолѣли, т.-е. поняли Толстого; начинаемъ преодолѣвать Достоевскаго. Но о преодолѣніи Пушкина и подумать страшно, а безъ этого нѣтъ путей къ будущему.

Л. Толстой еще не забывается, но уже отдаляется. Горе не ему, а намъ!

Русская литература въ началѣ XX вѣка не хуже, чѣмъ въ началѣ XIX, но тогда дѣло шло къ жатвѣ, а

теперь мы подбираемъ за жнецами колосья, какъ Руѳь на полѣ Вооза.

— Есть ли у меня талантъ? Стоитъ ли мнѣ писать?

— Если бы у васъ былъ талантъ, вы бы объ этомъ не спрашивали.

Въ жизни каждаго человѣка есть все, что нужно для великаго художника; но только великій художникъ умѣетъ выбирать.

Стоитъ человѣку подумать, что его будутъ читать, чтобы онъ оглупѣлъ.

Легче гранить камни, чѣмъ слова.

Театръ почти никогда не бываетъ среднимъ, а высшимъ или низшимъ родомъ искусства. Сейчасъ онъ —низшій.

Сквозь книгу увидѣть лицо человѣка, въ этомъ вся задача критики.

Важно, что̀ человѣкъ сдѣлалъ, но еще важнѣе, чѣмъ онъ былъ.

Я боюсь коровъ: у нихъ тупой и любопытный взглядъ, по которому никакъ не рѣшишь, боднетъ или не боднетъ. Такой же взглядъ у иныхъ критиковъ.

Похвала можетъ промахнуться, но хула никогда. Нельзя сказать о человѣкѣ самаго дурного, что̀ не было бы отчасти вѣрно: всякій человѣкъ во всемъ грѣшенъ.

Туземцамъ острова Борнео свѣтляки на острыхъ спицахъ служатъ свѣчками,—судьба писателей.

Изъ надгробнаго слова:

«Онъ самъ не горѣлъ, но зажигалъ фонари на темныхъ улицахъ».

Въ наше время, а, можетъ-быть, и всегда, частныя письма живѣе книгъ. Книги—сухой хлѣбъ, а письма живыя зерна, которыя мы ѣдимъ, растирая колосья руками.

Много читающихъ—мало читателей. Чтобы прочесть книгу, какъ слѣдуетъ, надо написать ее снова вмѣстѣ съ авторомъ.

Печатать хуже, чѣмъ писать; писать хуже, чѣмъ говорить; говорить хуже, чѣмъ молчать.

КОНЕЦЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ

	стр.
На пути въ Эммаусъ	5
Смерть Толстого	15
Зеленая палочка	21
Двѣ Россіи	27
Гёте	45
Байронъ	69
Св. Елена	103
Александръ I	125
Страшное дитя	139
Земной Христосъ	155
Расколовшійся колоколъ	169
Два отреченія	185
Религіозное народничество	199
Розановъ	219
Суворинъ и Чеховъ	237
Націонализмъ и религія	255
Кто убилъ	263
Горькій и Достоевскій	269
Несоленая соль	285
Востокъ или Западъ?	295
О черныхъ колодцахъ	311
Ночью о солнцѣ	325
Мертвая точка	335
Маленькія мысли	347